

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО • 2
2024
• ВЕДЕНИЕ
SLAVIC STUDIES

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

2
2024

МАРТ •
АПРЕЛЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Сedaкова (гл. редактор), А.С. Стыкалин (отв. секретарь), И.Е. Адельгейм,
М.В. Белов, О.В. Белова, М.М. Валенцова, Т.В. Володина (Беларусь), М. Гардзанити (Италия),
А.Н. Галямичев, А.А. Гиппиус, Хр. Дейкова (Болгария), М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун,
М.В. Лескин, К.В. Лифанов, Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко, В.В. Мочалова, С.А. Мызников,
К.В. Никифоров, О.В. Павленко, В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин,
Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, Н.Н. Старикова, О.В. Хаванова,
Э. Шашалми (Венгрия), Е.И. Якушкина.

Заведующая редакцией *Е.Ю. Нуйкина*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а
Телефон +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

Наумов Н.Н. (Москва). Религиозный фундаментализм и ветхозаветная топика в идеологии гуситских войн (осада Хомутова в 1421 году)	5
Алмазов А.С. (Москва). Московские договорные статьи 1665 г.: переговорный процесс и утверждение царем	16
Флоря Б.Н. (Москва). Вопрос о судьбе г. Чигирина в отношениях Москвы и гетманства в первой половине 1678 года	28
Дмитриев М.В. (Москва). О западных и восточных границах «польского мира» и о польской идентичности в XIII–XIX веках	34
Рагозин Г.С. (Архангельск). Образы династии Пршемысловцев в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра	55
Толстая С.М. (Москва). Очерк польской народной демонологии. II	65
Црияк Д., Якушкина Е.И. (Баня-Лука, Москва). Лексическое своеобразие речи жителей г. Баня-Лука и его представление в лексикографии	78
Рыжова Д.А. (Москва). Типология и лексикография: русский глагол <i>бросить</i> и его сербский переводной эквивалент <i>бацити</i> на типологическом фоне	92
Шкапенко Т.М., Дудурич О.В. (Калининград). Эпидигматика интернациональных лексем <i>пилот/pilot</i> в сопоставительном аспекте (на материале славянских языков)	105

СООБЩЕНИЯ

Гаврилов М.А. (Москва). Библейское цитатное пространство «Грамматики славенския правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 года	116
Казаков И.И., Чиварзина А.И. (Москва). В поиске мегленорумын: этнолингвистическая экспедиция в Македонию	124

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Дыбо В.А. (публикация <i>Дыбо А.В., Крылова С.А. и Саенко М.Н.</i>). Из корреспонденции В.А. Дыбо: переписка с Г.К. Венедиктовым	132
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Галямичев А.Н. Г.П. Мельников. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени	142
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гусев Н.С. III Всероссийское совещание славистов	150
Носов Б.В. Конференция: «Социально-политические движения в истории России и Польши»	151

НЕКРОЛОГИ

Памяти Михаила Николаевича Кузьмина (1931–2023)	155
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

MARCH •

APRIL •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), **Aleksandr S. Stykalin** (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, **Michael V. Belov**, **Olga V. Belova**, **Marina M. Valentsova**, **Tatiana V. Volodin** (Belarus),
Marcello Gardzaniti (Italy), **Aleksandr N. Galyamichev**, **Aleksey A. Gippius**, **Nikita S. Gusev**,
Hristina Deykova (Bulgaria), **Miloš Zelenka** (Czech Republic), **Elena N. Kovtun**,
Maria V. Leskonen, **Konstantin V. Lifanov**, **Gennady F. Matveev**, **L'ubor Matejko** (Slovakia),
Victoria Mochalova, **Sergey A. Myznikov**, **Konstantin V. Nikiforov**, **Olga V. Pavlenko**,
Vojislav Pavlović (Serbia), **Vladimir Ya. Petrukhin**, **Roumiana Preshlenova** (Bulgaria), **Mikhail Robinson**,
Nadezhda N. Starikova, **Boris N. Florya**, **Olga V. Khavanova**, **Endre Sashalmi** (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova*, *T.Yu. Kravchenko*, *I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a
Phone: +7 (495) 938-01-20
E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Naumov N.N.</i> (Moscow). The Religious Fundamentalism and the Old-Testament Topoi in the Ideology of the Hussite Wars (The Siege of Chomutov in 1421).....	5
<i>Almazov A.S.</i> (Moscow). The 1665 Moscow Treaty Articles: The Negotiations and the Approval of the Agreement by the Tsar.....	16
<i>Florya B.N.</i> (Moscow). The Question About the Destiny of the City of Czigin in the Relations of Moscow and Hetmanate in the First Half of 1678	28
<i>Dmitriev M.V.</i> (Moscow). On the Western and Eastern Frontiers of the «Polish World» and on the Polish Identity in the 13th – 19th Centuries.....	34
<i>Ragozin G.S.</i> (Arkhangelsk). Images of Přemysl Dynasty in <i>The Austrian Plutarch</i> by Joseph von Hormayr.....	55
<i>Tolstaya S.M.</i> (Moscow). A Brief Outline of Polish Folk Demonology. II.....	65
<i>Crnjak D., Yakushkina E.I.</i> (Banya Luka, Moscow). Lexical Peculiarities of Speech of the Residents of Banja Luka and its Representation in Lexicography	78
<i>Ryzhova D.A.</i> (Moscow). Typology and Lexicography: The Russian Verb <i>Brosit'</i> and its Serbian Translational Equivalent <i>Baciti</i> on a Typological Background.....	92
<i>Shkapenko T.M., Dudurich O.V.</i> (Kaliningrad). Epidigmatics of International Lexemes <i>nuom/pilot</i> in Comparative Aspect (on the Material of Slavic Languages)	105

ESSAYS

<i>Gavrilkov M.A.</i> (Moscow). Biblical Quotation Layer in Meletius Smotrytsky's Slavonic Grammar with Correct Syntax (1619).....	116
<i>Kazakov I.I., Chivazina A.I.</i> (Moscow). In Search of Megleno-Romanians: An Ethnolinguistic Field Research in Macedonia.....	124

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Dybo V.A.</i> (publication by <i>Anna V. Dybo, Sergey N. Krylov, and Mikhail N. Saenko</i>). From the Correspondence of V.A. Dybo: Letters to G.K. Venediktov.....	132
--	-----

REVIEWS

<i>Galyamichev A.N.</i> G.P. Melnikov. Czech Socio-Historical Thought of the Middle Ages and Early Modern Times.....	142
--	-----

SCOLARLY LIFE

<i>Gusev N.S.</i> Third National Russian Symposium of Slavists.....	150
<i>Nosov B.V.</i> A Session «Socio-Political Movements in the History of Russia and Poland»	151

IN MEMORIAM

Mikhail N. Kuzmin (1931–2023)	155
-------------------------------------	-----

Религиозный фундаментализм и ветхозаветная топики в идеологии гуситских войн (осада Хомутова в 1421 году)

© 2024 г. Н.Н. Наумов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

nn-naumov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются обстоятельства осады Хомутова пражскими гуситами и таборитами в 1421 г. на основании разбора трех наиболее подробных свидетельств XV в.: «Гуситской хроники» Лаврентия из Бржезовой, «Хроники старого пражского коллегата» и рассказа «Об обороне города Мост против гуситов в 1421 г.» Иоганна Леониса. Установлено, что при осаде гуситы следовали предписаниям и пророчествам Ветхого Завета. Убийство всего мужского населения Хомутова в ответ на сопротивление было осуществлено в соответствии со Второзаконием (20:10–15). К евреям, которых гуситы считали язычниками, было применено пророчество Иеремии о Вавилоне (51:58). Сыновей и дочерей города гуситы предали мечу в соответствии с пророчеством Иезекииля об Оголиве — аллегории Иерусалима (23:24). Ветхий Завет осаждавшие воспринимали в качестве пособия по ведению войны. Тем самым пражские гуситы и табориты показали себя крайними христианскими фундаменталистами и социальными архаистами, ведь в их видении (точно так же, как в представлении древних евреев) религия была неотделима от политики: последняя оказывалась продолжением первой и по этой причине реализовывалась предельно бескомпромиссно и жестоко.

Ключевые слова: Гуситские войны, табориты, пражские гуситы, Ветхий Завет, Чешское королевство, XV век.

Ссылка для цитирования: Наумов Н.Н. Религиозный фундаментализм и ветхозаветная топики в идеологии гуситских войн (осада Хомутова в 1421 году) // Славяноведение. 2024. № 2. С. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X24020012, EDN: zejviv

The Religious Fundamentalism and the Old-Testament Topoi in the Ideology of the Hussite Wars (The Siege of Chomutov in 1421)

© 2024. Nikolay N. Naumov

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

nn-naumov@mail.ru

Abstract: The paper examines the siege of Chomutov undertaken by the Prague Hussites and Taborites in 1421. Three the most detailed testimonies deriving from the 15th century are analysed, i.e. the «Hussite Chronicle» of Lorence of Březová, the anonymous «Chronicle of the old Prague Collegiate» and the narration «About the defense of the town Most against the Hussites in 1421» composed by Johann Leonis. It has been shown in the paper that the Hussites did follow the instructions and prophecies of the Old Testament. According to the Book of Deuteronomy (20:10–15) they did murder the whole male population of Chomutov which had undertaken a military resistance. The Prophecy of Jeremia about the Babylon (51:58) was applied by them to the Jews whom they considered to be pagans. The Hussites did kill the sons and daughters of the town following the Prophecy of Ezechiel about harlot Ooliba who had been associated with the town of Jerusalem by the prophet. Author has come to the conclusion that the Old Testament was considered by the besiegers as the handbook of warfare. Thus, the Prague Hussites and Taborites did show themselves as the ultimate Christian fundamentalists and social archaists, inasmuch as their Hussite insight as well as the old Hebraic insight did not make any distinction between religion and politics: the Hussite politics became the continuation of the religion, thus being realised uncompromisingly and cruelly.

Keywords: the Hussite wars, Taborites, the Prague Hussites, the Old Testament, the Kingdom of Bohemia, the 15th century.

For citation: *Nikolay N. Naumov. The Religious Fundamentalism and the Old-Testament Topoi in the Ideology of the Hussite Wars (The Siege of Chomutov in 1421) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 2. P. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X24020012, EDN: zejbjv*

Святой Антоний Великий дал такой совет: «Где бы ты ни был, — имей Бога пред очами твоими; делай только то, на что имеешь свидетельство Писания»¹. Думается, что эти слова наилучшим образом выражают логику поведения, присущую гуситам 1420-х годов — чешским утраквистам², так как именно Библия являлась для гуситов центральным ориентиром. Их основной религиозно-политической программой были Четыре Пражские статьи, сформулированные магистрами Пражского университета в 1420 г. и выражавшие требование свободы проповеди, причащения всех христиан под обоими видами, ликвидации церковного землевладения и наказания смертных грехов. Бросается в глаза, что аргументация к каждой статье начинается с новозаветных цитат: тем самым пражские магистры давали понять, что справедливое мироустройство должно базироваться на Новом Завете в первую очередь. В Третьей статье эта политическая программа сформулирована предельно наглядно: клир должен быть возвращен «к состоянию Христа и апостольскому» (ст.-чеш. *k stawu Kristowu a apoštolskému*), т.е. ко времени первых христиан, когда Церковь не обладала никакой светской властью и собственностью³. Микулаш из Пелгржинова — пражский магистр, в раннехристианских традициях избранный общиной (таборитами) в качестве епископа — прямо заявил, что закон Евангелия более совершенен, чем закон Моисея, а потому приговоры Ветхого Завета о смертной казни «в наш день» уже не имеют силы⁴. Эти слова были сказаны

¹ Брянцианов И., 24.

² Утраквистами именуют тех, кто исповедует принцип причащения «под обоими видами» (лат. *sub utraque specie*) как духовных лиц, так и светских.

³ Archiv český, 215.

⁴ Orationes, quibus Nicolaus de Pelhřimov, 5.

на Базельском соборе в 1433 г., когда все стороны гуситского конфликта (в том числе радикалы-табориты) старались отыскать приемлемый путь к примирению.

Иной была ситуация в начале конфликта: актуализировался именно Ветхий Завет, содержащий более воинственные образы. Американский исследователь Говард Каминский предложил убедительную реконструкцию сценария первой пражской дефенестрации 30 июля 1419 г.: тогда пражские гуситы расправились с бургомистром и коншелями Нового Пражского города, которые притесняли утраквистов. Утром того же дня гуситский проповедник, бывший монах-премонстрант Ян Желивский прочел пастве проповедь (ее текст был обнаружен Г. Каминским), которая запрограммировала дальнейшее развитие событий: сначала проповедник констатировал, что каноники и священники преследовали Яна Гуса, но не он их; община верующих не преследует городских судей и присяжных, но они ее преследуют — и, возбудив этим утверждением праведный гнев в своих прихожанах, Желивский затем с явным умыслом выбрал слова из Книги пророка Иеремии о лжепророках: «Народ, которому пророчествуют лжепророки, разбросан будет по улицам Иерусалима и некому будет хоронить их» (Иер. 14:16). В тех священниках, которые не желали причащать мирян под обоими видами, гуситы видели именно лжепророков, а ключевые слова («будут разбросаны по улицам», лат. *erunt projecti in viis*) и были реализованы в ходе дефенестрации, когда гуситский крестный ход во главе с Яном Жижкой выбросил традиционных католиков из окон ратуши на мечи и алебарды, восстановив нарушенную справедливость [Kaminsky 1967, 292–296].

В 1421 г. объединенное войско пражских гуситов и таборитов предприняло осаду города Хомутов. Интерпретация и имплементация осаждавшими ветхозаветной топика является предметом этой статьи, в которой продолжен заданный Г. Каминским герменевтический импульс к реконструкции воззрений гуситов через тексты эпохи. П. Главачек отметил, что эта осада была зафиксирована и описана во многих источниках, в том числе документальных, составленных в Яромерже и Чешской Липе: «Известие о кровавом взятии Хомутова тотчас же облетело всю Чешскую землю», — констатировал П. Главачек⁵. В этой статье фокус сделан на тех памятниках (двух гуситских и одном католическом), в которых данное событие было описано наиболее подробно: речь идет о «Гуситской хронике» Лаврентия из Бржезовой, анонимной «Хронике старого пражского коллегиата» и рассказе католического магистра Иоганна Леониса «Об обороне города Мост против гуситов в 1421 г.».

1. Гуситские источники.

Взятие города Хомутов таборитами и пражанами пражский гусит Лаврентий из Бржезовой описывает следующим образом:

«В год тот же, т.е. 1421, в то время как длилось некое перемирие, заключенное с плзеньцами, о котором выше было сказано, все войско направляется к городу Хомутов, который они мощно осаждают в 15-й день марта, т.е. в субботу перед воскресеньем “Господи, не удаляй [помощь твою от меня]” (Пс. 21:20. — Н.Н.). И поскольку немцы со стенных выступов поносили приближающееся войско и напали на него в тот же день, тотчас же на следующий день, т.е. в то воскресенье, когда поют “Господи, не удаляй” — войско совершило нападение на город со всех сторон, вторгшись во рвы и стены. И не смотря на то, что жители города лили растопленную смолу и кипящую воду,

⁵ См. разбор источников, предпринятый П. Главачеком [Hlaváček 2007, 68–71].

пражане с одной стороны и табориты с другой захватывают город вместе с замком. Вторгшись в город, они предпринимают большой грабеж, так что столько богатств никогда не находилось. Уничтожив всех мужчин города мечом и огнем, едва ли тридцать человек оставили в живых, чтобы они хоронили трупы мертвых. И было похороненных этими людьми более двух тысяч и пятнадцати сотен, исключая многих сожженных панюшей, граждан, священников и евреев. Жены таборитов равным образом учинили там же страшное преступление: ведь жен и девиц, которые оплакивали своих мужей и родителей, они отвели за город, обещая дать им уйти невредимыми. Как только они пришли за город, они лишили их одежду и всех денег. Отняв вещи, они, закрыв их в каком-то сарае с виноградом, сжигают их в пучине огня и не щадят беременных, чтобы увеличить пятно своей несправедливости»⁶.

Лаврентий подчеркнул, что штурм города на следующий же день после подхода гуситских войск произошел, «поскольку» (лат. *cum historicum / cum causale*) немцы (наемники Сигизмунда, жители города, либо же тевтонские рыцари, которым этот город принадлежал. — *Н.Н.*) начали ругаться и первыми совершили нападение на гуситов. Последующее истребление гуситами всех мужчин города частично соответствует тому предписанию об осаде, которое дал Моисей израильскому народу: «Если ты когда-либо приступишь к завоеванию города, сначала предложи ему мир. Если он примет и откроет тебе ворота, тогда весь народ, который в нем, пусть сохранится и служит тебе под данью. Если же не захочет вступить в союз и **начнет войну против тебя** (выделено мной. — *Н.Н.*), захвати его. И когда предаст Господь Бог этот город в руки твои, **уничтожь все в нем что мужского рода, пред лицом меча**, кроме женщин и детей, тягловых животных и прочего, что есть в городе. Всю добычу раздели в войске и вкуси добычи врагов твоих, которую Господь Бог Твой дал тебе. Так поступай со всеми городами, которые очень далеки от тебя, а не из этих городов, которые ты примешь во владение» (Втор. 20:10–15)⁷. Хомутовцы первыми начали войну (совершили вылазку), а гуситы лишь воплотили то, что приказывает в таком случае Ветхий Завет. Необходимо отметить, что в интерпретации Лаврентия войны-гуситы не воспринимали женщин города в качестве добычи: когда таборитки подошли к ним, те оплакивали своих павших защитников (а не

⁶ «Item anno eodem scilicet MCCCCXXI currente facta cum Plznensibus aliqualia concordia, ut supra tactum est, totus exercitus movetur versus Chomutow civitatem, quam XV die Martii, scilicet sabbato ante Domine ne longe potencialiter circumvallant. Et cum Theutonici per menia murorum exercitum advenientem blasphemarent et eum eo die cum inpetu repellerent, statim in crastino, hoc est in dominico die, quo cantatur in Ecclesia Domine ne longe, exercitus inpetum fecit in civitatem ex omni parte fossata et muros invadendo. Et non obstante, quod incole civitatis liquatam picem ac ferventis aque liquorem funderent, Pragenses tamen ex una et Thaborite parte ex altera una cum castro acquirunt civitatem, quam ingredientes magnum committunt spoliū, ita quod simile in diviciis numquam invenerunt, omnesque civitatis viros gladio et igne interimentes vix XXX in vita salvarunt, ut cadavera mortuorum sepelirent. Fueruntque ab hiis sepulti ultra duo millia et quindecim centena demptis plurimis combustis clientibus, civibus, presbiteris et Judeis. Thaboritarum vero inique mulieres horrendum ibidem scelus commiserunt, mulieres enim et virgines viros suos et parentes deflentes extra civitatem deduxerunt promittentes eis salvas abire, que cum extra civitatem devenirent, eas vestibus spoliānt et pecuniis aliisque rebus ablatis in quodam tugurio vinee includentes ignis voragine consumunt, nec pregnantibus parcent, ut livorem sue iniquitatis augmentent». *Vavřinec z Březové. Kronika husitská...*, 476–477.

⁷ «Si quando accesseris ad expugnandam civitatem, offeres ei primum pacem. Si receperit, et aperuerit tibi portas, cunctus populus, qui in ea est, salvabitur, et servuet tibi sub tributo. Sin autem foedus inire noluerit, et coeperit contra te bellum, oppugnabis eam. Cumque tradiderit Dominus Deus tuus illam in manu tua, percuties omne, quod in ea generis masculini est, in ore gladii, absque mulieribus et infantibus, jumentis et ceteris, quae in civitate sunt. Omnem praedam exercitui divides, et comedes de spoliis hostium tuorum, quae Dominus tuus dederit tibi. Sic facies cunctis civitatibus, quae a te procul sunt, et non sund de his urbibus, quas in possessionem accepturus es». The Vulgate Bible, 982.

собственное пленение или иное насилие). В то же время, согласно древнееврейскому тексту, женщины побежденного города должны восприниматься как добыча победителей: тем самым мы имеем дело с тем, что гуситские войска задействовали ветхозаветную норму поведения, скорректировав ее в соответствии с собственными нравственными устоями. Тем не менее не только Ветхому Завету последовали осаждающие гуситы. В контексте настоящего исследования представляется важным следующее наблюдение П. Главачека: в убийстве беременных женщин таборитки шли вслед за словами «малого апокалипсиса» в составе Евангелия от Марка: «Горе беременным и питающим сосцами в те дни» (Мк: 13:17) [Hlaváček 2007, 71].

Второй гуситский источник («Хроника старого Пражского коллегиата») сообщает:

«В тот же год король Сигизмунд осадил Кладрубский монастырь. Тогда Жижка вместе с пражанами и своими осажденными войсками не преминул прийти на помощь. И когда они прибыли в Рокицану со своими войсками, король тотчас же убежал от монастыря. И тотчас пражане вместе с Жижкой и его людьми, т.е. Жатецкими, и с теми из города Клатовы, и с остальными панями осадил Пльзень. Эта осада продолжалась пять недель. Не захватив город, заключив определенные договоры с ними (с пльзеньцами. — Н.Н.), они отступили от города. Они проследовали в Жатецкий дистрикт, осадив город и замок Хомутов, который и захватили. В три дня они завладевают им в то Вербное воскресенье. И они предали смерти почти все взрослое мужское население. Из женщин тоже многие погибли. Евреи и еврейки, прежде чем подвергнуться крещению, внезапно бросались в огонь вместе с сыновьями⁸».

С одной стороны, это свидетельство подтверждает сообщение Лаврентия об убийстве гуситами всех мужчин захваченного города, с другой — сообщает о гибели евреев в огне, что (вкуче со словами Лаврентия о той казни, которую уготовили таборитки женщинам города) воссоздает судьбу Вавилона, предсказанную Иеремией: «Вот что говорит Господь войск: “Та широчайшая стена Вавилона подкопом подкапывается и его высокие ворота сжигаются, и труды людей в ничто [обратятся], и язычников [труды] — в огонь, и исчезнут”» (Иер. 51:58)⁹. При этом вполне естественно, что в рукописях Вульгаты XV в. бытовали разночтения. Так, в старочешском переводе Вульгаты, Микуловской Библии XV в. аналогичное место из пророчества Иеремии сформулировано так: «Вот что говорит Господь Бог отрядов: стена вавилонская превысокая будет подкопана подкопом и его ворота высокие будут сожжены огнем. И усилия людские — ни на что, и собрания народа в огонь будут [брошены] и погибнут»¹⁰.

⁸ «Eodem eciam anno rex Sigismundus circumvallavit claustrum Cladrub et tunc Zizka cum Pragensibus et cum suis exercitibus obsessis in subsidium venire non tardavit. Et quando venerunt Rokyczanam cum suis exercitibus, rex statim a clastro fugit et statim Pragenses cum Zizka et suis, puta Zacensibus, et cum illis de Clatovia et cum ceteris baronibus Plznam obsederunt. In cujus obsidione duraverunt quinque septimanas, et civitate non acquisita, certis pactis inter ipsos factis a civitate recedunt, et ad districtum Zatecensem proficiscuntur et circumvallaverunt civitatem et castrum Chomutow, quod et expugnant, et infra triduum acquirunt ipso die Palmarum et omne fere maturum masculinum genus morti subdiderunt. De feminino eciam sexu multi perierunt; et Judei et Judee, antequam baptizarentur, cum pueris sponte in ignem se projecerunt». Kronika starého kollegiata Pražského, 28.

⁹ «Haec dicit Dominus exercituum: Murus Babylonis ille latissimus suffossione suffodietur, et portae ejus excelsae igni comburentur; et labores populorum ad nihilum, et gentium in ignem erunt, et disperibunt». Biblia sacra vulgata, 470.

¹⁰ «Toto p(r)a(w)i pan buoh zastupow zed babilonska ta přewysoka podkopanim podkopana bude a brany ge(h) o wysoke ohniem seženy budu a usyle lidska k ničemuž a zborowe narodowi w ohen budu a zahynu». Брно. Моравская земская библиотека. Fol. 367r.

Выделенное место существенно отличается от современного, унифицированного текста Вульгаты: тем самым в Чехии XV в. были рукописи, согласно которым язычникам-вавилонянам Иеремия предрекал гибель в огне. Известно, что к казни сожжения на костре активно прибегали как традиционные католики, так и гуситы — причем считается, что последние поступали так в ответ на зверства своих противников¹¹. Однако в «Хронике гуситов» Лаврентия из Бржезвой можно найти и иное объяснение жестокостям: «Братья Таборские в это самое время отмщия являются ангелами, посланными для выведения верных из всех городов, деревень и замков на горы, подобно тем, кто вывел Лота из Содома. И что братья со своими приверженцами — это то тело, к которому, где бы оно ни было, собираются и орлы, о которых сказано в Писании: “Всякое место, которое будет топтать нога ваша, ваше и вашим будет” (цитата из Второзакония 11:24, что однозначно свидетельствует о знакомстве таборитов с нормами поведения, которые дал Моисей, в том числе касаясь осады городов. — *Н.Н.*). Ведь они — войско, посланное Богом по всему миру, чтобы удалить всяческие соблазны из Царства Христова, которое является церковью воинствующей, и для удаления злых из среды праведных, для совершения мести и чумы в адрес тех народов, которые являются противниками закона Христа, их городов, деревень и укреплений»¹². Тем самым у таборитов бытовало мнение, что они мстят не за себя самих, но за Бога и Его закон. В свою очередь, евреи отвергли как Христа, так и Евангелие. Следовательно, табориты не могли рассматривать их иначе как язычников, которых следует поставить перед выбором: либо крещение, либо смерть в огне, в соответствии с пророчеством Иеремии.

2. Католический источник: из рассказа «Об обороне города Мост против гуситов в 1421 г.» магистра Иоганна Леониса.

«В то же время Жижка, военачальник, приносящий позор, вместе со своими союзниками, жестоко продвигался через окраины королевства, грабя и учиняя много ужасающих сражений. Но прежде чем я расскажу о другой битве, я хочу рассказать о той, которая произошла поблизости и может быть более известной. В 1421 г. от Р.Х., в пятницу перед Вербным воскресеньем он направился со своими отрядами к городу Хомутову, который расположен в двух милях от Моста и подчинен Тевтонским крестоносцам. И они (гуситы. — *Н.Н.*) устроили вокруг него жестокую осаду. И в Вербное воскресенье внезапными натисками и штурмами он (Жижка. — *Н.Н.*) захватил его силой по причине бесчестного предпочтения со стороны ответственного гетмана. Господи!

¹¹ Такое мнение высказал Я. Пахта: «В нескольких случаях (в Прахатицах, в Бероуне и Хомутове) Жижка был вынужден поступить жестоко с врагами Чаши, но это можно объяснить: этот подход был ответом на зверства и оскорбления врагов, которые, нарушив данные обещания, допустили массовые жестокости в адрес гуситов» [Pachta 1947, 97]. С этим солидарен Ф. Шмагель, который утверждал: «Здесь табориты будто бы хотели отомстить за своих загубленных и сожженных братьев из Пршелоуча, Хотеборжи и других городов» [Šmahel 1993, 70]. Думается, что представление о гуситских жестокостях как о мести возникло уже во время Гуситских войн, примером чему является проповедь Яна Желивского от 30 июля 1419 г., исследованная Говардом Каминским.

¹² «Item quod fratres Thaboriensis isto tempore ulcionis sunt angeli missi ad educendum fideles de omnibus civitatibus, villis et castellis ad montes, sicut Loth de Sodomis et quod fratres cum suis adherentibus sunt illud corpus, ad quod, ubicunque fuerit, congregabantur et aquile, de quibus etiam dictum est: omnis locus, quem calcaverit pes vester, vester est et erit. Sunt enim exercitus a deo per totum mundum missus ad tollendum omnia scandala de regno Christi, quod est ecclesia militans, et ad ejiciendum malos de medio justorum et ad faciendum vindictam et plagas in nationes adversariorum legis Christi et eorum civitates, villas et municiones». *Vavřinec z Březové. Kronika husitská*, 414.

Это — невыразимое дело: сильная, жесточайшая бесчеловечность, какую они там совершили — и не только мужчины по своему собственному заблуждению, но казались гораздо более буйными жестокие деяния женщин, кричащих, словно безумные псы, пользующихся мечами и кольями с таким усердием и прилежанием, что ту жестокость, совершение которой у мужчин рождает ужас, эти женщины совершали, преображаясь и отбрасывая от себя всю свою женскую сущность сочувствия с пугающей дерзостью — совершали все это без страха. Что нужно еще сказать: к сожалению, священники были зарублены, городские жители-мужчины, от которых пока что было скрыто бесчестное предательство и сдача города, старались сопротивляться, но слухи непредвиденно нахлынули на горожан, так что они стали сомневаться в сопротивлении им (гуситам. — *Н.Н.*), а потому, лишённые всякой надежды, они были побеждены. Тогда их молотили цепями, пронзали их и рубили толпами. Не щадили ни девиц, ни женщин, ни плачущих младенцев в колыбелях, которых безо всякой пощады бросали в пламя огня. Церковь св. Екатерины, которая была воздвигнута вместе с драгоценными каменными квадратами (в трактовке Йозефа Нойвирта [Neuwirth 1893, 399] речь идет о стенах из тесаного камня. — *Н.Н.*), поскольку им показалось сложным вломиться в нее (такие церкви они всегда грабили, расхищая все драгоценности и ценные одежды), они сделали из этой церкви грязный хлев для многоножного, неразумного скота. Потому там, где незадолго прежде торжественно воспевали Бога, где были священники с человеческими голосами, с подобающим ангельским воспеванием — там теперь фырчат лошади, коровы и свиньи. И очень звучно слышны песни богохульных гордецов.

Также спрятавшиеся в укрытиях и щелях были выманены с обещанием всецелой милости, так что запуганные были ими обмануты: запертые, они были огнем сожжены и пожраны. Лежали там и здесь порубленные тела, и потоки крови стекались. Были еще останки сожженных людей — и то, что сохранилось от них. Тогда ужас, отвращение и смрад дошли до недоброго неприятеля, так что был выкрикнут приказ, чтобы кто-либо из тех, кто спрятался из страха смерти, вышел бы в полной уверенности, что им их жизнь будет сохранена — но только чтобы они предали земле тела мертвых и очистили места от нечистоты. Поверьте! Тогда вышло около 20 мужчин, которые эту вверенную очень страшную работу (а также удобное тем, кто это повелел) осуществили. Но когда они захотели разрешения идти восвояси, тогда им они (гуситы. — *Н.Н.*) урезали внешнюю часть носа. И они были с гневом изгнаны. И их призывали к тому, чтобы помнить о сдержанной клятве, так как им была обещана сохранность жизни.

Тогда они (гуситы. — *Н.Н.*) осмотрели внутренние здания, взяли домашнюю утварь и искали запрятанные сокровища. И обогатились из того, что взяли с убитых, прославляя себя по причине проклятой победы, оправдывая себя перед совестью, что они все взятое добро и золото заслужили в качестве зольда за свое рыцарство (т.е. денежной платы за военную службу. — *Н.Н.*) — тружданиями своими, и более того: они желали сделать должное для обновления своих сил из всех желаний своих сердец (несмотря на то, что это было неправильно и непринято). Потому их упрямое злобство было очень слепо, так что они все эти дни, даже в Страстную Пятницу, если мясо»¹³.

¹³ «Item indes was Zizka ein waffenfurer des lasters mit seinen buntgenossen durch die ende des reichs grausamlich streifend und raubende, vordringende vil erschrecklicher schlachten. Aber auf das ich von andern schlachten auslas, wil ich von einer sagen, die nahender geschehen und bekanter sein mag. Noch Christi geburt 1421 jare den freitag vor der palmensuntag wandt er sich mit seiner [schar] gegen der stat Chometaw, welche zwue meil von

В сравнении с конспективными сообщениями гуситских хроник, рассказ католического магистра Иоганна Леониса риторичен и насыщен литературными образами. Он составлен в том же XV в., но ближе к его концу: в отличие от гуситских хронистов — современников событий, Иоганн опирался на устную традицию, бытовавшую в соседнем городе Мост (в 15 км от Хомутова). Если рассказ о превращении храма св. Екатерины в хлев для скота — это не литературная выдумка, тогда логике этому поступку таборитов можно найти в словах Иоанна Крестителя из Евангелия от Луки: «Я крещу вас водой, но придет Тот, Кто сильнее меня: Ему я недостоин развязать ремень на обуви Его. Он крестит вас в Духе Святом и в огне: веялка в руках Его, и Он очистит область Свою. И соберет пшеницу в хлев Свой, а солому сожжет огнем неугасимым» (Лк. 3:16–17). Из рассказа Иоганна следует, что гуситы устраивали богослужение в том храме, который превратили в хлев — возможно, что этим они стремились воплотить именно это предсказание Иоанна Крестителя, равно как и отождествить себя самих с зернами пшеницы, собранной в хлеву — т.е. с теми, кто предопределен ко спасению.

Второй эпизод, отсутствующий в гуситских свидетельствах — рассказ о том, что двадцати выжившим хомутовцам, согласившимся погребать убитых,

Brux gelegen und der deuczer Creuczhern herrschaft unterworfen, welche sie umbgaben mit einer grausamlichen belegerung; und an dem palmensontage mit ungestumen angengen und sturmen nam er sie gewaltiglich ein aus der treulosen vorgungung des furwesenden hauptmans. O gutiger gott! Es ist ein unaussprechlich ding die grose grausamste unmenschlichkeit, die sie do begingen, so nicht allein die menner ires selbst irthumbs, sunder man sach auch vil ungestumer sein die grausamen merwunder der weiber wutende gleich den unsinnigen hunden, gebrauchende schwerter und stangen mit solcher muhe und fleis, das die grausamkeit, welche den mennern schnodigkeit halben zu vorbringen ein grauen gabe und gebure, diese weiber sich verwandelnde und werfende von sich alle ire weipliche eigenschaft der mitleidung mit erschrecklicher tursichtigkeit solches allis unerschrocken vorendeten. Was sal man mer sagen: die geweihten worden kleglich erslagen, die einwonenden menner der statt, welchen noch die treulose verrattung und ubergebung bis her vorborgen was, schikten sich zu widerstreiten, aber unvorsehens uberfielen die finde die burger, das sie ihn zuwiderschtehn vorzweifelte, auch also an alle hoffnung erbermlich uberwunden worden. Do zudrasch man sie mit den fleghen, durchstach sie, durchhib sie und schlug sie sicherit und heufficht ernider. Es ward wider der jungfrawen noch der frawen geschonet, auch nicht den weinenden kinden in der wigen, welche an alle erbarmung in die flamen des feuers eingeworfen wurden. Di kirchen der heiligen Katherine, welche aufgericht was mit koestlichen steinen quadraten, dorumb das sie erschein muesamklich eingebrochen zu werden, haben sie solche kirchen jemerlich in allen zirheiten und kostlichen kladungen beraubt und haben dorous gemacht einen unreinen befleckten schtal der vielfussigen unvormunftigen thier; also do man kurzlich dovorn herlich gott lobte und priester mit menschlicher schtime mit geselliger englischer frolockung, do rauschten und schriren iezunt die pferde, kuehe und schweine, auch so hoert man ser erschallen die gesenge der hoffertigen goczlesterer. Item die vorborgenen in den heimlichen loechern und hoellern worden mit hinweglegung aller barmherzigkeit herfurgezogen, und so die scheun mit in erfult; also vorschlossen sein sie mit feuer vorbrant und vorzert worden. Do lagen nu hin und her der erschlagenen coeper und die flus des blutes zusammen gerunen. Es waren auch noch vorhanden die uberbleibung und das vorlassene unvorzerte von den vorbranten menschen; do brach aus und zukuame dem ungutigsten feinde unertreglicher graw, verdrus und gestank, also das ein gebot ausgeschriren wurde, so irgent iemancz vorborgen wer aus forcht des todis, die solden auf guten glauben erfur gan, wan sie solden ires lebens gesichert sein, allein das sie die coeper der toden zu der erden bestatten und die stellen von der unsauberkeit reinigten. Nembt war! Do kwamen herfur gegangen menner bei zwenzigen, welche dis befolhne ser erschrecklich werk (noch gefallen der, die es geboten hatten) veranten. Aber da sie urlaub hinweg zu gehn begerten, so si ihn zuvor das euserste teil der nasen abgeschnitten hetten, wurden sie zorniclich ausgetriben und worden vermant gedechtig zu sein des gehaldenen glaubens, wan ihn wer sicherheit des lebens vorheissen worden. Item do besichtigeten sie die innerlichen gemach, namen das hausgeret und suchten vorgrabene scheceze und wurden reich aus der nam der erschlagenen, rumende sich der verfluchten sighaftigkeit vor gewis ausredende, das sie alles gewunnene gut und gelt zu einem solde irer ritterschaft mit irer arbeit vordient hetten, und das mer ist, meinten sie auch das zu erkuickung irer krefte ihn wol zimet gnug zuthun aller irer begirlichkeit der herzen (nichcz angesehen ab es geleich unordentlich oder ungewenlich wer). Derhalben ward ire vorhartete bosheit also ser vorblendet, das sie alle dise tage, auch an dem heiligen charfreitag, fleisch assen». *Magister Johannes Leonis*. Die älteste Erzählung, 32–36.

напоследок были урезаны носы (при том, что Лаврентий сообщает о тридцати жителях, получивших это задание). У меня есть два объяснения, каким нормам могли последовать гуситы в данном случае:

1) в пророчестве Иезекииля об Оголиве (распутнице, которую пророк отождествляет с Иерусалимом) говорится: «И придут они на тебя, снабженные колесницами, множество народов: повсюду вооружаются против тебя доспехом, щитом, шлемом — и Я дам в их присутствии суд, и они будут судить тебя судами своими. И обращаю ревность Свою на тебя, которую они осуществят над тобой в ярости: нос твой и уши твои отрежут, а что останется — мечу предадут. Схватят сыновей и дочерей твоих, и все новое твое (синоним к «сыновьям и дочерям» в составе семантического повторения, свойственного библейским текстам. — Н.Н.) будет пожрано огнем» (Иез. 23:24)¹⁴. Отождествив Оголиву с Хомутовым, а колесницы библейской эпохи — с собственным вагенбургом, табориты и пражане предали хомутовцев мечу; их женщин таборитки сожгли вместе с детьми, а последним выжившим досталась менее жестокая кара из тех, которые предусматривало пророчество Иезекииля — усеменение носа;

2) в «Хронике так называемого Далимила» утверждается, что князь Собеслав II обращался с немцами следующим образом: «После короля (Владислава II. — Н.Н.) князем был сын его Собеслав. И он, какого немца замечал, приказывал привести к себе и нос ему отрезал, говоря: “Немец, не ходи по миру, а в своей земле между своими сиди! С доброй целью ты от своих не ушел: говори, почему к чужим пришел?”»¹⁵. Здесь имеет значение то обстоятельство, что Хомутов принадлежал Тевтонскому ордену, а среди его защитников были «немцы» (лат. *Theutonici*), о чем говорит Лаврентий из Бржезовой. Кроме того, население Хомутова до 1421 г. было большей частью немецкоязычным — настолько, что возникла поговорка: «Повсюду — люди, а в Хомутове — немцы» (чеш. *Všude lidé, v Chomutově Němci*). Возможно, что такое наказание для них было обусловлено тем, что гуситские предводители из числа низшей знати пожелали последовать примеру из «Рифмованной хроники», которая вполне могла быть им известна: Далимилова хроника — это старочешский рыцарский эпос начала XIV в.

Подведем итоги. Гуситские авторы (Лаврентий из Бржезовой и анонимный автор «Хроники старого пражского коллегиата»), а также католический автор XV в. Иоганн Леонис описали поведение пражских гуситов и таборитов при осаде Хомутова 1421 г. Разбор этих описаний показал, что гуситы следовали тем нормам, которые были сформулированы в Ветхом Завете (убийство всех мужчин в сопротивляющемся городе в соответствии с Второзаконием; крещение либо смерть в огне для язычников, согласно пророчеству Иеремии; убийство сыновей и дочерей в том городе, который отступил от Бога,

¹⁴ «et venient super te instructi instucti curru et rota, multitudo populorum: lorica, et clypeo, et galea armabuntur contra te undique: et dabo coram eis iudicium, et iudicabunt te iudiciis suis. Et ponam zelum meum in te, quem exercent tecum in furore: nasum tuum et aures tuas praecident, et quae remanserint, gladio concident. Ipsi filios tuos et filias tuas capient, et novissimum tuum devorabitur igni». *Biblia sacra vulgata*, 636.

¹⁵ «Po králiu syn jeho Soběšlav kněžem biče.

Ten, kteréhož Němcé užříše,
k sobě přivesti kázáše
a nos jemu uřezáše,
řka: “Němče, po světu nesledí,
v svéj zemi mezi svými sedí!
Po dobré s’ ot svých nevyšel;
pověz, proč mezi ciuzie přišel?”». *Rýmovaná kronika česká*, 115.

как предвестил пророк Иезекииль). Ветхий Завет выступал в качестве пособия по ведению войны. Тем самым гуситы 1420-х годов выступали в качестве крайних христианских фундаменталистов и социальных архаистов, ведь в их видении (точно так же, как в видении ветхозаветных евреев) религия оказывалась неотделенной от политики: последняя становилась продолжением первой и по этой причине реализовывалась предельно бескомпромиссно и жестоко.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Брно. Моравская земская библиотека. Moravská zemská knihovna v Brně. Bible «mikulovská». Sign. Mk. – 0000.001.
- Брянчанинов И. Избранные изречения святых иноков и повести из жизни их. СПб.: издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1891. 526 с.
- Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské. Praha, Kronberger i Říwnáč, 1844. D. 3 / vydal F. Palacký. 628 s.
- Biblia sacra vulgata. Lateinisch-deutsch. Boston, De Gruyter, 2018. Bd. 4. Isaias – Hieremias – Baruch – Hiezechiel – Danihel – XII Prophetæ – Maccabeorum / hrsg. v. A. Beriger, W.-W. Ehlers, M. Fieger. 1285 p.
- Kronika starého kollegiata Pražského // Fontes rerum Bohemicarum. Praha, v komissí knihkupectví Dr. Grégra Ferd. Dattel, s.d. D. 7. / ed. J. Emler. 258 s.
- Magister Johannes Leonis. Die älteste Erzählung von der siegreichen Vertheidigung der Stadt Brüx gegen die Husiten i. J. 1421 und vom Ursprunge des Mariaschnee-Festes in Brüx. Prag, im Verlage des Stadtrathes von Brüx, 1877. 76 S.
- Orationes, quibus Nicolaus de Pelhřimov, Taboritarum episcopus et Ulricus de Znojmo, orphanorum sacerdos, articulos de peccatis puniendis et de libertate verbi Dei in concilio Basiliensi anno 1433 ineunte defenderunt / ed. F.M. Bartoš. Tábor, apud societatem Jihočeská společnost, 1935. 174 p.
- Rýmovaná kronika česká tak řečeného Dalimila / upravil Jos. Jireček. Praha, nákladem Matice České, 1877. XVI, 205 s.
- Vavřinec z Březové. Kronika husitská // Prameny dějin českých = Fontes rerum bohemicarum / vyd. J. Goll. Praha, nákladem nádání Františka Palackého, 1893. D. 5. S. 327–534.
- The Vulgate Bible / ed. By S. Edgar. Cambridge, Harvard University Press, 2010. Vol. 1. The Pentateuch. 1200 pp.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Hlaváček P. Žižka a český severozápad aneb dobytí města Chomutova husity roku 1421 // Jan Žižka z Trocnova a husitské vojenství v evropských dějinách / vyd. M. Drda a Zd. Vybíral. Tábor, Husitské muzeum, 2007. S. 67–80.
- Kaminsky H. A History of the Hussite Revolution. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1967. 580 pp.
- Neuwirth J. Geschichte der bildenden Kunst in Böhmen vom Tode Wenzels III. bis zu den Hussitenkriegen. Bd. 1. Prag, Verlag der J.G. Calve'schen K.U.K., 1893. 614 s.
- Pachta J. Jan Žižka a husitská revoluce // Na množství nehledte / vyd. V.M. Škropil a J. Parchta. Praha, Naše vojsko, 1947. S. 60–108.
- Šmahel F. Husitská revoluce. Praha, Univerzita Karlova, 1993. D. 3. 417 s.

Рукопись поступила в редакцию 12.05.2023

Рукопись принята к печати 29.11.2023

REFERENCES

- Hlaváček P. Žižka a český severozápad aneb dobytí města Chomutova husity roku 1421. Jan Žižka z Trocnova a husitské vojenství v evropských dějinách, ed. M. Drda a Zd. Vybíral. Tábor, Husitské muzeum Publ., 2007, pp. 67–80. (In Czech.)
- Kaminsky H. A History of the Hussite Revolution. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1967, 580 pp.
- Neuwirth J. Geschichte der bildenden Kunst in Böhmen vom Tode Wenzels III. bis zu den Hussitenkriegen. Prag: Verlag der J.G. Calve'schen K.U.K. Publ., 1893, vol. 1, 614 pp.

Pachta J. Jan Žižka a husitská revoluce. *Na množství nehleďte*, ed. V.M. Škropil a J. Parchta. Praha, Naše vojsko Publ., 1947, pp. 60–108. (In Czech.)

Šmahel F. *Husitská revoluce*. Prague, Univerzita Karlova Publ., 1993, vol. 3, 417 pp. (In Czech.)

Received on 12.05.2023

Accepted on 29.11.2023

Информация об авторе:

Наумов Николай Николаевич

Кандидат исторических наук,

научный сотрудник

Московский государственный

университет им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Email: nn-naumov@mail.ru

Information about the author:

Nikolay N. Naumov

Ph D. (History), Research Fellow

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Email: nn-naumov@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 2, с. 16–27

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 16–27

DOI: 10.31857/S0869544X24020022, EDN: zeetgr

Оригинальная статья / Original Article

Московские договорные статьи 1665 г.: переговорный процесс и утверждение царем

© 2024 г. А.С. Алмазов

Государственный академический университет гуманитарных наук
(Москва, Российская Федерация)

al.almazov@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка уточнить ход переговоров между представительной делегацией Войска Запорожского и царской администрацией, проходивших в Москве осенью 1665 г. Для реконструкции завершающего этапа обсуждения новых договорных статей проанализировано содержание двух черновиков их текста, выявленных автором работы в РГАДА. Это позволило установить, что уже после передачи гетманом и старшиной статей на утверждение царю на документ не только налагались царские резолюции, но и вносились изменения в текст самих статей. Кроме того, автор пришел к выводу, что наиболее активными участниками переговоров с русской стороны были П.М. Салтыков, Д.М. Башмаков и И. Михайлов.

Ключевые слова: Войско Запорожское, И.М. Брюховецкий, договорные статьи, налогообложение, гарнизоны «ратных людей», русско-украинские отношения.

Ссылка для цитирования: Алмазов А.С. Московские договорные статьи 1665 г.: переговорный процесс и утверждение царем // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 16–27. DOI: 10.31857/S0869544X24020022, EDN: zeetgr

The 1665 Moscow Treaty Articles: The Negotiations and the Approval of the Agreement by the Tsar

© 2024. Aleksandr S. Almazov

State Academic University for Humanities
(Moscow, Russian Federation)

al.almazov@yandex.ru

Abstract. The article aims to clarify the progress of negotiations between the delegation of the Zaporozhian Host and the tsar government, which took place in Moscow in the autumn of 1665. To reconstruct the final stage of the discussion of the new treaty the author draws on the content of two drafts of the text he had found (in the archives). It allowed him to suggest that after the hetman and starshyna submitted articles for approval by the tsar, not only tsar's resolutions were imposed, but also some changes were made directly to the text of the articles. The author also concluded that the most active participants in the negotiations on the Moscow side were P.M. Saltykov, D.M. Bashmakov and I. Mikhailov.

Keywords: the Zaporozhian Host, I. M. Briukhovetsky, treaty articles, taxation, garrisons of «military men», Russian-Ukrainian relations.

For citation: *Aleksandr S. Almazov. The 1665 Moscow Treaty Articles: The Negotiations and the Approval of the Agreement by the Tsar // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 2. P. 16–27. DOI: 10.31857/S0869544X24020022, EDN: zeetgr*

В современной и российской, и украинской историографии преобладает представление, что Московские русско-украинские договорные статьи 1665 г. являлись попыткой форсировать инкорпорацию в Русское государство Войска Запорожского за счет ликвидации его финансовой автономии и расширения присутствия русских воевод и гарнизонов¹. После восстания украинских казаков в 1668 г. эта попытка потерпела неудачу, но замедлила процесс постепенной утраты Гетманщиной автономии в течение последующих четырех десятилетий, что делает подписание этих статей одним из важнейших событий русско-украинских отношений второй половины XVII в. Ученые практически целиком основывали построения на опубликованных источниках, а именно на документах о пребывании в Москве делегации Войска Запорожского во главе с гетманом И. М. Брюховецким², и на окончательном тексте самих статей³. Опираясь на эти документы, исследователи выделили два этапа русско-украинских переговоров: 15 и 20 сентября. Затем 11 октября гетман подал на рассмотрение окончательный вариант статей, а 22 октября он был подписан с царскими резолюциями⁴. Кроме того, историки нередко относятся как само собой разумеющемуся факту, что текст документа принял законченный вид с подачей гетманом и старшиной статей на утверждение царю 11 октября⁵.

Прежде исследователи, как правило, не обращали внимания на неточности в дореволюционных публикациях текста важнейших источников по данной теме. В. О. Эйнгорн для реконструкции хода русско-украинских переговоров в Москве осенью 1665 г. призывал пользоваться публикацией «Акта приезда в Москву малороссийского гетмана Ивана Брюховецкого...»⁶, а не публикацией приказной выписки о пожаловании И. М. Брюховецкого в бояре⁷. Как справедливо отметил историк С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров и Г. Ф. Карпов, использовавшие публикацию указанной выписки, пришли к ошибочному выводу, что гетман согласился на передачу собираемых налогов в царскую казну якобы уже 15 сентября [Эйнгорн 1890, 305–306]. Между тем публикация «Акта приезда в Москву...», к сожалению, содержит ошибки в передаче текста.

В частности, в статье 1 вместо «с данью медовою» в публикации Д. Н. Бантыш-Каменского напечатано «с данью межевою»⁸. Еще одна ошибка имеется в краткой предыстории русско-украинских переговоров в Москве: в публикации указано, что гетман просил царя дать указ приехать в Москву 9 июля,

¹ См., например: [Баранова 2005, 54–55; Горобець 2007, 253; Чухліб 2009, 118; Яковенко 2006, 384; Яковлева 2003, 469–476].

² Прежде всего: АЮЗР. Т. VI. № 1, 1–24.

³ *Бантыш-Каменский Д. Н.* № 35, 142–149; ПСЗ. № 376, 615–621.

⁴ См.: [Горобець 2003а, 47–48; Романовский 1967, 38–41; Шевченко 2014, 240–246; Эйнгорн 1890, 301–306].

⁵ См., например: [Горобець 2003а, 47; Романовский 1967, 41].

⁶ *Бантыш-Каменский Д. Н.* № 35, 139–154.

⁷ ПСЗ. № 375, 611–615.

⁸ Ср.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* № 35, 144 и РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. Д. 5. Л. 10 (подлинник «Акта приезда в Москву...»).

тогда как в подлиннике указана иная дата — 5 июля⁹. Таким образом, публикацией «Акта приезда в Москву...» необходимо пользоваться с учетом выявленных ошибок в передаче текста. В данной работе ссылки на текст Московских статей 1665 г. приведены по публикации в «Полном собрании законов»¹⁰.

В настоящей статье предпринята попытка уточнить и дополнить картину переговоров по поводу утверждения Московских статей, имеющуюся в науке. В рамках работы над темой удалось обнаружить два документа: черновик Московских статей и черновик «Акта приезда в Москву...», который также содержит соответственные статьи¹¹.

Краткая предыстория переговоров о заключении Московских договорных статей такова. После Переяславской рады 1654 г. вопрос о взимании налогов в царскую казну был одним из важнейших в русско-украинских отношениях. Притом Москве удалось добиться подвижек в нем только в июне 1663 г., когда на Нежинской Генеральной раде гетманом был избран И.М. Брюховецкий, обещавший Москве решить этот вопрос. Однако Батуринские договорные статьи, принятые в ноябре 1663 г., подразумевали обеспечение русских гарнизонов силами Войска Запорожского только хлебом. Притом в статье указывалось, что эта схема налогообложения является временной, полноценное налогообложение предполагалось ввести тогда, когда будет возвращена Правобережная Украина, «неприятелем отпор будет дан, и война успокоится»¹², т.е. речь шла о предполагавшейся в будущем полной победе России в шедшей тогда уже девять лет русско-польской войне.

Компромисс в вопросе о взимании налогов в царскую казну не мог удовлетворить Москву, что и привело к заключению новых русско-украинских договорных статей. Уже через год после принятия Батуринских статей, в ноябре 1664 г., Москве стало понятно, что введенный этими статьями сбор хлеба с мельниц не позволял обеспечить бесперебойную выдачу хлебного жалованья «ратным людям». В царской грамоте 12 ноября 1664 г. содержался упрек гетману за то, что гарнизоны голодают, а также требование наряду с хлебом обеспечить «ратных людей» зимней одеждой. На это И.М. Брюховецкий ответил, что решить этот вопрос невозможно из-за разорения посполитых, т.е. мещан и селян, во время военных действий, поскольку на раздачу одежды потребуется много денег¹³.

В следующий раз вопрос о расширении обеспечения «ратных людей» за счет войскового скарба встал во время переговоров царских представителей думного дворянина Я.Т. Хитрово и дьяка Е.А. Фролова с гетманом и старшиной в Каневе в апреле 1665 г. Представители Москвы предложили украинской стороне собрать в пользу русского войска 200 тыс. овчин на шубы, аргументируя это тем, что якобы во время похода войск Речи Посполитой на Левобережную Украину во главе с королем Яном Казимиром в 1663–1664 гг. польское войско

⁹ Ср.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* № 35, 141 и РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. Д. 5. Л. 3об. — 4.

¹⁰ ПСЗ. Т. I. № 376, 615–621.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 1–20; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 18, 31, 13, 36, 19–22, 35, 23, 3, 4, 12, 34, 37, 32, 6, 1, 2, 14, 5, 7–9, 11, 10, 26, 41, 42, 40, 38, 39, 37а, 33, 15, 45 (Листы в деле перепутаны, правильный порядок установлен мной).

¹² ПСЗ. № 368, 605. См. также подробнее: [Алмазов 2021, 225–226].

¹³ Царская грамота 12 ноября 1664 г.: АЮЗР. Т. V. № 98 (I), 222; ответный гетманский «лист» от 27 ноября 1664 г.: АЮЗР. Т. V. № 98 (II), 223–225. См. также: [Горобець 2017, 137–139; Романовский 1967, 22–23].

собирало «с Малороссийских городов на все войска хлебные запасы и живность, да со всякого дыма по шубе»¹⁴.

Пожалуй, еще больше, чем само предложение, украинскую старшину возмутил этот аргумент. Поэтому 5 апреля его с негодованием отвергли. В результате на следующий день гетман был вынужден дать Я.Т. Хитрово и Е.А. Фролову письменный отказ. Однако И.М. Брюховецкий во время тайных встреч с царскими представителями 7 и 11 апреля согласился на сбор овчин и даже обещал организовать сбор деньгами с украинского населения на нужды русского войска, но только после окончания войны и только силами старшины, а не воевод¹⁵.

В Москве в этом результате увидели заметный успех, поэтому решили сделать новый шаг в вопросе о налогах. В Малороссийский приказ пригласили находившегося с гетманом в конфликте местоблюстителя киевского митрополита епископа Мефодия Филимоновича, который 16 мая на совещании с участием главы этого приказа, боярина П.М. Салтыкова, заявил, что налоги в царскую казну можно начать собирать немедленно, а также раскритиковал гетманскую идею сбора налогов силами старшины. Епископ также дал подробные рекомендации по расширению на вырученные средства сети русских гарнизонов в украинских городах. 1 июня изложение речей Мефодия было заслушано на заседании Боярской думы [Эйнгорн 1890, 296].

Для итоговых переговоров по этому вопросу И.М. Брюховецкий решил посетить Москву, стремясь перехватить инициативу у епископа Мефодия. Гетман со старшиной выехал из своей резиденции в Гадяче 16 июля¹⁶ и прибыл в столицу 11 сентября. Вскоре после прибытия делегации в Москву, 13 сентября, ее члены получили аудиенцию у царя¹⁷.

15 сентября начались переговоры: на Казенном дворе гетмана и старшину встретили боярин П.М. Салтыков, думный дьяк Д.М. Башмаков и приказной дьяк И. Михайлов¹⁸. Из черновика «Акта приезда в Москву...» также можно понять, что переговоры проходили еще и 17 сентября: «И сентября же в 17-м числе [...] ближнему боярину и наместнику вологоцкому Петру Михайловичу Салтыкову, да дьяком думному Дементью Башмакову, да Ивану Михайлову Войска Запорожского гетман Иван Брюховецкий и старшины о делах [...] подали статьи»¹⁹. В пользу того, что 17 сентября состоялся новый этап переговоров, говорит и имевший место в этот день разговор гетмана о своей женитьбе на представительнице боярского рода с И.А. Желябужским²⁰. Известны недатированные статьи, вероятно, составленные по итогам переговоров 15 или 17 сентября, которые содержат только предложения гетмана об увеличении числа и численности русских гарнизонов, а также об их обеспечении хлебом²¹. При этом последний вопрос возвращался к нормам Батуриных

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 771. Л. 446.

¹⁵ Там же. Л. 362–365. См. также: [Романовский 1967, 32–33; Эйнгорн 1890, 287].

¹⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. Д. 159. Л. 143.

¹⁷ См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* № 35, 141.

¹⁸ *Бантыш-Каменский Д.Н.* № 35, 141–142.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 43. В окончательном варианте документа подача гетманом и старшиной статей упоминается только один раз — это передача на утверждение царем статей 11 октября: *Бантыш-Каменский Д.Н.* № 35, 142. В черновике же после процитированного предложения определенно имеется пропуск, редакторами, вероятно, изъят как минимум один лист, поскольку на следующем листе текст начинается с обрывка фразы «торые подаем»: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 18.

²⁰ АЮЗР. Т. VI. № 1 (VIII), 9–10.

²¹ АЮЗР. Т. VI. № 1 (XVII), 18.

договорных статей 1663 г. Что же касается гарнизонов, то их численность была меньшей, чем в окончательном варианте Московских статей, а также в них не упоминался гарнизон в Кременчуге²².

О следующем этапе переговоров известно благодаря записи, сделанной 20 сентября²³. Этот документ позволяет сделать вывод, что гетман И.М. Брюховецкий и старшина в ходе переговоров постепенно шли на уступки: согласно записи, гетман ответил утвердительно на предложение царской стороны о большем увеличении численности гарнизонов по сравнению с ранними договоренностями, а также о введении гарнизона в Кременчуг. Кроме того, хотя гетман и продолжал настаивать на том, что обеспечение «ратных людей» силами Войска Запорожского должно включать только хлебное жалованье, но одновременно он выступил категорически против денежного обеспечения, делая при этом уступку — если бы собранного хлеба не хватило, то можно было бы взять с податного украинского населения в виде стации, а вместо прямого денежного налога пополнять царскую казну за счет торговых пошлин с иноземных купцов, винной «аренды», организации кабаков²⁴.

11 октября гетман подал статьи на царское утверждение²⁵. Поскольку документы, которые бы напрямую свидетельствовали о том, как шли переговоры с 20 сентября по 11 октября не сохранились, то представить события тех дней можно только гипотетически. Бросается в глаза отсутствие в записи 20 сентября упоминаний о других вопросах, помимо увеличения числа русских гарнизонов в украинских городах и введения налогов на их обеспечение: в Московских статьях десять статей, т.е. восемь рассматривавшихся в них вопросов (помимо статей № 1 и 5), видимо, не поднимались на первом этапе переговоров. Вероятно, вначале стороны решили сосредоточиться на наиболее важных проблемах, а затем, после 20 сентября, обсуждались также и остальные. Однако косвенным доказательством того, что в течение трех недель, предшествовавших подаче статей гетманом и старшиной на утверждение царю, русско-украинские переговоры продолжались, служит изменение позиции гетмана и старшины по вопросу передачи из налогов войскового скарба в царскую казну. В статьях 11 октября гетман И.М. Брюховецкий согласился на передачу в руки воевод прямых денежных налогов, а также многих косвенных налогов, которые предлагал ввести в качестве альтернативы прямым налогам²⁶.

Логично предположить, что текст остальных восьми статей был результатом переговоров в этот период, что позволяет судить о том, какие вопросы на них обсуждались. Из них одна статья (№ 9) подтверждала прежний запрет для гетмана отправлять своих представителей к государям соседних стран²⁷, введенный статьями № 9 и 10 статей боярина А.Н. Трубецкого (*de facto* они были частью Переяславских договорных статей 1659 г.) [Баранова 2005, 54; Яковлів 1934, 88]. Часть статьи № 3 предполагала, что теперь гетман должен был приезжать в Москву для утверждения в должности по решению царя²⁸. Хотя в статьях А.Н. Трубецкого эта норма имела в статье № 4 [Баранова 2005, 54;

²² Ср.: ПСЗ. № 376, 620.

²³ АЮЗР. Т. VI. № 1 (XVIII), 18–19.

²⁴ Имелись в виду «кружечные дворы», заменившие в Русском государстве кабаки после реформы 1652 г. Нередко слово «кабак» использовалось в качестве синонима «кружечного двора». См. подробнее: [Прыжов 2009, 103–105].

²⁵ Бантиш-Каменский Д.Н. № 35, 142.

²⁶ Ср.: АЮЗР. Т. VI. № 1 (XVIII), 18–19; ПСЗ. № 376, 616–617.

²⁷ ПСЗ. № 376, 621.

²⁸ Там же, 618–619.

Яковлів 1934, 85], она содержалась в царской резолюции, а не в тексте самой статьи²⁹. Возможно, теперь такой ход гетману и старшине на переговорах подсказала московская сторона. Как бы то ни было, это может рассматриваться опять же как шаг украинской стороны навстречу Москве.

Оставшиеся статьи в основном содержат ответные уступки царской власти в пользу гетмана и старшины. Так, статья № 4 предполагала назначение в Киев в качестве митрополита «русского святителя из Москвы» и переподчинение киевской митрополии московскому патриарху³⁰. Об этом просил в Москве посланный гетманом в мае 1665 г. Л.Ф. Горленко [Эйнгорн 1890, 295; Яковлева 2003, 469], что, очевидно, было связано со стремлением И.М. Брюховецкого лишить местоблюстительства епископа Мефодия — его политического врага. Примечательно, что Москва проявила осторожность в этом вопросе, поэтому в царской резолюции на статью сказано, что вопрос о переподчинении киевской митрополии будет решен только после успешных переговоров с константинопольским патриархом о согласии на это.

Статья № 2 посвящена правам и их гарантиям казачеству³¹, что, очевидно, было своеобразным обозначением границ сокращения украинской автономии. Статья № 6 также свидетельствовала о своеобразной уступке Москвы гетману, поскольку передававшийся на войсковую «армату» (артиллерию) город Ромны с окрестностями³² тем самым выводился из-под налогообложения в пользу царской казны. То же можно сказать и о следующих двух статьях: статья № 7 предполагала наказание за фальшивомонетничество для «ратных людей» в Гетманщине, а статья № 8 запрещала «русским людям» называть казаков изменниками под угрозой наказания³³.

В статье № 10 гетман докладывал, что взял у городских магистратов привилеи, выданные еще польским королем, на самоуправление по магдебургскому праву. Царская же резолюция предполагала выдачу взамен привилеев царских грамот с подтверждением всех прежних прав мешанских корпораций³⁴. Здесь проявился отголосок конфликта между городами и И.М. Брюховецким, выразившийся в борьбе вокруг царского решения в феврале 1665 г. об изъятии у городов королевских привилеев, принятого с подачи гетмана³⁵. Насколько можно судить, это была уступка в пользу мешан.

Однако шаги навстречу гетману и старшине, сделанные в Московских статьях 1665 г., не могли им компенсировать потерю большей части войсковых доходов. Судя по всему, гетманская сторона потребовала дополнительных подарков для себя вне текста статей. Прежде всего, по просьбе И.М. Брюховецкого царь дал согласие на его брак с представительницей московской элиты³⁶, а также гетман и ряд старшин 22 октября получили боярский и дворянские чины соответственно и земельные пожалования в Гетманщине³⁷. Кроме того, все участники посольства Войска Запорожского получили щедрый подарок при отъезде из Москвы: только гетману было пожаловано соболей на 400 руб.,

²⁹ Там же, № 262, 494.

³⁰ Там же, № 376, 619.

³¹ Там же, 617–618.

³² Там же, 620.

³³ Там же.

³⁴ Там же, 621.

³⁵ См. подробнее: [Романовский 1967, 29].

³⁶ См. подробнее об этом браке: [Горобещ 2003b, 153–162].

³⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. № 36, 156; АЮЗР. Т. VI. № 1 (XXVI, XXVII, XXVIII), 22–24; [Шевченко 2014, 246–247].

позолоченный кубок и дорогие ткани³⁸. И. М. Брюховецкий также добился двора в Москве на Тверской улице³⁹.

Стоит отметить, что статьи, датированные 11 октября, в определенной степени отличались от статей, окончательно сформулированных к 22 октября. К сожалению, оригинал этих статей, написанный на украинском языке того времени, не удалось найти, возможно, он не сохранился. Логика подсказывает, что они должны были отличаться от итогового варианта статей отсутствием царских резолюций. Проверить это предположение позволяют два черновых варианта статей, обнаруженных мной в Российском государственном архиве древних актов⁴⁰. Оба документа содержат все десять статей, а один из них — прямое указание на то, что гетманские статьи были поданы на утверждение царю 11 октября⁴¹, что говорит об их составлении в ходе последнего этапа работы над документом в период с 11 по 22 октября.

Чтобы определить, какой черновик более ранний, необходимо сравнить их между собой и с окончательным текстом статей. Поскольку текст документов достаточно обширен, было решено взять для сравнения фрагмент статьи № 1, касающийся передачи сбора налогов с украинского неказацкого населения в руки царской администрации (см. табл. 1).

Итак, сравнение этих фрагментов позволяет установить, что вначале появился первый вариант, а потом — второй. Доказательством такого вывода, во-первых, служит сравнение в двух текстах фразы, выброшенной в окончательном варианте. В первом тексте она приведена более полно, но осталась незаконченной, поскольку на следующем листе начинается уже следующая

Таблица 1. Сравнение фрагмента статьи № 1 из черновых вариантов и окончательного текста Московских статей 1665 г.⁴²

Черновик статей ⁴³	Черновик «Акта приезда в Москву...» ⁴⁴	Окончательный текст статей ⁴⁵
...тогда всякие, денежные и неденежные, поборы от мещан и от поселян, во всяком городе и селе <u>украинном</u> живущих, по милосердому <u>государскому</u> рассмотрению <u>в год</u> в казну государеву выбратьи гетман с войском <u>поступает и позволяет</u> , при которых поборах денежных, гетман с Войском, чтоб примером иных <u>головнейших украинных</u> городов	...тогда всякие, денежные и неденежные, поборы от мещан и от поселян, во всяком <u>малороссийском</u> городе и селе живущих, по милосердому <u>государскому</u> рассмотрению <u>погодню</u> в казну государеву збирати, я же, гетман с Войском <u>желаем и челом бьем</u> , при которых поборах денежных чтоб примером иных <u>головнейших малороссийских</u> городов	...тогда всякие, денежные и неденежные, поборы от мещан и от поселян, во всяком <u>малороссийском</u> городе и селе живущих, по милосердому <u>государеву</u> рассмотрению <u>погодню</u> в казну государеву выбратьи гетман с войском <u>желает и челом бьет</u> , при которых поборах денежных, гетман <u>же</u> с Войском <u>челом бьет</u> , чтоб примером иных <u>начальнейших малороссийских</u> городов

³⁸ АЮЗР. Т. VI. № 1 (XX, XXI), 20–21.

³⁹ Гетман просил об этом во время беседы с царскими представителями 23 ноября: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 14. Недатированная запись позволяет предполагать, что он просил о том же и раньше: АЮЗР. Т. VI. № 1 (XVI), 20. Помета о выделении двора была сделана 9 декабря («а двор ему дать Яковлевской Боборыкина, что на Тверской»): РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 25.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 1–20; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 1–42.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 2.

⁴² В сравниваемых текстах подчеркиванием выделены отличающиеся слова и фразы, а курсивом — те, которые есть не во всех текстах. В таблице зачеркнут текст, как и в соответствующем документе.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 5–6.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 20–21.

⁴⁵ ПСЗ. № 376, 616–617.

Окончание таблицы 1

Черновик статей	Черновик «Акта приезда в Москву...»	Окончательный текст статей
и по <u>менших всех городах украинских</u> кабаки на одну <u>только</u> горелку были, которые приходы кабацкие винные в государеву казну <u>збиратися будут</u> , также всякие размеры хлебные со всех мельниц <u>украинских, приходячих</u> вкупе <u>з данью</u> медовою, в волостях <u>украинских</u> <u>выбиратися</u> обыклоу, и с <u>пошлиною</u> от купцов чужеземских приходящею, не где инде, токмо в государеву казну <u>на всей Украине</u> доходить <u>имеют</u> . <i>То все на премудрейшее и премилосерднейшее государское рассмотрение гетман с войском полагает, покорне престола государского просячи, чтоб для тесноты и нужды великие, на Украине будучи...</i>	и по <u>менших всех городах малороссийских</u> кабаки на одну <u>только</u> горелку были. Которые приходы кабацкие винные в государеву казну <u>збиратися будут</u> , также всякие розмеры хлебные со всех мелниц <u>малороссийских, приходящие</u> вкупе <u>з данью</u> медовою, в волостях малороссийских <u>выбиратися</u> обыклоу и <u>з доходами</u> от купцов чюжеземских приходящею не где инде, токмо в государеву же казну <u>во всех малороссийских городех</u> доходить <u>будут</u> имеют. <i>То все на премудрейшее и премилосерднейшее государское рассмотрение гетман с Войском полагают.</i>	и по <u>меншим всем городам малороссийским</u> кабаки на одну <u>только</u> горелку были, которые приходы кабацкие винные в государеву казну <u>обретатися имеют</u> , также всякие размеры хлебные со всех мельниц, <u>Малороссийских городов приходящие</u> , вкупе <u>с данью</u> медовою, в волостях <u>малороссийских</u> <u>выбирати</u> обыклоу, и с <u>доходами</u> от купцов чужеземских приходящею, не где инде, токмо в государеву же казну <u>во всех Малороссийских городех</u> доходить <u>имеют</u>

статья. Фраза обведена непрерывной чертой, которая использовалась как редакторский знак, означавший необходимость выбросить этот фрагмент из текста⁴⁶. Вероятно, лист с окончанием этого фрагмента первой статьи был изъят из документа в силу того, что было решено выбросить из текста статей весь фрагмент. Предположительно, эта фраза вместе с утраченным текстом могли представлять собой просьбу гетмана и старшины от имени Войска Запорожского к царю ограничить ставки вводимых налогов. Во втором тексте статей фраза сокращена и зачеркнута.

Во-вторых, доказательством более раннего появления первого варианта статей является своеобразное уточнение перевода сравниваемого фрагмента текста, которое состояло в замене слов «украинский»/«украинный» на «малороссийский», а «Украина» — на «Малороссийские города». В двух случаях слова «украинский»/«украинный» в первом черновом варианте статей выделены прямоугольником, означающим редакторский знак⁴⁷.

Сравнение полных текстов двух черновиков статей и их окончательного варианта позволяет сделать определенные предположения о ходе утверждения статей в период с 11 по 22 октября. Как и предполагалось, имеющиеся документы показывают, что эти 11 дней были, прежде всего, посвящены наложению царских резолюций на поданные статьи. Так, в черновике статей царские резолюции или имеют вид пометы на полях, отдельной фразы или слова⁴⁸, или вообще отсутствуют, как в статьях с 5-й по 10-ю⁴⁹. В то же время в чернови-

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 5–6.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Например, на фрагмент второй статьи про выплату жалованья казакам Войска Запорожского из царской казны, которая предполагалась после составления казачьего реестра, на полях наложено резолюция в форме пометы: «быть»: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 13.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 15–20.

ке «Акта приезда в Москву...» многие резолюции имеют следы редакторской правки. Например, в резолюции на тот же фрагмент 2-й статьи вначале было написано, что государь велел по челобитью гетмана и старшины выдать Войску очередное жалованье после составления реестра, затем эта фраза была зачеркнута и снова вписана в текст в переформулированном виде, уже без упоминания об «очередном жалованье», поскольку прежде жалованье не выплачивалось⁵⁰. Притом и в этом документе царские резолюции еще не приняли окончательный вид: например, в резолюции на 5-ю статью в окончательном тексте появилось указание послать воеводам в украинских городах царский указ давать «по своему рассмотрению» военную помощь казацким полковникам⁵¹.

Однако и сам текст статей на этапе их утверждения царем также подвергся правке. В частности, в 1-ю статью были добавлены имена наследников царя Алексея Михайловича, а в 3-й было решено описать процедуру передачи старшиной гетманских клейнодов царским представителям после смерти гетмана⁵². Поскольку описание этой процедуры впервые встречается в Московских статьях [Яковлів 1934, 85], то сложно себе представить, чтобы московские чиновники и вельможи без отдельных консультаций с гетманом и старшиной решились бы предписать именно генеральному обозному взять клейноды для их дальнейшей передачи царским представителям.

Кроме того, текст документа был разделен на те десять статей, которые имеются в итоговом варианте, именно в ходе редактирования при их утверждении. Так, даже в черновике «Акта приезда в Москву...» часть 1-й статьи обозначена как 2-я статья, 2-я — как 3-я, 3-я — снова как 3-я, статья 8 — как 14-я, но номер статьи был зачеркнут, а 4–7 и 9–10 статьи вообще не имели номеров, а только названия⁵³. Наконец, в первом черновике есть несколько помет с приказом дополнительно расспросить казацкую сторону о том или ином вопросе. Например, возле текста 3-й статьи, города Гадячской волости, дававшейся гетману на булавку, на полях была сделана помета: «Роспросить, которово полку те города»⁵⁴. Очевидно, что эти расспросы требовали если не переговоров, то как минимум дополнительных консультаций с казацкой стороной.

После подписания окончательного текста Московских статей 22 октября продолжились переговоры по вопросу установления налогов в царскую казну, однако с украинской стороны теперь в них участвовали не гетман со старшиной, а представители городских магистратов, с московской же стороны — все те же П.М. Салтыков, Д.М. Башмаков и И. Михайлов. По их итогам 18 ноября был заключен договор о налогообложении, который конкретизировал соответствующие нормы Московских статей, а 29 ноября на него была наложена резолюция с решением Боярской думы⁵⁵. В отношении верхушки мешан Москва использовала практически ту же тактику, что и в отношении казацкой старшины — представители магистратов получили удовлетворение личных просьб и ходатайств. Например, по просьбе нежинского войта А.П. Цурковского его

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 1.

⁵¹ Ср.: ПСЗ. № 376, 620 и РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 26.

⁵² Обе вставки были сделаны в черновик «Акта приезда в Москву...», т.е. на втором этапе работы над текстом. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 3–5, РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 31, 13 и ПСЗ. № 376, 616; РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 14, РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 14 и ПСЗ. № 376, 619.

⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 408. Ч. 4. Л. 19, 22, 2, 9, 10, 40, 38, 37а, 15, 45.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2. Л. 14.

⁵⁵ См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 42–45. Дата резолюции указана на л. 42. Ф.П. Шевченко ошибочно прочитал эту дату как 9 ноября: [Шевченко 2014, 251].

племянники М. Старицкий и Ф. Зеленский, служившие солдатами в русском войске в полку М. Кровкова, были произведены в прапорщики⁵⁶.

Окончательный вариант статей стал результатом переговоров гетмана и старшины с П.М. Салтыковым, Д.М. Башмаковым и И. Михайловым, которые велись с 15 сентября⁵⁷. Поскольку эти представители царя присутствовали на всех переговорах о подписании Московских статей, то наряду с гетманом И.М. Брюховецким и старшиной их можно считать авторами документа. У троих названных русских вельмож уже был опыт взаимодействия с представителями Войска Запорожского: боярин П.М. Салтыков и дьяк И. Михайлов возглавляли Малороссийский приказ с 1662 г. [Лисейцев, Рогожин, Эскин 2015, 96], а Д.М. Башмаков до 1664 г. служил в приказе Тайных дел (затем — в Разрядном приказе) [Там же, 257], и в 1663 г. ездил в Батурин для переговоров о заключении предшествовавших договорных статей. На церемонии подписания Московских статей 22 октября 1665 г. наряду с указанными официальными лицами присутствовали боярин Н.И. Одоевский и окольный И.Д. Пожарский⁵⁸, однако нет свидетельств их участия в переговорах. Впрочем, не исключено, что они внесли свою лепту в обсуждение царских резолюций на статьи.

Кроме того, очевиден интерес и, возможно, общее руководство переговорами с украинской делегацией самого царя Алексея Михайловича: неслучайно бояре П.М. Салтыков и Н.И. Одоевский входили в это время в ближайшее окружение царя [Козляков 2018, 386], а Д.М. Башмаков был одним из его наиболее доверенных лиц [Седов 2006, 26–27].

Таким образом, выявленные документы позволили уточнить общую картину русско-украинских переговоров в Москве осенью 1665 г., а также установить, что согласование текста Московских договорных статей не завершилось 11 октября и продолжилось до 22 октября. Переговоры и консультации сторон длились практически до самого отъезда делегации в декабре того же года⁵⁹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АЮЗР. Т. V. 1659–1665. СПб.: Тип. Э. Праца, 1867. 335 с.

АЮЗР. Т. VI. 1665–1668. СПб.: Тип. Э. Праца, 1869. 279 с.

Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Болянским. М.: Университетская тип., 1858. Ч. 1. 1649–1687. 339 с.

ПСЗ. Т. I. С 1649 по 1675. СПб.: Тип. II Отделения Собственной е.и.в. Канцелярии, 1830. 1029 с.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 2. Д. 5; Ф. 210. Оп. 9. Д. 386. Ч. 2; Д. 408. Ч. 4; Ф. 214. Оп. 3. Д. 771; Ф. 229. Оп. 1. Д. 62; Оп. 3. Д. 159.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 62. Л. 48. Были также удовлетворены и некоторые просьбы из коллективных челобитных мещан за исключением тех, которые уменьшали налогооблагаемую базу: [Шевченко 2014, 249].

⁵⁷ *Бантыш-Каменский Д.Н.* № 35, 141–142.

⁵⁸ Там же, 149.

⁵⁹ Например, 6 декабря гетмана расспросили об особенностях украинских городов, в которые вводились русские гарнизоны: [Шевченко 2014, 254–256].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Алмазов А.С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мешчанам и духовенством в 1659–1708 гг. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. 552 с.
- Баранова О.В. Договоры Войска Запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х – 70-е годы XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник. 2004 / гл. ред. Б.Н. Флоря. М.: Наука, 2005. С. 40–64.
- Горобець В.М. Московський договір гетьмана І. Брюховецького 1665 р. // Український історичний журнал. 2003а. № 6. С. 39–51.
- Горобець В.М. «Хочю [...] поняти б за себя московскаго народу вдову...» (Жінки в політичній біографії Івана Брюховецького) // Соціум: Альманах соціальної історії. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003б. Вип. 2. С. 149–164.
- Горобець В.М. «Волимо царя східного...» Український гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ: Критика, 2007. 462 с.
- Горобець В. Гетьман Руїни. Іван Брюховецький та Москва. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2017. 247 с.
- Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: летопись власти. М.: Молодая гвардия, 2018. 650 с.
- Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 301 с.
- Прыжов И.Г. История кабаков в России. СПб.: ИД «Авалонъ», ИД «Азбука-классика», 2009. 320 с.
- Романовский В.А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. Ставрополь: б.и., 1967. 125 с.
- Седов П.В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
- Чухліб Т. Козаки і Монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2009. 616 с.
- Шевченко Ф.П. Русские воеводы на Украине. Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия (1940) // Шевченко Ф.П. Історичні студії: Збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2014. С. 41–318.
- Эйнгорн В. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М.: Университетская тип., 1890. 1104 с.
- Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ: Критика, 2006. 584 с.
- Яковлева Т.Г. Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.) / пер. з рос. Л. Білик. Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2003. 644 с.
- Яковлів А. Українсько-московські договори в XVII–XVIII віках. Варшава: Друкарня Наукового товариства ім. Шевченка, 1934. 177 с.

Рукопись поступила в редакцию 26.09.2023

Рукопись принята к печати 01.12.2023

REFERENCES

- Almazov A.S. *Nezhinskii garnizon «ratnykh liudei» i jego otnosheniia s ukrainskimi kazakami, meshchanami i dukhovenstvom v 1659–1708 gg.* Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2021, 552 p. (In Russ.)
- Baranova O.V. *Dogovory Voiska Zaporozhskogo s Rossiei i praktika vzaimootnoshenii storon vo vtoroi polovine 50-kh – 70-je gody XVII veka. Belorussia i Ukraina: istoriia i kul'tura: jezhegodnik.* 2004 / gl. red. B.N. Floria. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 40–64. (In Russ.)
- Chukhlib T. *Kozaky i Monarkhy. Mizhnarodni vidnosyny rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavy 1648–1721 rr.* Kyiv, Vydavnytstvo imeni Oleny Telihy Publ., 2009, 616 p. (In Ukr.)
- Eingorn V. *O snoshenniakh malorossiiskogo dukhovenstva s moskovskim pravitel'stvom v tsarstvovanii Alekseia Mikhailovicha.* Moscow, Universitetskaia tip. Publ., 1890, 1104 p. (In Russ.)
- Horobets' V.M. *Moskov's'kyi dohovir het'mana I. Briukhovets'koho 1665 r. Ukraïns'kyi istorychnyi zhurnal,* 2003a, no. 6, pp. 39–51. (In Ukr.)
- Horobets' V.M. «Khochiu [...] poniaty b za sebia moskovskago narodu vdovu...» (Zhinky v politychnii biografiï Ivana Briukhovets'koho). *Sotsium: Al'manakh sotsial'noi istorii*, Vyp. 2. Kyiv, Instytut istorii Ukraïny NAN Ukraïny Publ., 2003b, pp. 149–164. (In Ukr.)
- Horobets' V.M. «Volymo tsaria skhidnoho...» *Ukraïns'kyi het'manat ta rosïis'ka dynastiia do i pislia Pereiaslava.* Kyiv, Krytyka Publ., 2007, 462 p. (In Ukr.)

- Horobets' V. *Het'man Ruiny. Ivan Briukhovets'kyi ta Moskva*. Kyiv, Vid. dim «Kyievo-Mohylians'ka akademiia» Publ., 2017, 247 p. (In Ukr.)
- Iakovenko N. *Narys istorii seredn'ovichnoi ta rann'omodernoï Ukraïny*. Kyiv, Krytyka Publ., 2006, 584 p. (In Ukr.)
- Iakovleva T.G. *Ruïna Het'manshchyny. Vid Pereiaslavs'koï rady-2 do Andrusivs'koï uhody (1659–1667 rr.)*. Per. z ros. L. Bilyk. Kyiv, Vydavnytstvo Solomii Pavlychko «Osnovy» Publ., 2003, 644 p. (In Ukr.)
- Iakovliv A. *Ukraïns'ko-moskovs'ki dohovori v XVII–XVIII vikakh*. Warsaw, Drukarnia Naukovoho tovarystva im. Shevchenka Publ., 1934, 177 p. (In Ukr.)
- Kozliakov V.N. *Tsar' Aleksei Tishaishii: letopis' vlasti*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018, 650 p. (In Russ.)
- Liseitsev D.V., Rogozhin N.M., Eskin Iu.M. *Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr humanitarnykh iniitsiativ Publ., 2015, 301 p. (In Russ.)
- Pryzhov I.G. *Istoriia kabakov v Rossii*. St. Petersburg, ID «Avalon» Publ., ID «Azбука-klassika» Publ., 2009, 320 p. (In Russ.)
- Romanovskii V.A. *Perepis' naseleniia Levoberezhnoi Ukrainy 1666 goda, jeje organizatsiia i kriticheskaia otsenka*. Stavropol, b.i., 1967, 125 p. (In Russ.)
- Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: tsarskii dvor kontsa XVII veka*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006, 604 p. (In Russ.)
- Shevchenko F.P. *Russkije vojevody na Ukraine. Ocherki vzaimootnoshenii Ukrainy i Moskovskogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVII stoletii (1940). Istorychni studii: Zbirka vybranykh prats' i materialiv (Do 100-richchia vid dnia narodzhennia)*. Kyiv, NAN Ukraïny, In-t istorii Ukraïny Publ., 2014. (In Russ.)

Received on 26.09.2023

Accepted on 01.12.2023

Информация об авторе

Алмазов Александр Сергеевич
кандидат исторических наук,
доцент ГАУГН
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7853-2758
E-mail: al.almazov@yandex.ru

Information about the author:

Aleksandr S. Almazov
PhD (History),
Associate Professor GAUGN
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7853-2758
E-mail: al.almazov@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 2, с. 28–33

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 28–33

DOI: 10.31857/S0869544X24020035, EDN: zdzazz

Оригинальная статья / Original Article

Вопрос о судьбе г. Чигирина в отношениях Москвы и гетманства в первой половине 1678 года

© 2024 г. Б.Н. Флоря

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ritlen@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается обсуждение в контактах Москвы и гетманства вопроса, следует ли защищать Чигирин или уступить его османам. Разногласия были вызваны не разницей принципиальных позиций, а конкретными недостатками в организации обороны Чигирина.

Ключевые слова: гетманство, Москва, укрепление крепости, снабжение крепости, гарнизон крепости.

Ссылка для цитирования: Флоря Б.Н. Вопрос о судьбе г. Чигирина в отношениях Москвы и гетманства в первой половине 1678 года // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 28–33. DOI: 10.31857/S0869544X24020035, EDN: zdzazz

The Question About the Destiny of the City of Czigirin in the Relations of Moscow and Hetmanate in the First Half of 1678

© 2024. Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ritlen@mail.ru

Abstract: The article observes the debates in the contacts of Moscow and Hetmanate of the question, if it is necessary to defense the city of Czigirin or to give up to the Osmans. The differences in the views were reasoned not by the differences of principal positions, but by the concrete defects in organization of the Czigirin defense.

Keywords: Hetmanate, Moscow, fortification of fortress, provision of the fortress, garrison of fortress.

For citation: Boris N. Florya. The Question About the Destiny of the City of Czigirin in the Relations of Moscow and Hetmanate in the First Half of 1678 // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 28–33. DOI: 10.31857/S0869544X24020035, EDN: zdzazz

Вопрос о судьбе г. Чигирин, осажденного турецкой армией, был поднят, как известно, в «Руине» Н.И. Костомарова. В этой работе автор подчеркнул, что все население Украины готовилось к бескомпромиссной борьбе с османами и защите Чигирина — старой казацкой столицы [Костомаров 1905, 299]. Русское правительство не занимало столь твердой позиции. Царский посланец В.М. Тяпкин осенью 1677 г. поставил вопрос о сдаче города перед гетманом, так как в Москве не собирались «стоять крепко за Чигирин». Лишь благодаря решительной позиции гетмана и старшины было принято решение о его защите [Там же, 296–297].

Однако и позднее русское правительство пыталось искать мира с Турцией ценой уступки Чигирина. 12 апреля царь отправил командующему русскими войсками на Украине Г.Г. Ромодановскому инструкцию, дававшую ему полномочия для мирных переговоров с османами. Мир был бы возможен в обмен на обязательства османской стороны не строить на уступленной территории городов и ее согласие на переход местного населения на Левобережье [Там же, 298–299]. Даже при описании второй осады Чигирина Н.И. Костомаров высказал убеждение, что Г.Г. Ромодановский следовал этой инструкции, когда вывел свой гарнизон из Чигирина, чтобы иметь возможность начать с везиром переговоры о мире [Там же, 309–310].

Современные украинские исследователи при описании Чигиринских походов придерживаются такой же позиции. Так, в работах последних десятилетий указывается, что если в украинском обществе смотрели на оборону Чигирина, как на «справу надзвичайну», то в Москве «урядові було шкода сил і коштів на боротьбу за стратегічно несуттєву фортечку» [Яковенко 2005, 396].

Что же говорят документальные источники о том, как решался в отношениях Москвы и гетманства вопрос об обороне Чигирина перед новым наступлением османов.

Н.И. Костомаров правильно отметил, что в конце 1677 г. после поездки в Батурин В.М. Тяпкина было принято решение о совместной обороне Чигирина. Но вслед за этим возникали конкретные вопросы, как это сделать. А положение вызывало беспокойство. Беспокоило состояние разрушенной османами во время первой осады Чигиринской крепости. В наказе генерал-майору Г. Косагову, отправленном в Батурин 19 января¹, цитировались сообщения начальника русского гарнизона Б. Корсакова, что город «весь разбит и развалился, а починивать его невозможно», так как нет леса — «бревен мало и от реки Тясмы возить нечем»². Стало также известно, что «хлебные запасы» в Чигирине из Киева «еще не пошли для того, что хлебных запасов возить не на чем»³. Посланцу следовало добиваться от гетмана, чтобы он помог доставкой леса и «в городовом деле» и чтобы в город хлебные запасы на подводах из гетманства были доставлены «нынешним зимним путем»⁴.

В беседах с Г. Косаговым и в грамоте царю 2 февраля гетман обещал помочь и лесом, и хлебом⁵, но одновременно отметил, что следует «обмыслить», где найти «конские корма» для лошадей, которые повезут хлеб в Чигирин⁶ для русских и казацких войск в городе. Еще к 2 февраля в Киев не пришли подводы

¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 571.

² Там же. Л. 578об.

³ Там же. Л. 581.

⁴ Там же. Л. 579–579об., 581.

⁵ Там же. Л. 592, 596об.

⁶ Там же. Л. 596об.

для перевозки хлеба, а для перевозки пушек и пушечных запасов из 60 подвод наличествовали только 20⁷.

Вопрос о доставке в Киев подвод для перевозки хлеба стал занимать заметное место в переписке Москвы и Батурина. Как сообщал киевский воевода И.Б. Троекуров, гетман обещал прислать подводы, но 21 февраля их еще не было⁸.

Тогда же, 21 февраля, в Батурин был отправлен подьячий Малороссийского приказа М. Савин⁹, которому гетман сообщил, что из-за начавшейся распутицы «весть хлеба за грязьми невозможно». Из-за этого гетман «велими сокруша-етца и опасен от государского гневу»¹⁰. Но дело не налаживалось. В царской грамоте 14 марта констатировалось, что «хлебных запасов ис Киева в Чигирин не отпущено ничего, потому что в Киев ничего не прислано»¹¹.

С поставкой подвод у гетмана были серьезные объективные трудности¹², но снабжение войска в Чигирине оказывалось под угрозой, тем более что ожидалось увеличение гарнизона. 12 марта для решения поднятых вопросов к И. Самойловичу был снова направлен В.М. Тяпкин¹³. Он должен был на-помнить, что решение о защите Чигирина принято «по челобитью» гетмана и старшины¹⁴. Между тем «город худ и крепостей никаких нет и розбитые ме-ста не заделаны», лес для ремонта «вывезен не сполна», хлеба нет, привезенная ранее рожь «згнила» и стрельцы отказываются ее есть¹⁵. В.М. Тяпкин должен был добиваться устранения этих недостатков.

В конце марта состоялась встреча В.М. Тяпкина с гетманом, который сооб-щил, что «с великою людскою тяготою» отправил в Киев 5 тыс. подвод. Этого для снабжения гарнизона недостаточно, но больше он дать не может¹⁶. Одно-временно он обещал прислать для работ по укреплению Чигирина «посполи-тых» людей и из «тогбочных городков» и сел «и из более далеких городов»¹⁷. Но в это же время от нового командира русского гарнизона И.И. Ржевско-го пришли сообщения, что «ис Киева хлебных запасов по се число не при-сылывано ничего», город «разбит весь, не починиван» гарнизоны не получи-ли пополнений¹⁸.

Таким образом, получалось, что усилия, предпринимаемые в течение не-скольких месяцев, так и не привели к нужному результату. Чигирин оставался неподготовленным в обороне.

В апреле к гетману и командующему русским войсками Г.Г. Ромодановско-му был направлен для того, чтобы добиться устранения недостатков, опытный дипломат С. Алмазов¹⁹. Но не было уверенности, что он добьется успеха. По-этому в наказе предписывалось, если гетман и воевода скажут, что укрепить и снабдить крепость «преже неприятельского приходу невозможно», то им сле-дует сообщить, что они должны вывести войска из Чигирина, город «разорить»,

⁷ АЮЗР. Т. XIII. № 110.

⁸ АЮЗР. Т. XIII. № 114. Стб. 490–491.

⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 606.

¹⁰ Там же. Л. 606–606об.

¹¹ АЮЗР. Т. XIII. № 118. Стб. 509–510.

¹² В частности, гетман писал, что казаки «никогда подвод не давали» и требовать их гетман не мо-жет. АЮЗР. Т. XIII. № 116. Стб. 498.

¹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 671–671об.

¹⁴ Там же. Л. 673 и сл.

¹⁵ Там же. Л. 677об., 679об.

¹⁶ АЮЗР. Т. XIII. № 121. Стб. 526–528.

¹⁷ Там же. Стб. 525.

¹⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 777–778об.

¹⁹ Там же. Л. 774. О задачах, порученных С. Алмазову, см. [Смирнов 1946, 147–148].

а самим «отступить х Киеву и беречь Киева». «А учинить вам то по самой конечной немере»²⁰. 12 апреля датированы полномочия Г.Г. Ромодановского для переговоров с командующим османской армии — великим везиром²¹.

При составлении документа с приведенными выше свидетельствами смысл этого шага становится понятным. Если Чигиринская крепость окажется неспособной обороняться, следует попытаться заключить мир с Турцией ценой ее уступки. Конечно, подобный шаг следовало предпринять только в крайнем случае.

18 апреля в Чигирин была отправлена инструкция И.И. Ржевскому. В ней предписывалось, если русско-украинская армия не сможет своевременно прийти на помощь, вывести гарнизон, и, «разорив город», отойти к Киеву²². Все это показывает, как оценивали в Москве положение дел в Чигирине в апреле 1678 г. Но в это самое время стали поступать сведения о переменах к лучшему.

14 апреля Г.Г. Ромодановский, встретившийся в военном лагере у Курска с С. Алмазовым, сообщил ему, что в Чигирин отправлены Сумской и Ахтырский полки «и хлебные запасы в Чигирин из Переяслава и Киева много привезли»²³. Одновременно важная информация стала поступать от посланцев гетмана. Они сообщили сначала о том, что подводы отправлены в Киев, а затем, что хлеб прибыл в Чигирин²⁴, а также о том, что «по гетманскому приказу выбивали при них из всех полков мужиков, что есть от двух человек третьего, в Чигирин делать городовое дело»²⁵. Учитывая прежний опыт, российское правительство не могло полностью положиться на эти сообщения. 30 апреля из Москвы еще до возвращения С. Алмазова был отправлен новый царский посланец В. Юдин²⁶ для того, чтобы лично посетить Чигирин²⁷ и сообщить достоверные данные о положении в этом городе.

Сведения В. Юдина были очень важными: войска гетмана и Белгородского разряда соединились «близ Ромна на Артополоте», передовые отряды уже идут к Днепру»²⁸. Появилась надежда, что армия успеет прийти к Чигирину до прихода османов.

В самом Чигирине к этому времени сосредоточились значительные военные силы. В Верхнем городе 6 тыс. чел. — русские войска и казаки Ахтырского и Сумского полков со Слободской Украины — «возят лес» для укреплений. В Нижнем городе 10 тыс. казаков и наемных людей — «сердюков», которые «ров к старому в прибавку копают». Передовые отряды армии Г.Г. Ромодановского также идут к городу «для возки леса и для вспоможенья городового дела»²⁹. Крепость, таким образом, успешно укрепляли. 18 мая И.И. Ржевский вручил посланцу чертеж «Верхнему и Нижнему городом новым крепостям»³⁰.

В. Юдин также сообщил, что в Верхний город завезли 13 тыс. четвертей хлеба и еще 3 тыс. будут доставлены из Бужинской пристани на Днепре³¹. Гетман писал,

²⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 780об.

²¹ Текст полномочий см. Полное собрание законов Российской империи. С. 155–161. Анализ документа см. [Смирнов 1946, 148–150].

²² РГАДА. Ф. 89. Кн. 14. Л. 298.

²³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 125. Л. 792–792об.

²⁴ Там же. Л. 713, 726об., 750, 766об.

²⁵ Там же. Л. 766об.

²⁶ Там же. Л. 913.

²⁷ Гетману предлагалось обеспечить его проезд в этот город. Там же. Л. 914.

²⁸ Там же. Л. 917об.

²⁹ Там же. Л. 916–916об.

³⁰ Там же. Л. 916об.

³¹ Там же. Л. 916.

что отправленные в Киев «к Пасхе» подводы из Стародубского и Черниговского полков теперь с хлебом «в Чигирин пришли»³².

Таким образом, к концу весны были в значительной мере преодолены трудности, вызвавшие ранее серьезное беспокойство русских политиков. В этих условиях новая попытка завязать мирные переговоры с Османской империей имела другой смысл. 23 июня к Г.Г. Ромодановскому и И. Самойловичу был отправлен подьячий Посольского приказа Исай Силин³³. Им предлагалось «помыслить накрепко, пристойно ли к везирию султана быть посылке», а также о том, если переговоры начнутся, «в вечной ширине в перемирье, на каких статьях чинить». О каких-либо уступках при этом речи не было. Очевидно, в Москве полагали, что, узнав о мерах, принятых русской стороной, великий везир предпочтет войне мирные переговоры. Но расчеты эти не оправдались. 12 июля гетман сообщил, что османы уже начали войну и не следует им предлагать переговоры, так как везир начнет «вымогати себе [...] трудных и к збытию неугодных статей»³⁴.

Анализ источников позволяет констатировать ложность противопоставления, которое сконструировал Н.И. Костомаров, обойдя молчанием свидетельства ряда источников, некоторые из которых входили в его издание «Актów». Украинское общество стремилось защищать Чигирин, но особенности его организации не давали возможности гетману оперативно выполнять обязанности, взятые на себя в связи с обороной Чигирина, а обнаружившиеся серьезные недостатки в управлении и снабжении крепости толкали русское правительство к поискам мирных переговоров с Турцией. Вместе с тем, очевидно, что в течение нескольких месяцев в Москве предпринимали усилия, направленные на укрепление крепости и снабжение ее гарнизона. Уже это опровергает утверждения, что Россия не желала тратить силы на ее оборону.

В конечном итоге и соответствующую работу, как и взаимодействие сторон, удалось наладить, и османскую армию под Чигирином ожидало упорное сопротивление объединившихся гетманства и России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Москва.
АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АЮЗР. Т. XIII. СПб., 1884. № 110; 114; 116; 118; 121; 146; 147.
Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. II. № 723.
РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Кн. 14.
РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 125.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Костомаров Н.И. Собрание сочинений. СПб., 1905. Кн. VI. 815 с.
Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М.: Изд. МГУ, 1946. Т. II. 174 с.
Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. Київ: Критика, 2005. 582 с.
Рукопись поступила в редакцию 11.01.2023
Рукопись принята к печати 16.11.2023

³² Там же. Л. 919.

³³ Текст отправленной с ним грамоты см. АЮЗР. Т. XIII. № 147. Стб. 629–630.

³⁴ АЮЗР. Т. XIII. № 147. Стб. 633.

REFERENCES

Jakowenko N. *Narys istorii seredniowecznoi ta ranniomodernoi Ukraini*. Kyiv, Kritika Publ., 2005, 582 p.

Kostomarow N.I. *Sobranie soczinenij*. St. Petersburg, 1905, kn. VI, 815 p. (In Russ.)

Smirnow N.A. *Rossia i Turcyja w XVI–XVII ww*. Moscow, MGU Publ., 1946, t. II, 174 p. (In Russ.)

Received on 11.01.2023

Accepted on 16.11.2023

Информация об авторе:

Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, член-корр. РАН

зав. отделом

Институт славяноведения

Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0779-2488

E-mail: ritlen@mail.ru

Information about the author:

Boris N. Florya

DSc. (History), Corresponding Member

of the Russian Academy of Sciences

Head of department of Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0779-2488

E-mail: ritlen@mail.ru

Славяноведение, 2024, № 2, с. 34–54

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 34–54

DOI: 10.31857/S0869544X24020048, EDN: zdvmfz

Оригинальная статья / Original Article

О западных и восточных границах «польского мира» и о польской идентичности в XIII–XIX веках

© 2024 г. М.В. Дмитриев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
(Москва, Российская Федерация)

dmitrievm300@gmail.com

В данной научной работе использованы результаты проекта
«Конструирование идентичностей в средневековых культурах»,
выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ в 2023 году

Аннотация. В статье-эссе предпринята попытка спроецировать проблематику современных *Grenzeforschungen* на решение вопроса о том, каковы были «западные» и «восточные» *идентитарные* и поэтому весьма долгосрочные (многовековые, цивилизационные, а не государственно-политические) границы «польского мира» в истории Центральной Европы. Поиск ответа на этот вопрос приводит к выводу, что в истории «польского мира» присутствовали две идентитарные границы. Первой и наиболее весомой подлинно идентитарной границей была граница, делившая (с середины XIV в.) культуру Польского королевства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой на область доминирования «латинских» традиций и область господства византийско-православного наследия. Второй по значению и весу была граница между «первичным» Западом (в пределах которого оказались и Силезия, и Западное Поморье), представленным в «польском мире» (с XII–XIII вв.) германской, «первичной» европейской культурой, и «вторичным» Западом, представленным институтами земель Польского королевства, постепенно приобщавшимися в XIV–XVI вв. к цивилизационному опыту «первичной» Европы, но вступившими в XVII–XVIII вв. на очень особый, «девиантный» путь развития.

Ключевые слова: «польский мир», Польское королевство, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Силезия, Западное Поморье, Русь, идентитарные границы, «первичная» и «вторичная» Европа.

Ссылка для цитирования: Дмитриев М.В. О западных и восточных границах «польского мира» и о польской идентичности в XIII–XIX веках // Славяноведение. 2024. № 2. С. 34–54. DOI: 10.31857/S0869544X24020048, EDN: zdvmfz

On the Western and Eastern Frontiers of the «Polish World»
and on the Polish Identity in the 13th–19th Centuries

© 2024. Mikhail V. Dmitriev

Lomonosov Moscow State University;
Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

dmitrievm300@gmail.com

The results of the project “Constructing identities in the medieval cultures”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work.

Abstract. This article-essay tries to project problems of the current *Grenzforschungen* on the issue of «western» and «eastern» identity frontiers (*id est* multisecular, civilizational and not political frontiers) of the «Polish world» in history of Central Europe. Looking for answer, we are brought to conclude, that two identity frontiers were present in history of the «Polish world». The first and the most weighty truly identitarian frontier was that, which divided (since 14th century on) culture of the Polish kingdom, Great duchy of Lithuania and *Rzeczpospolita* into realms in which either «Latin» or Byzantine-Orthodox traditions were dominating. The second (as to its importance and weight) was borderline between the «primary» West (Silesia and Western Pomerania found themselves in its confines), which was embodied in this region of the «Polish world» (since 12th – 13th centuries) by German, «primary» European culture, and the «secondary» West, represented by institutes of the Polish kingdom, which gradually, over the span of the 14th – 16th were borrowing civilizational experience of the «primary» Europe, but embarked on (in the 16th – 18th centuries) a very peculiar, «deviant» line of evolution.

Keywords: «Polish world», Polish kingdom, *Rzeczpospolita*, Great duchy of Lithuania, Silesia, Western Pomerania, Ruthenia, identity frontiers, «primary» Europe, «secondary» Europe.

For citation: Mikhail V. Dmitriev. On the Western and Eastern Frontiers of the «Polish World» and on the Polish Identity in the 13th – 19th Centuries // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. № 2. P. 34–54. DOI: 10.31857/S0869544X24020048, EDN: zdvmfz

Предмет настоящей статьи-эссе представлен в ее названии, но о границах какого типа идет речь? Понятие «граница» применяется в нашем академическом языке к физическому пространству, к культурным ареалам, к политической истории, к истории хозяйства и так далее. Вся «историческая география» — это отрасль знания (или «главным образом», или «прежде всего», или «в основном...») о границах. При этом наша историческая память, наше воображение и даже наша историческая наука тяготеют иногда к тому, чтобы не замечать «удельный вес» границ в прошлом некоторых регионов, а иногда, напротив, — видеть границы там, где их на самом деле нет. Ниже речь пойдет о проекции проблематики современных *Grenzforschungen* (см., например [Jaspert 2007]) на вопрос о том, каковы были именно идентитарные границы в истории Центральной и Восточной Европы — т.е. такие границы, которые отделяли и отличали социумы одного *tuna* от социумов другого *tuna*, например, кочевые от оседлых, христианские от нехристианских, византийские и византизированные от неевизантизированных¹, западноевропейские

¹ См. материалы недавнего форума, проведенного в Санкт-Петербургском университете: [Византия после Византии 2022].

от центральноевропейских и восточноевропейских². Такие границы по определению весьма долговечны: это многовековые, цивилизационные, культурно-религиозные, а не государственно-политические границы и не границы самосознания тех или иных социумов. В нашем случае мы имеем дело с «польским миром» в истории Центральной и Восточной Европы.

Одной из часто игнорируемых идентитарных границ в истории данного пространства была, как кажется, граница между «первичной», «настоящей» средневековой Европой, и теми регионами, которые медленно вестернизировались (параллельно с христианизацией) в XI–XIV вв. Таким «вторичным» регионом Европы становились земли Польского королевства, начиная, видимо, лишь с IX/X–XI вв. (т.е. со времени Великой Моравии, христианизации и первых польских правителей), когда это только-только складывавшееся государство поставило под контроль и Силезию, и Западное Поморье, т.е. правители Пясты обложили данью и силезские, и западнопоморские территории. В XII–XIV вв. постепенно сложилась средневековая конфигурация границ – и политических, и культурных, и социальных, и религиозных. Среди этих границ были и интересующие нас *идентитарные* границы.

В этом контексте необходимо поставить (среди прочих) двоякий вопрос. Первая его сторона: какие идентитарные границы культур внутри Европы и вокруг территории, которую мы спонтанно называем Польшей (а можем назвать и польским миром), – подлинные, какие – мнимые? Иначе говоря, какие же из присутствующих в нашем сознании границ действительно «существовали», а какие только воображаются в исторической памяти? В данном случае речь идет о Центральной, Центрально-Восточной³ и Восточной Европе как исторических регионах, и нас интересует культурно-цивилизационная граница между польским миром Центральной (или Центрально-Восточной Европы) и остальным миром Европы к западу от Эльбы (можно сказать и так: миром «настоящего» Запада). Когда, в какие эпохи, и в каких именно измерениях эта типологическая граница между Польшей и «настоящим» Западом была весомым, детерминирующим явлением?

Вторая сторона того же вопроса – каковы были социальные, культурные, политические, даже экономические и экологические функции «дрейфа на восток» (начиная с XIV в.) *Regnum Polonorum*? Какие новые культурные границы и различия в идентичностях польского и «не-польского» миров

² Проблема трех регионов в истории Европы (Запада, Центральной Европы и «отстающей» Восточной или Центрально-Восточной Европы) была остро поставлена И. Бибо [Бибо 2004] и Е. Сючем [Szucs 1983]. О дискуссиях более позднего времени см.: [Центральная Европа 1996; Janowski, Iordachi, Trencseny 2005; Todorova 2005; Kieniewicz 2013]. См. также: [Центры и периферии 2014].

³ Вопрос о том, адекватно ли понятие «Центрально-Восточная Европа», в центре которой оказываются Польша, а Литва, Украина и Белоруссия выступают фактически как периферии польского мира, построено по аналогии с понятием германской историографии *Ost-Mittel Europa*, которое тоже исходило из логики «немецкий мир и его периферия», остается в высшей степени спорным. Тем не менее концепция «Центрально-Восточной Европа», в котором история Украины и Белоруссии систематически противопоставляется истории России, широко вошла в университетскую практику (особенно в Польше, Белоруссии, Литве и на Украине) после публикации люблинским Институтом Центрально-Восточной Европы соответствующего двухтомного труда [Historia Europy Środkowo-Wschodniej 2000] (есть переводы на русский, украинский, литовский, белорусский, французский). В декабре 2000 г. в Люблине была проведена международная конференция «Русские, немцы и евреи в истории Центрально-Восточной Европы», задуманная и как презентация только что вышедшей книги; приехавшие из Германии, Израйля и России историки дружно подвергли вежливой академической критике и книгу, и стоящую за ней концепцию, считая их по меньшей мере предвзятыми. Материалы конференции, вопреки первоначальным заявлениям и заверениям организаторов, не были опубликованы.

сформировало это смещение политической и церковно-политической границы католической Польши на территории будущих Литвы, Белоруссии, Украины и России? Или иначе: в чем можно увидеть и идентифицировать культурно-цивилизационные долгосрочные (т.е. именно структурные) последствия польского «дрейфа на Восток» после присоединения Галицкой Руси Казимиром Великим и сближения Польского королевства с Великим княжеством Литовским после 1385 г.?

Важно подчеркнуть: речь идет, конечно, не о физической географии, и даже не об экономической, социальной, политической, культурной истории в ее пересечении с именно физической географией. Это был бы сюжет для профессиональных географов. Речь идет о *цивилизационных* границах, которые именно *структурно* отличали один регион «географической» Центральной и Восточной Европы от другого.

Настоящая статья, конечно, не исследовательская в строгом смысле слова (да и тема непомерно велика...), это эссе в прямом значении данного слова, т.е. именно *попытка*, *ein Versuch* сформулировать некоторые наблюдения и сомнения. Она, как это чаще всего и бывает, — отклик на перемены в политической, общественной и в академической жизни нашей части Европы в последние тридцать лет.

Расширение Европейского союза после 1991 г. (понимаемое в западной и польской публицистике почему-то как расширение «идентитарной» Европы, а не только как экспансия Европейского союза — политического объединения ряда государств), породило необозримый поток публикаций о «европейской идентичности». Главный итог оказался, однако, неожиданным и даже печальным: нет критериев, которые позволяют прочертить в «реальной» истории границы Европы как особой цивилизационной зоны и, соответственно, сказать, что же такое особая «европейская» идентичность.

Правда, предлагается (большей частью в публицистике...) решение приравнять «Европу» к «Западу», а «Запад» понимать как наследника: а) греческого полиса; б) римского права; в) христианства. Однако пункт «в» из этой триады оказывается заведомой ловушкой: история христианства не есть история одного лишь Запада. Да и с римским правом дело не идет гладко. «Юстинианов кодекс», самый полный и самый совершенный свод римского права — это византийский опыт и основа византийской юридической культуры. Еще менее гладко дело обстоит с наследием греческого полиса. В самом ли деле так ясно видна связь между европейскими обществами Средневековья и Нового времени и древней Элладой?

В итоге выясняется, что Европа, «европейская» цивилизация, «европейские» границы не есть идентитарная «структура большой длительности»⁴ и, вообще, и то, и другое, и третье больше похожи на мифологию и, даже хуже, — на именно политизированную мифологию.

А какие же границы и различия между какими именно идентичностями в Европе, вокруг Европы, в Центральной и Восточной Европе не есть миф?

Предположительный ответ на этот очень большой вопрос содержится в конце статьи.

⁴ Имеется в виду понятие, введенное в научный оборот Фернаном Броделем (см.: [Бродель 1977]). В соответствующей традиции исследований под «структурами большой длительности» понимаются такие реалии в социальных связях, в культуре, религии, в политических институтах, в экономике и исторической экологии, которые эволюционируют чрезвычайно медленно и остаются почти неизменными на протяжении многих столетий. Понятие «цивилизационные традиции» может быть принято как эквивалент понятия «структуры большой длительности».

Западные границы «польского мира», X–XIX вв.

«Польша» как «место памяти»⁵ и нашей академической науки, и наших обществ — это территория, входившая в состав «державы» Мешко I и его сына Болеслава Храброго, т.е. территория, с которой дружина этих правителей собирала дань, а их административная, судебная, юридическая власть над этими землями есть, видимо, плод воображения, и не более того⁶. Поэтому наша память включает в состав Польши и Силезию, и не только Восточное, но и Западное Поморье. Про последнее хорошо известно, что уже в XI–XII вв. в военно-политическом и налогово-финансовом плане оно было оторвано от Польского государства. Оставалось Западное Поморье в Средние века частью «польского мира»? Трудно не согласиться, что утвердительный ответ был бы насилием над фактами⁷. Эта территория Восточной или Центральной Европы стала частью Польши в 1945 г., после 800–900 лет пребывания вне польской государственности и «польского мира». Сколь бы ни был велик вес славянского элемента в этом пространстве в Средневековье, его «польскость» (если не придавать чрезмерного и ничем не оправданного значения языку части населения и остаткам языческих верований и обрядов), конечно же, не более чем мифологический мотив нашей памяти.

Менее ясный случай — «реальная» культурная и цивилизационная граница между Западным («немецким») и Восточным («польским») Поморьем. Но сколько бы историки ни писали о связи Восточного Поморья (Королевской Пруссии с 1525 г.) с Польшей, польской культурой и «польскостью», квалифицировать, например, Гданьск (а уж тем более — Мальборк, Мариенбург) как «польский» город в период вплоть до 1945 г. было бы вряд ли справедливо.

История Силезии — менее простой и вполне релевантный материал для изучения проблемы западной границы «польского мира» в Средние века.

В XII–XIII вв. здесь существовал ряд уделов (княжеств) правителей из династии Пястов, в XIII в. Генрих Бородатый проводил политику собирания земель подобно Ивану Калите и его преемникам, но его сын Генрих Благочестивый погиб под Легницей в 1241 г., и после этого политические связи Силезии с Польшей быстро начали ослабевать. В годы борьбы Владислава Локетка за Краков и польскую корону (начало XIV в.), силезские князья

⁵ Представления о прошлом той или иной страны есть продукты дискурсов, на основании которых создаются «места исторической памяти». Память создается сначала специализированными группами образованных элит обществ (можно сказать: идеологами; «виртуозами памяти», сказал бы М. Вебер), затем созданные ими представления проникают в более широкие слои населения, взаимодействуя с индивидуальной памятью той или иной группы или того или иного человека. «Места памяти» тем или иным образом коррелируют с научными данными о прошлом [Ассман 2004; Савельева, Полетаев 2005; Эксле 2001; Le Goff 1988; Время, история, память 2007; Halbwachs 1980; Berkhofer 1995; Хаттон 2003; Рикер 2004]. Этот подход есть отклик на то, как понимается процесс академического, профессионального «конструирования» прошлого в проекте, осуществленном группой французских историков во главе с П. Нора [Les lieux de mémoire 1984–1992]; (по-русски см.: [Нора, Озуф, де Пюимеж, Винок 1999]); в этой книге см. особенно статью самого П. Нора: [Нора 1999].

⁶ Как параллель подходит опыт древнерусской «государственности» того же периода. См.: [Данилевский 2001].

⁷ Подробный очерк истории Западного Поморья и Силезии в период до 1795 г. дается в совсем не устаревшей академической «Истории Польши», изданной еще в 1950-е годы [Historia Polski 1957]. Большое внимание уделялось этим регионам и в последующих академических обзорах истории Польши («краковская» школа: [Wyrozumski 1979; Gierowski 1979a; Gierowski 1979b]; «познанская школа»: [Dzieje Polski 1977]; «варшавская школа»: [Zarys historii Polski 1980]). Синтетический взгляд на историю этих регионов (с учетом накопившейся историографии) был предложен и немецкими историками: [Schlesien 1993; Pommern 1999].

его не поддержали и присягнули Яну Люксембургскому, а Казимир Великий в 1330-е годы и вовсе отказался от борьбы за Силезию, хотя и предпринял позже несколько попыток включить некоторые силезские земли в свои владения. При Людовике Венгерском на этой политике был окончательно поставлен крест, а немецкий характер культуры силезских городов в XIV–XV вв. не вызывает сомнения (сельская местность долгое время оставалась польской по языку). В XV в. силезские князья участвовали в конфликтах Тевтонского ордена с Польшей то на одной, то на другой стороне, а «литовский» брак Ядвиги и политика Ягайло, как и борьба польской знати за сохранение унии с Литовским княжеством и нейтрализацию политики Витовта и элит Великого княжества сделали дистанцию между Краковом и Вроцлавом еще значительнее. Гуситская эпоха, казалось бы, дала несколько шансов на возвращение Силезии в орбиту Польской короны, но все они были потеряны. Силезия виделась польским правителям и их дворам как часть враждебной Чехии, а после захвата Силезии Матвеем Корвином (королем Венгрии, и Чехии) и смерти последнего (1490 г.) Силезия оказалась под номинальным контролем Ягеллонов (но не Польши) только потому, что Владислав Ягеллончик получил в том же 1490 г. венгерскую корону.

В годы войны Яна-Ольбрахта с Владиславом Ягеллончиком (1490–1492 гг.) и чуть позднее рассматривались проекты передачи тех или иных силезских земель польским королям в ответ на их отказ от прав на венгерскую корону, но при Сигизмунде Старом польский двор окончательно отвернулся от Силезии в пользу Литвы и восточных кресов. Тот факт, что некоторые мелкие силезские территории были связаны как лены с польскими правителями (часто вспоминают, что Ян-Казимир в 1650-е годы бежал в свое силезское владение, потому что Опольское и Рациборское княжество стали ленами польских королей в 1647 г. и оставались ими до 1666 г.), общую картину никак не меняет. По строгому счету, уже с XIV в. Силезия не имела никаких прочных политических связей с Польским или Польско-Литовским государством. С момента подчинения Галицкой Руси Казимиру Великому Польша становилась скорее «польско-русинским» и никак не «польско-силезским» королевством.

Что же касается социального и правового строя Силезии в XIII–XIV вв. и позднее, то он быстро эволюционировал в сторону того же типа, что и строй германских земель («в государстве Локетка не хватило места для Силезии — подчиненной Вроцлаву и быстро эволюционировавшей в сторону того строя, который был характерен для Германской империи»), в то время как в Польском королевстве со временем сложилась новая по качеству общественно-политическая общность, которая, как заключил Сл. Гавлас в результате своего фундаментального и очень тщательного исследования, «принадлежит к Западу, не была им вполне», и в этом выражалась архаичная периферийность в развитии польских земель, ставшая результатом «диффузии возникавших в тогдашних цивилизационных центрах организационно-институциональных моделей и социальных стандартов» [Gawlas 2000, 95–96].

В XVII в. княжеская Пруссия, оборвав связи с Польшей, установив прочные связи с Бранденбургом и став такой Пруссией, какой мы ее знаем в XVIII в., заявила права и на Силезию, захватив ее в 1740-е годы. Началась долгая полоса в истории Силезии как части «коренных» прусско-немецких земель. Польское движение в Силезии в XIX — первой половине XX в. не отменяло того факта, что все основные силезские земли оставались вплоть до 1945 г. органической частью «немецкого мира».

А насколько Силезия и Западное Поморье виделись как части Польши в исторической памяти приобщенных к книжности поляков?

М. Бельский писал в XVI в., что «граница славянского народа на Западе — Висла, но некоторые хотят думать, что это Одер»; а Силезию, которая могла бы вернуться к Польше, польские князья в то время пропили («*przepili*») (цит. по: [Dzieje Śląska 1955, 144]). М. Кромер во второй половине XVI в. неоднократно упоминал Силезию как утраченную часть польских земель [Kromer 1977, 8, 11, 15–16, 19–22 и по указателю]. Чешельский, польский политик XVI в., восклицал: «Как же так Габсбургам удастся без препятствий и затруднений с нашей стороны постоянно удерживать безнаказанно занятую Силезию?». Епископ Ст. Лубенский, в начале XVII в. выражал надежду, что придет время, когда или силезцы, помня от кого отделились, вернуться к своим отцам; или же у поляков найдутся поводы и возможности заняться восстановлением своих прав на Силезию. А через сто лет эти слова вспомнил краковский шляхтич Добинский, говоря, что нужно начать «справедливую войну за отвоевание Силезии». Но это как раз те исключения, которые подтверждают правило: польская шляхта и та ее часть, которая была вовлечена в политические действия, Силезией не интересовалась, хотя в дипломатической практике вопрос о польских правах на Силезию время от времени возникал [Dzieje Śląska 1955, 144–145].

После разделов Польши Западное Поморье воспринималось без колебаний как немецкая земля, и то же самое касалось большей части силезских территорий.

«Восточное измерение» границ «польского мира» в XIV–XIX вв.

Вхождение Галицкой Руси в состав Польского королевства в 1340-е годы и, еще более, распространение здесь католицизма и институтов католической церкви решающим образом способствовали вестернизации и полонизации этой части земель Руси (в будущем — Западной Украины). Этот факт давно признан, хорошо известен и очевиден [Chodyncki 1934; Trajdos 1983; On the Frontier of Latin Europe 2004]. Прекрасную картину вклада приходских школ в полонизацию будущих западноукраинских земель в XVI–XVIII вв. дал Я. Хахай [Chachaj 2003]. Однако на периферии нашей университетской, школьной и общественной исторической памяти оказывается другой факт — факт «восточных» влияний не только на развитие, например, храмовой живописи Малой Польши в XIV–XV вв. (что хорошо известно), но и факт влияния землевладельческой знати литовского и рутенского происхождения на польскую шляхту и всю политическую и правовую культуры Польского королевства. Поворот 1385–1386 гг. (Кревская уния и дальнейшее сближение Польши и Великого княжества Литовского) означал не только «вестернизацию» и «европеизацию» литовских и будущих украинских и белорусских земель через приобщение к западной и польской культуре, но и известную «ориентализацию» и политической культуры, и социальных связей, и культуры «вообще» именно Польского королевства в XV–XVI вв.

Ян Длугош считал бедой и едва ли не катастрофой приглашение на польский престол литовского князя. И дело не только в язычестве населения. Дружинный слой Великого княжества, вливавшийся, начиная с 1380-х годов, в ряды польского рыцарства, приносил в Польшу установки совершенно не-европеизированной политической, правовой, поведенческой, духовной культуры⁸. В трех первых браках у Владислава-Ягайло не было мальчиков, ле-

⁸ См. прежде всего классический труд А. Прохазки [Prochaska 1908]. См. также: [Kosman 1968]. Среди недавних синтетических обзоров истории средневековой Литвы см.: [Rowell 1994]. Не устарела и образцовая книга В.Т. Пашуто: [Пашуто 1959].

гитимность четвертого брака (с Софьей Гольшанской, представительницей именно литовской знати) вызывала сомнения. Ягайло вынужден был заискивать перед польской аристократией, и отсюда — череда привилеев, которые открыли путь к будущей «шляхетской демократии» и складыванию девиантной (по сравнению с Западной и Центральной Европой) политической системы.

Дружинный мир двоюродного брата Ягайло Витовта противостоял польскому двору; сам Витовт больше ориентировался на восток, чем на запад, и если бы не сокрушительное поражение от татар на Ворскле в 1399 г., союз двоюродных братьев мог бы не выжить, и Грюнвальд мог бы не состояться.

После 1410 г. литовское католическое рыцарство получило те же права, что и польское рыцарство. Новые члены шляхетского сословия были вписаны в польские гербы, и это сближение еще более усилило не-западное воздействие на культуры элит Польского королевства. Литва же и литовско-русские (будущие украинские и белорусские) земли долго жили своей жизнью, не став пока почти ни в каком отношении (если не считать начальную католическую христианизацию литовских язычников) частью западного цивилизационного круга [Любавский 1915; Русина 1998; Гудавичюс 2005; Дворниченко 1993; Дворниченко 2013; Шабульдо 1987]; см. также превосходный очерк И.И. Лаппо [Лаппо 1924]. Очень полезным оказывается сравнение сведений об элитах Великого княжества (включая древнерусские земли) с культурой польского рыцарства (см., например, [Piwowarczyk 1998]).

Важно не забыть, что для очень образованного и ответственного, стремящегося к максимальной достоверности Матвея Меховского, написавшего в начале XVI в. знаменитый и переведенный на многие языки краткий трактат [Меховский 1936; переиздание: Меховский 2009], Литва, Московское государство и Галицко-Волынская Русь и днепровская Украина составляют — рядом с азиатской Сарматией — мир Сарматии «европейской», а Польша, как, конечно, и силезские и поморские земли, в этот мир не входит.

Этот тренд в сторону «ориентализации» (или «де-вестернизации»?) польских земель продолжился в XVI—XVII вв. Роль и влияние Великого княжества (особенно же литовско-русской магнатории) в политической жизни обоих государств и, соответственно, не-западное влияние на польскую политическую, правовую, идеологическую культуру возрастали. А дворянство центральной Украины как части Великого княжества Литовского, а потом (после 1569 г.) польских коронных земель очень существенно по статусу и модальностям службы монархам, по правам и правовой культуре, по отношениям с магнатами, образу жизни и общей культуре отличалось от польской шляхты и даже от уже заметно колонизированной землевладельческой прослойки Красной Руси (будущие западноукраинские земли)⁹.

Литовские статуты в редакциях 1529, 1566 и 1588 гг. заметно отличаются от кодифицированного права Центральной и Западной Европы [Владимирский-Буданов 1889—1890]¹⁰. В годы заключения Люблинской унии (1569 г.) значительная группа магнатов Великого княжества и их единомышленников из числа

⁹ Архаические черты в социальном облике шляхты центральной части Украины очень хорошо видны в замечательной книге Н.Н. Яковенко [Яковенко 1993]. Очень важна обширная рецензия Б.Н. Флори на эту книгу [Флоря 1995].

¹⁰ Ср. совсем недавнюю книгу: [Васильев 2022]. Один из выводов С.В. Васильева: «Сравнительный анализ терминов Псковской Судной грамоты и I Литовского статута позволил выявить множество общих черт в правовой системе Северо-Запада Руси и Великого княжества Литовского» [Васильев 2022, 279]. Классическая работа: [Лаппо 1934—1936].

шляхты выступили против слияния с Польским королевством, и они исходили при этом из представлений, что политические институты и, вообще, культура и идентичность (как мы сказали бы теперь) Великого княжества существенно отличались от Польши [Kot 1938; Lulewicz 2002].

После Люблинской унии давление и влияние «своего Востока» на польский мир как часть западной цивилизационной зоны заметно усилилось. Магнаты именно восточных областей Речи Посполитой (кресов) начали играть главную роль в политической жизни, и во многом именно под их влиянием режим шляхетской демократии трансформировался в режим магнатской олигархии. Стоит подчеркнуть еще раз, что политическая культура элит Великого княжества – это совсем не то же самое, что политическая культура польской знати [Лаппо 1901; Лаппо 1911; Любавский, 1915]¹¹.

В еще большей степени это относится к духовенству. Православные клирики украинско-белорусских земель по статусу, культуре, образу жизни, образованию, мировоззрению кардинально отличались от польского католического духовенства [Левицкий 1882; Левицкий 1883; Левицкий 1884; Грушевский 1910; Макарий (Булгаков) 1996]. Сошлюсь на всего лишь один пример – характерную зарисовку особенностей религиозно-обрядовых традиций православного западнорусского духовенства, которую в начале XVI в. оставил краковский каноник Ян Сакран (Ян из Освенцима). Согласно его свидетельству, в день Богоявления вместо церковной купели для крещения детей их окунают в освященные воды рек (наподобие Иордана) и если младенец умрет при погружении в холодную воду или выпадет из рук, то говорят, что он «восхищен ангелом» на небо, и что мир недостойн был его присутствия. При приготовлении причастия, взяв хлеб, разделенный надвое, извлекают из верхней части середину в виде треугольника, который и освящают в тело Христово. К этому кусочку хлеба, предназначенному для таинства, прибавляют и многие другие, и предлагают один во имя Марии, другой во имя Предтечи, третий во имя Василия, затем Льва, Ильи, и, таким образом, при использовании каждого кусочка призывают особого святого. Перед совершением таинства причастия берут теплую воду и вливают в освященную чашу, и если из чаши поднимается пар, то веруют, что в ней действительно свершилось таинство; оставшееся в чаше сохраняется, а после обеда потребляется священником. Освященный в тело Христово пшеничный хлеб дают отправляющимся на войну мирянам, которые перед сражением с неприятелем кладут тот хлеб в сосуд с жидкостью, какая подвернется под руку, и сами совершают евхаристию. Совершив погребение, все целуют могилы своих мертвецов. Если верить Сакрану, православные говорят, что пресвитеры их впадают в грех, когда убьют воробья или другую птицу, и получают прощение лишь тогда, когда будут носить убитую ими птицу за крылья, пока она совершенно не сгниет [Макарий (Булгаков) 1996, 94–95]; см. также: [Krajcar 1963].

Но дело не только в отчетливой границе между культурными идентичностями населения восточных и западных территорий Польского и Польско-Литовского государств, но и в постепенном отдалении самосознания польской шляхты (не говоря уже о польскоязычном мещанстве и крестьянах) в XVI–XVIII вв. от европейских (западных) ориентиров. Ярче всего это отчуждение выразилось в сарматизме, под которым принято понимать

¹¹ Яркую картину особенностей правовой культуры и стиля поведения шляхты западноукраинских земель создал Вл. Лозинский в ставшей классикой книге [Łoziński 1903–1904]; ряд переизданий, в том числе: Kraków, 1960.

специфическую идеологию и образ жизни, систему ценностей и жизненных установок, выросших на почве сословного самосознания шляхты и того исключительного положения, какое она занимала в Речи Посполитой. Логическим центром идеологии сарматизма стал этногенетический миф о происхождении польской шляхты от сарматов, завоевавших в незапамятные времена славянское население польских земель¹². К этому мифу присоединился ряд других, составивших вместе впечатляющий комплекс национально-идентитарных представлений, которые нашли отражение практически во всех проявлениях польской шляхетской культуры XVII–XVIII вв. Среди мифологем шляхетского национально-сословного самосознания — миф шляхетского равенства, особой шляхетской доблести и политической ответственности, миф о жизненной важности польского шляхетского фольварка для «прокормления» Западной Европы, миф об особом историческом призвании поляков как защитников Европы от исламской опасности, миф о рыцарственности польского шляхтича и одновременно миф о шляхтиче как добродетельном земледельце [Baczewski 2009]. Эти ярко идентитарные убеждения сочетались с ксенофобией [Tazbir 1971; Tazbir 1979b; Tazbir 1986b] и акцентом на отличиях польских традиций и обычаев от западных. В начале XVII в. во время рокоша (мятежа) Зеббридовского шляхетский полемист писал, что «иностранные титулы противны польским законам и вредны шляхетскому сословию Польши и соединенных с нею земель. Такие титулы уничтожают равенство шляхетского сословия, каковое имеет первенство в Польше». Другие обрушились на одного из своих братьев, принявшего титул маркграфа и приобщенного к гербу итальянских Гонзагов: «Ты стремился к иноземным титулам, по своей амбиции пренебрегая шляхетским достоинством, и оскорбил его своими развратными желаниями, поставив итальянского пса выше десятка польских шляхтичей [...]. Получив их, ты, иноземец, стал еще больше унижать шляхетство, попирая наш народ, его старые обычаи и законы»¹³. Свою страну идеологи сарматизма частью Европы не считали [Tazbir 1986a]. И именно эта культура доминирует в шляхетской среде и в XVIII в., а в «польском мире» правобережной Украины даже в первой половине XIX в. [Tazbir 1979a; Бовуа 2011].

* * *

Возвращаясь к поставленному в начале эссе двоякому вопросу, можно его обострить: соотношение идентитарных границ Польши исторической памяти, т.е. Польши воображаемой, и «реальных», *wie es eigentlich gewesen war*, идентитарных границ между «польским» и «не-польским» миром в Средние века и Новое время — это граница между «польским» и «немецким» или же граница между и «европейским» и «не-европейским»? Между «подлинной Европой» и «вторичной Европой»? Между Западом и «не-Западом»?

Сошлюсь на пример, показывающий, какой виделась эта «вторичная» Европа с Запада в эпоху Просвещения. Француз Луи-Филипп де Сегюр, посетив Польшу в 1784 г., написал: «Попав же в Польшу, начинаешь верить, что окончательно покинул Европу, и новые зрелища изумляют взор: огромная страна почти полностью покрыта хвойными деревьями, вечно зелеными и вечно

¹² О польском сарматизме написано очень много, в том числе и по-русски: [Тананаева 1979; Липатов 1993; Лескинен 2002; Mańkowski 1946; Ulewicz 1950; Cynarski 1968; Cynarski 1974; Chrzanowski 1988; Między Barokiem a Oświeceniem 1997; Słownik sarmatyzmu 2001; Bogucka 1996; Bystroń 1994; Kuchowicz 1977; Kuchowicz 1993; Bogucka 1994].

¹³ Цит. по: [Дмитриев 1997, 113]. См. в частности: [Freylichówna 1939; Smoleński 1954].

печальными, [...] нищее, порабощенное население; грязные деревни; жилища, лишь немногим отличающиеся от хижин дикарей, — все внушает мысль, что ты перенесся на десять столетий назад, к полчищам гуннов, скифов, венедов, славян и сарматов» [Вульф 2003, 56]. Англичанин У. Кокса в 1778–1779 г. Польша встретила тем, что «дороги были плохи, деревни малочисленны и в невероятном запустении, хижины все построены из дерева, на вид грязны и убоги. Все производило впечатление крайней нищеты». «Местные жители более бедны, покорны и убоги, чем остальные народы, попадавшие на нашем пути: стоило нам остановиться, они собирались толпами вокруг нас, прося милостыню при помощи самых отчаянных жестов». «Своими чертами, обычаями, платьем и внешним обликом поляки напоминают скорее азиатов, чем европейцев; предками их, несомненно, были татары» [Там же, 66, 67, 69]. Его соотечественник Д. Маршалл написал в 1772 г.: «Личная зависимость, в которой в Польше содержатся низшие классы, есть не что иное, как рабство, сродни деспотической власти, которую плантаторы в Вест-Индии имеют над своими африканскими рабами. По сравнению с ними, угнетение, которому подвергаются русские крестьяне, кажется полной свободой» [Там же, 135–136].

Такой представляла Польша как часть «Восточной» Европы на ментальной карте европейского Просвещения... А как «это было на самом деле»?

Можно, конечно, даже не кривя душой, сказать, что Польша — все-таки! — *типологически* есть часть Запада (и часть Европы, если мы примем, что Запад и Европа совпадают), но тогда нужно непременно добавить: это *другой* Запад, и даже радикально другой Запад. И непреодоленная трудность останется в том, что при соотнесении с фактами, какими они «были на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen war*), перестают работать не только критерии различения Европы и не-Европы, но и критерии отличия Запада и не-Запада... Мир мелкой волынской, брацлавской и даже киевской православной шляхты (как и мир казачества) — разве это западный мир? А мир мазовецкой шляхты? А уж тем более — мир мазовецкого или волынского крестьянства, как и мир полуаграрных местечек Украины и Белоруссии, в которых едва ли не половину населения (а иногда и больше) в XVIII–XIX вв. составляли еврейские общины?¹⁴

Не правильнее ли поэтому вообще перестать искать место для исторической Польши и Речи Посполитой или среди стран Запада, или на пограничье между Западом и Востоком? И дело тут, однако, не в том, что типологически Польша — не Германия, поэтому не-Запад, поэтому не-Европа (если Европа есть Запад)... Нужны, видимо, иные критерии исторической типологизации, коли критерии «европейскости» из-за их неопределенности оказываются, как констатировалось выше (вместе с рядом историков), неадекватными и непродуктивными¹⁵.

¹⁴ Вот пример городка Быхов в Белоруссии: по переписи населения 1766 г. в Быховском кагале числилось 887 евреев. С 1784 по 1805 гг. число мешан-евреев возросло в полтора раза (с 873 до 1244). А мешан-христиан в податных книгах Быхова в 1787 г. числилось лишь 132 человека [Федорчук 2023, 279].

¹⁵ Ж.-П. Виллем утверждал, что неопределенность понятия «европейская идентичность» порождена тем, что Европа есть носитель не только очень разнообразных и часто исключающих друг друга традиций, но и тем, что Европа — носитель универсалистской линии исторического развития [Willaime 2004, 36–37]: «C'est bien la pluralité des cultures qui la constituent qui est au coeur de l'identité civilisationnelle de l'Europe... Il est impossible de définir une identité européenne que l'on opposerait à d'autres car la différence, l'altérité, est au coeur même de l'Europe et ne lui est pas seulement extérieure. C'est parce que l'Europe a quelque chose à voir avec l'universel qu'elle n'est pas réductible à une quelconque identité substantielle que l'on pourrait qualifier "d'occidentale", de "chrétienne" et que l'on pourrait brandir tel un drapeau». Однако такое суждение — не более чем честная интеллектуальная уловка, вызванная тем, что «европейская» идентичность ускользает от сколько-нибудь ясной категоризации.

Со строго исторической точки зрения (т.е. с точки зрения того, какие факторы в данном регионе и в данное время оказывали конституирующее влияние на разные стороны общественного развития) альтернативой «немецким» и «польским», западным и не-западным, европейским и не-европейским критериям идентичности (по крайней мере, в Средние века и раннее Новое время) может оказаться факт принадлежности или не-принадлежности к христианскому цивилизационному кругу, к миру *Ecclesia*¹⁶, в котором, однако, социум католических и протестантских традиций существенно отличается от социума, сформированного византийско-православными традициями культуры, тесно и органически переплетенными с социальными, политическими и общественно-экономическими институтами. Форматирующее влияние христианства на общества западнохристианской части европейского географического пространства было едва ли не тотальным уже в XIII–XIV вв.¹⁷, а в эпоху протестантской и католической конфессионализации оно стало еще более всепроникающим.

Под конфессионализацией¹⁸ в современных исследованиях понимается, во-первых, становление и развитие специфически конфессиональных дискурсов, специфически конфессиональных институтов и специфически конфессионального самосознания в протестантских и католических культурах нового времени (эти процессы описываются как первая стадия конфессионализации — *Konfessionsbildung*); во-вторых, новый симбиоз церковных и государственных инстанций, религиозной и светской политики, процессы, механизмы и институты совместного воздействия церковно-конфессиональных и государственно-конфессиональных институтов и факторов на социальную, политическую, культурную, экономическую жизнь католических и протестантских обществ Европы в раннее Новое время. Сегодня исследователи видят в поле «конфессионализации» все социальные, политические и культурные последствия и корреляты, которые имел «этот охватывающий почти все сферы жизни» (Х. Шиллинг) феномен. Согласно сложившейся исследовательской парадигме, конфессионализация, взятая во всех измерениях и связях с другими аспектами истории Запада в XVII–XVIII вв., играет едва не центральную роль в формировании цивилизационной идентичности современной Западной и Центральной Европы. Однако это было специфически католическое и специфически протестантское явление. Православная же культура того же времени, в том числе православная культура Речи Посполитой, развивалась в логике иной конфессиональной традиции, и различия между западнохристианской идентичностью польских католиков и протестантов и православной идентичностью рутенов была вполне отчетливой. Речь Посполитая оставалась страной с двумя христианскими идентичностями — «западной» и «восточной».

Соответственно, нет преувеличения в том, чтобы сказать, что христианство (в случае польского мира — западное, «латинское» христианство) было той главной силой, которая и сформировала *идентичность* соответствующих

¹⁶ См.: [Guereau 2001] и отклик на эту книгу И.В. Дубровского и П.Ю. Уварова [Дубровский, Уваров 2012, 31–32], которые констатировали: «На современном этапе можем сказать, что модель «*Dominium-Ecclesia*» как выражение сущности западноевропейского средневекового общества по умолчанию пока можно считать общепризнанной». См. также: [Феодализм: понятие и реалии 2008].

¹⁷ См., например, обобщающее и авторитетнейшее издание по истории христианства в Европе: [Histoire du christianisme 1993].

¹⁸ Книга Х. Шиллинга может послужить хорошим введением в проблематику: [Schilling 1992]. См. также: [Конфессионализация 2004].

стран и регионов. Но таким же фактом, а не мифом оказывается и то, что внутри физического пространства географической Европы, простирающейся от Урала до Атлантики, от Северного моря и Хибин до Черного моря и Кавказа «реальные» границы между «реально» существующими культурно-цивилизационными регионами — это именно *конфессионально*-культурные, а не секулярные *внерелигиозные* границы. Соответственно, границы польского мира — это границы, объединявшие его в Средние века и раннее Новое время с другими странами католической и протестантской культуры и отделявшие «польский мир» от мира восточнохристианских культур, в том числе от мира византийско-православной культуры восточнославянских земель Польского королевства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой¹⁹.

Научная тема христианской идентичности как фактора, отделяющего одни общества европейского физического пространства от других, совершенно, разумеется, не нова в историографии²⁰, и эта историография уже давно установила, что вплоть до самого недавнего времени оппозиция христианства и не-христианства была несравненно более важна, чем оппозиция Европы и не-Европы, Запада и не-Запада. Характерен в этом отношении голос Новалиса на исходе XVIII в., для которого христианство и есть... Европа²¹. Но тогда историки (вслед за Новалисом) оказываются едва ли не в тупике: если Европа есть христианство, то какими бы ни были различия двух ветвей христианства, частью Европы оказываются и вся Россия, и Грузия, и Армения, и Сирия, и копты Египта²². Решение обыкновенно находят в том, что не-западное христианство квалифицируется как или «отсталое», или «примитивное», или «полуязыческое», или «обрядоверческое», или просто «неправильное» христианство. В этом отношении очень характерны суждения и формулировки замечательного венгерского историка И. Бибо, данные в 1971–1972 гг.: «На территории восточного христианства, где основные формы организации общества детерминировал *азиатский деспотизм*, выросший из сакральных царств, было осуществлено весьма *немногое из заветов христианства*, столь существенных для *правильной* организации человеческого сообщества. Областью *подлинной актуализации* этих заветов стала сохранявшаяся на территории Западной Римской империи анархия, где в то же время в скрытой форме продолжали жить великие традиции общественной организации Римской империи, которые, соединяясь с новыми импульсами христианства, положили начало новому *рациональному, гуманизирующему, морализирующему* эксперименту по организации общества» [Бибо 2004, 306] (курсив мой. — М.Д.).

¹⁹ На решающей роли протестантизма и католицизма в формировании именно идентичности Европы и ее корреляции с соответствующими демографическими структурами особенно настаивал Э. Тодд [Todd 1990].

²⁰ [Reynold 1944, 36]: «Enfin, qu'est ce que l'Europe doit au christianisme? Une âme, son existence même, et l'essence de sa civilisation. Il s'agissait de révéler l'épuisement total du monde antique, l'incapacité du monde barbare à sauver la civilisation et à faire l'Europe par ses propres moyens». «Civilisation européenne est donc synonyme de civilisation chrétienne. Le christianisme, c'est notre toit».

²¹ «Es waren schöne glänzende Zeiten, wo Europa ein christliches Land war, wo Eine Christenheit diesen menschlich gestalteten Weltteil bewohnte; Ein großes gemeinschaftliches Interesse verband die entlegenen Provinzen dieses weiten geistlichen Reichs. — Ohne große weltliche Besitztümer lenkte und vereinigte Ein Oberhaupt, die großen politischen Kräfte» [Novalis 1912, 31].

²² Ср.: [Febvre 1999]. М. Ферро пишет в предисловии к этой книге: «pour Febvre la Russie est incontestablement Europe — par la population (slaves et varègues), par la religion, par sa culture». Хакатерна и позиция Г. Стуржа: «Europa [...] ist mehr als der Westen. Es ist mehr als die "Latinitas", als das Abendland. Es hat auch einen Osten» (цит. по: [Ara 2004, 302]).

В итоге поиск ответа на поставленный в начале статьи вопрос приводит к выводу, что, упрощенно говоря, в истории польского мира существовали две идентитарные границы. Первой и наиболее весомой подлинной идентитарной границей была граница, делившая (с середины XIV в.) мир Польского королевства, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой на две части — область доминирования «латинской» культуры и область господства православной культуры. Второй по значению и весу была граница между «первичным» Западом (в чьих пределах оказались и Силезия, и Западное Поморье), представленным здесь германской, «подлинно» и «первично» европейской культурой (с XII—XIII вв.), и «вторичным» Западом, представленным институтами остальных польских земель, постепенно приобщавшихся в XIV—XVI вв. к опыту «настоящей», «первичной» Европы, но вступивших в XVII—XVIII вв. на особый, «девиантный» путь развития.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЮЗР — Юго-Западная Русь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Меховский М. Тратат о двух Сарматиях / пер. С.А. Аннинского. М.; Л.: Типография им. Володарского, 1936. XI, 288 с. (переиздание: Меховский Матвей. Тратат о двух Сарматиях. Сокровенное сказание монголов / подг. к изд. А.И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2009. 512 с.).

Kromer M. Polska czyli o położeniu, ludności, obyczajach, urządach i sprawach publicznych Królestwa Polskiego księgi dwie / Przekład St. Kozikowskiego. Wstęp i opracowanie R. Marchwińskiego. Olsztyn: Pojezierze, 1977. 224 s.

Novalis. Hymnen an die Nacht. Die Christenheit oder Europa. Leipzig: Insel, 1912. 62 S.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с немецкого М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Бибо И. О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: «Три квадрата», 2004. С. 159–262.

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляха и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Авторизованный перевод с французского М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 998 с.

Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.

Васильев С.В. Правовые системы Северо-Запада Руси и Великого княжества Литовского. Опыт сравнительного исследования памятников славянского права. М.: Квадрига, 2022. 317 с.

Византия после Византии? Форум // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2022. № 1 (31). Январь–июнь. С. 3–35.

Владимирский-Буданов М.Ф. Очерки из истории литовско-русского права. Киев: Тип. С.П. Кульженко, 1889–1890. Ч. 1–2.

Время, история, память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л.П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. 319 с.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2003. 567 с.

Грушевський М.С. Сторінка з історії українсько-руського сільського духовенства (по самбірським актам XVI ст.) // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка, 34 (1910). С. 99–115.

Гудачиус Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / пер. с литовского Г.И. Ефремова. М.: Фонд имени И.Д. Сытина, BALTRUS, 2005. Т. I. 680 с.

Данилевский И. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 147–167.

- Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 239 с.
- Дворниченко А. Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // Матвей Кузьмич Любавский. К 150-летию ученого. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 97–120.
- Дмитриев М. В. Польская шляхта в XVI–XVIII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / под ред. В. А. Ведюшкина. М.: Археографический центр, 1997. С. 192–215.
- Дубровский И. В., Уваров П. Ю. Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история. М.: Наука, 2012. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. С. 6–32.
- Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб.: Алетейя, 2004. 206 с.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. 800 с.
- Лаппо И. И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1911. Т. 2. 834 с.
- Лаппо И. И. Западная Русь и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Исторические очерки. Прага: Пламя, 1924. 225 с.
- Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 г. Каунас: Spindulio, 1934–1936. Т. 1. Ч. 1–2. X, 473 с.; X, 592 с.
- Левицкий О. Южнорусские архиереи в XVI–XVII вв. // Киевская старина. 1882. № 1. С. 57–100.
- Левицкий О. Внутреннее состояние западнорусской церкви в польском государстве в конце XVI в. и уния // Архив Юго-Западной России. Киев, 1883. Ч. 1. Т. VI. С. 1–182.
- Левицкий О. Основные черты внутреннего строя западнорусской церкви в XVI и XVII вв. // Киевская старина. 1884. № 8–9. С. 439–478.
- Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.
- Липатов А. В. Литература в кругу шляхетской демократии. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. 320 с.
- Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Московская художественная печатня, 1915. 414 с.
- Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
- Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / пер. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 333 с.
- Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596) / под ред. Б. Н. Флори. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 560 с.
- Пашута В. Т. Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 530 с.
- Рикер П. Память, история, забвение. М. Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
- Русина Е. В. Україна під татарами і Литвою. Київ: Альтернативи, 1998. 320 с.
- Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2005. С. 170–220.
- Тананаева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Федорчук Е. И. Социальная память. Воспоминания евреев Быховского района. Воспоминания жителей Быхова о еврейском населении // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции. Витебск, 27–29 апреля 2023 г. Витебск, 2023. Т. 2. С. 278–280.
- Феодализм: понятие и реалии / под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой и П. Ю. Уварова. М.: ИВИ РАН, 2008. 278 с.
- Флоря Б. Н. Рец. на книгу: Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993 // Славяноведение. 1995. № 2. С. 101–105.
- Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Фонд «Университет»; Владимир Даль, 2003. 424 с.

- Центральная Европа как исторический регион / под ред. А.И. Миллера. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 266 с.
- Центры и периферия европейского мироустройства / отв. ред. А.В. Доронин. М.: РОССПЭН, 2014. 399 с.
- Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев: Наукова думка, 1987. 181 с.
- Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. 2001. С. 176–198.
- Яковенко Н.М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ: Наукова думка, 1993. 416 с.
- Ara A. Рец. на книгу: Annäherung an eine europäische Geschichtsschreibung / hrsg. von G. Stourzh. Wien: Verlag der Ost. Akademie der Wissenschaften, 2002 // Rivista storica Italiana. CXVI (2004), № 1.
- Berkhofer R.F. Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge Mass.: Harvard Univ. Press, 1995. 400 p.
- Baczewski S. Szlachectwo. Studium z dziejów idei w piśmiennictwie polskim (druga połowa XVI–XVII st.) Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. 282 s.
- Bogucka M. Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku. Warszawa: PIW, 1994. 231 s.
- Bogucka M. The Lost World of the «Sarmatians». Custom as the Regulator of Polish Social Life in Early Modern Times. Warszawa: PAN, 1996. 200 p.
- Bystron J.S. Dzieje obyczajów w dawnej Polsce, wiek XVI–XVIII. Warszawa: PIW, 1994. T. 1–2. 475 s., 593 s.
- Chachaj J. Łacińskie szkolnictwo parafialne na Rusi Koronnej od XVI do XVIII wieku. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2003. 289 s.
- Chodynicki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa: Drukarnia Kasy imienia Mianowskiego – Instytut popierania nauki, 1934. 632 s.
- Chrzanowski T. Wędrowki po Sarmacji europejskiej: eseje o sztuce i kulturze staropolskiej. Kraków: Znak, 1988. 378 s.
- Cynarski S. The Shape of Sarmatian Ideology in Poland // Acta Poloniae Historica. Vol. 19. 1968. S. 5–17.
- Cynarski S. Sarmatyzm – ideologia i styl życia // Polska XVII w. Państwo-społeczeństwo-kultura / pod red. J. Tazbira. Warszawa: Wiedza powszechna, 1974. S. 269–295.
- Dzieje Polski / pod. red J. Topolskiego. Warszawa: PWN, 1977. 935 s.
- Dzieje Śląska / pod red. E. Małeczynskiej, K. Małeczynskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1955. 426 p.
- Febvre L. L'Europe. Genèse d'une civilisation. Cours professé au Collège de France en 1944–1945. Paris: Perrin, 1999. 425 p.
- Freylichówna J. Ideał wychowawczy szlachty polskiej w XVI i początku XVII w. Warszawa: Naukowe towarzystwo pedagogiczne, 1939. 121 s.
- Gawlas S. O kształt zjednoczonego Królestwa. Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społecznoustrojowej odrębności Polski. Warszawa: DiG, 2000. 156 s.
- Gierowski J. Historia Polski. 1505–1764. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979a. 319 s.
- Gierowski J. Historia Polski. 1764–1864. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979b. 348 s.
- Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle? Paris: Seuil, 2001. 352 p.
- Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row Colophon Books, 1980. 182 p.
- Histoire du christianisme des origines à nos jours. Tome V. Apogée de la papauté et expansion de la chrétienté (1054–1274) / sous la dir. de A. Vauchez. Paris: Desclée, 1993. 973 p.
- Historia Europy Środkowo-Wschodniej / pod red. J. Kłoczowskiego. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. T. 1. 554 s. T. 2. 353 s.
- Historia Polski / pod red. H. Łowmiańskiego. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957. T. 1. Cz. 1. 630 s; Cz. 2. 995 s.
- Janowski M., Iordachi K., Trencsenyi B. Why bother about historical regions? Debates over Central Europe in Hungary, Poland and Romania // East Central Europe / L'Europe du Centre-Est. Vol. 32, 2005/1–2. P. 5–58.
- Jaspert N. Grenzen und Grenzräume im Mittelalter: Forschungen, Konzepte und Begriffe // Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa / hrsg. von K. Herbers und N. Jaspert. Berlin, 2007 (=Europa im Mittelalter, Abhandlungen und Beiträge zur historischen Komparatistik, 9). S. 43–70.
- Kieniewicz J. The Eastern Frontiers and the Civilisational Dimension of Europe // Acta Poloniae Historica. 107. Warszawa: Semper, 2013. C. 165–175.
- Kosman M. Władysław Jagiełło. Warszawa: KiW, 1968. 289 s.
- Kot St. Gniewy o unię // Studia historyczne ku czci Stanisława Kurzeby. Kraków: Drukarnia uniwersytetu Jagiełłońskiego, 1938. T. 2. S. 357–368.

- Krajcar J.* A Report on the Ruthenians and their Errors, prepared for the Fifth Lateran Council // *Orientalia Christiana periodica*. 29 (1963). P. 79–94.
- Kuchowicz Z.* Obyczaje staropolskie XVII–XVIII w. Łódź: Wydawnictwo łódzkie, 1977. 481 s.
- Kuchowicz Z.* Obyczaje i postacie Polski szlacheckiej XVI–XVIII w. Warszawa: Polonia, 1993. 284 p.
- Le Goff J.* Histoire et mémoire. Paris: Gallimard, 1988. 416 p.
- Les lieux de mémoire / Sous la dir. de P. Nora.* Paris: Gallimard, 1984–1992. Vol. 1–7.
- Łoziński W.* Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej połowie XVII wieku. Lwów: H. Altenberg. 1903–1904. T. 1. Czasy i ludzie. 376 s. T. 2. Wojny prywatne. 411 s. (ряд переизданий, в том числе: Kraków, 1960).
- Lulewicz H.* Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa: Neriton; Instytut historii Polskiej akademii nauk, 2002. 457 s.
- Mańkowski T.* Genealogia sarmatyzmu. Warszawa: Towarzystwo wydawnicze “Łuk”, 1946. 169 s.
- Między Barokiem a Oświeceniem: apogeum sarmatyzmu. Kultura polska drugiej połowy XVII wieku.* Praca zbiorowa / pod red. K. Stasiewicz i St. Achremczyka. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1997. 129 s.
- On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia / ed. by Th. Wunsch and A. Janeczek.* Warszawa: Instytut of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2004. 242 p.
- Piowarczyk D.* Obyczaj rycerski w Polsce późnośredniowiecznej (XIV–XV wiek). Warszawa: DiG, 1998. 275 s.
- Pommern / hrsg. von W. Buchholz.* Berlin: Siedler, 1999 (*Deutsche Geschichte im Osten Europas / hrsg. von W. Conze*). 575 s.
- Reynold G.* de Qu’est-ce que l’Europe? La formation de l’Europe. Fribourg: Editions de la Librairie universitaire de Fribourg, 1944. 340 p.
- Rowell S. C.* Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge: Cambridge university press, 1994. 416 p.
- Prochaska A.* Król Władysław Jagiełło. Kraków: Akademia umiejętności, 1908. T. 1–2. 415 s., 432 s.
- Schilling H.* Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History. Leiden: Brill, 1992. 434 p.
- Schlesien / hrsg. von N. Conrads.* Berlin: Siedler, 1993 (= *Deutsche Geschichte im Osten Europas / hrsg. von W. Conze*). 816 S.
- Słownik sarmatyzmu. Idee, pojęcia, symbole / pod. red. A. Borowskiego.* Kraków: Wydawnictwo literackie, 2001. 255 s.
- Smoleński W.* Szlachta w świetle własnych opinii wieku XVIII // *Smoleński W.* Wybór pism. Warszawa: Książka i Wiedza, 1954. S. 210–226.
- Szucs J.* The three Historical Regions of Europe // *Acta historica scientiarum hungaricae*. 29 (1983) 2–4. P. 131–179.
- Tazbir J.* Ksenofobia w Polsce XVI i XVII wieku // *Tazbir J.* Arianie i katolicy. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. S. 238–278.
- Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1979a.
- Tazbir J.* Między podstawą otwartą a sarmatyzmem // *Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1979b. S. 137–158.
- Tazbir J.* Face à la notion de l’Europe // *Tazbir J.* La République nobiliaire et le monde. Études sur l’histoire de la culture polonaise à l’époque du baroque. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986a. P. 57–82.
- Tazbir J.* L’attitude envers l’étranger // *Tazbir J.* La République nobiliaire et le monde. Etudes sur l’histoire de la culture polonaise à l’époque du baroque. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986b. P. 157–180.
- Todorova M.* Spacing Europe: What is a Historical Region? // *East Central Europe / L’Europe du Centre-Est*, 2005 (vol. 32). № 1–2. P. 59–78.
- Todd E.* L’invention de l’Europe. Paris: Seuil, 1990. 679 p.
- Trajdos T. M.* Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386–1434). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Ossolineum, 1983. T. I. 328 s.
- Ulewicz T.* Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków: Studium Słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1950. 211 s.
- Willaime J.-P.* La religion comme ressource symbolique et éthique dans une Europe sécularisée et pluraliste // *L’Europe des Religions. Eléments d’analyse des champs religieux européens / édité par R. Friedli, M. Purdie.* Bern: Peter Lang, 2004 [*Studia religiosa helvetica* 8/9]. P. 33–68
- Wyrozumski J.* Historia Polski do roku 1505. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1979. 253 s.
- Zarys historii Polski / pod. red J. Tazbira.* Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1980. 860 s.

Рукопись поступила в редакцию 21.08.2023

Рукопись принята к печати 27.11.2023

REFERENCES

- Ara A. Review of: *Annäherung an eine europäische Geschichtsschreibung*, hrsg. von G. Stourzh. Wien, Verlag der Ost. Akademie der Wissenschaften, 2002, Rivista storica Italiana. CXVI (2004), no. 1.
- Assman Ya. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti*, per. s nemeckogo M.M. Sokolskoj, Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2004. 363 p. (In Russ.)
- Baczewski S. *Szlachectwo. Studium z dziejów idei w piśmiennictwie polskim (druga połowa XVI–XVII st.)*, Lublin, Wydawnictwo UMCS Publ., 2009, 282 p.
- Berkhofer R.F. *Beyond the Great Story. History as Text and Discourse*. Harvard Univ. Press, 1995, 400 p.
- Bibo I. O bedstviyah i ubozhestve malyh vostochnoevropejskich gosudarstv. *Bibo I. O smysle evropejskogo razvitiya i drugie raboty*, Moscow, Tri kvadrata Publ., 2004, pp. 159–262. (In Russ.)
- Bogucka M. *Staropolskie obyczaje w XVI–XVII wieku*. Warszawa, PIW Publ., 1994, 231.
- Bogucka M. *The Lost World of the «Sarmatians». Custom as the Regulator of Polish Social Life in Early Modern Times*, Warszawa, PAN Publ., 1996, 200 p.
- Bovua D. *Gordiev uzul Rossijskoj imperii. Vlast, shlyaha i narod na Pravoberezhnoj Ukraine (1793–1914)*, avtorizovannyj perevod s francuzskogo M. Krisan, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 998 p. (In Russ.)
- Brodel F. Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitelnost. *Filosofiya i metodologiya istorii*, pod red. I.S. Kona, Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 115–142. (In Russ.)
- Bystron J.S. *Dzieje obyczajów w dawnej Polsce, wiek XVI–XVIII*, t. 1–2, Warszawa, PIW Publ., 1994, 593 p.
- Centralnaya Evropa kak istoricheskij region, pod red. A.I. Millera, Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., 1996, 266 p. (In Russ.)
- Centry i periferii evropejskogo miroustrojstva, otv. redaktor A.V. Doronin, Moscow, ROSSPEN Publ., 2014, 399 p. (In Russ.)
- Chachaj J. *Łacińskie szkolnictwo parafialne na Rusi Koronnej od XVI do XVIII wieku*, Lublin, Towarzystwo Naukowe KUL Publ., 2003, 289 p.
- Chodynicki K. *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632*, Warszawa, Drukarnia Kasy imienia Mianowskiego – Instytut popierania nauki Publ. 1934, 632 p.
- Chrzanowski T. *Wędrówki po Sarmacji europejskiej: eseje o sztuce i kulturze staropolskiej*, Kraków, Znak Publ., 1988, 378 p.
- Cynarski S. The Shape of Sarmatian Ideology in Poland. *Acta Poloniae Historica*, Wrocław, 1968, vol. 19, pp. 5–17.
- Cynarski S. Sarmatyzm – ideologia i styl życia. *Polska XVII w. Państwo-społeczeństwo-kultura*, pod red. J. Tazbira, Warszawa, Wiedza powszechna Publ., 1974, pp. 269–295.
- Danilevskij I. Drevnerusskaya gosudarstvennost i «narod Rus»: vozmozhnosti i puti korrektnogo opisaniya. *Ab Imperio*, 2001, no. 3, pp. 147–167. (In Russ.)
- Dmitriev M.V. Polskaya shlyahta v XVI–XVIII vv. *Evropejskoe dvoryanstvo XVI–XVII vv.: granicy sosloviya*, pod red. V.A. Vedyushkina, Moscow, Arheograficheskij centr Publ., 1997, pp. 192–215. (In Russ.)
- Dvornichenko A. Yu. *Russkie zemli Velikogo Knyazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obshiny, soslovij, gosudarstvennosti*, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1993, 239 p. (In Russ.)
- Dvornichenko A. Yu. Istoriografiya Velikogo knyazhestva Litovskogo i «Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva» M. K. Lyubavskogo. *Matvej Kuzmich Lyubavskij. K 150-letiyu uchenogo*, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 2013, pp. 97–120. (In Russ.)
- Dubrovskij I.V., Uvarov P. Yu. Feodalizm v predstavlenii sovremennyh medievistov. *Vsemirnaya istoriya*, t. 2, *Srednevekovye civilizacii Zapada i Vostoka*, otv. red. P. Yu. Uvarov, Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 6–32. (In Russ.)
- Dzieje Polski, pod. red J. Topolskiego. Warszawa, PWN Publ., 1977, 935 p.
- Dzieje Śląska, pod red. E. Maleczynskiej, K. Maleczynskiego, Warszawa, Wiedza powszechna Publ., 1955, 426 p.
- Eksle O.G. Kulturnaya pamyat pod vozdejstviem istorizma. *Odissej*, 2001, pp. 176–198. (In Russ.)
- Febvre L. *L'Europe. Genèse d'une civilisation. Cours professé au Collège de France en 1944–1945*, Paris, Perrin Publ., 1999, 425 p.
- Fedorchuk E.I. Socialnaya pamyat. Vospominaniya evreev Byhovskogo rajona. Vospominaniya zhitelej Byhova o evrejskom naselenii. *Aktualnye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Vitebsk, 27–29 aprelya 2023 g., Vitebsk, 2023, t. 2, pp. 278–280. (In Russ.)

- Feodalizm: ponyatie i realii*, pod red. A. Ya. Gurevicha, S.I. Luchickoj i P. Yu. Uvarova, Moscow, IVI RAN Publ., 2008, 278 p. (In Russ.)
- Florya B.N. Rec. na knigu: Yakovenko N.M. Ukrayinska shlyahyta z kincy XIV do seredini XVII st. (Volin i Centralna Ukrayina), Kiyiv, 1993, *Slavyanovedenie*, 1995, no. 2, pp.101–105. (In Russ.)
- Freylichówna J. *Ideał wychowawczy szlachty polskiej w XVI i początku XVII w.*, Warszawa, Naukowe towarzystwo pedagogiczne Publ., 1939, 278 p.
- Gawlas S. *O kształt zjednoczonego Królestwa. Niemieckie władztwo terytorialne a geneza społecznoustrojowej odrębności Polski*, Warszawa, DiG Publ., 2000.
- Gierowski J. *Historia Polski. 1505–1764*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1979a, 319 p.
- Gierowski J. *Historia Polski. 1764–1864*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1979b, 348 p.
- Grushevskij M.S. Storinka z istorii ukrapnsko-ruskogo silskogo duhovenstva (po sambirskim aktam XVI st.). *Zapiski Naukovogo tovaristva im. T. Shevchenka*, 34 (1910), pp. 99–115. (In Ukr.)
- Gudavichyus E. *Istoriya Litvy s drevnejshih vremen do 1569 goda*, perevod s litovskogo G.I. Efremova, Moscow, Fond imeni I.D. Sytina, BALTRUS Publ., 2005, t. 1, 680 p. (In Russ.)
- Guerreau A. *L'avenir d'un passé incertain. Quelle histoire du Moyen Âge au XXIe siècle?* Paris, Seuil Publ., 2001, 352 p.
- Halbwachs M. *The Collective Memory*, New York, Harper & Row Colophon Books Publ., 1980, 182 p.
- Hatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*, per. s angl. V. Yu. Bystrova, St. Petersburg, Fond «Universitet»; Vladimir Dal Publ., 2003, 424 p. (In Russ.)
- Histoire du christianisme des origines à nos jours, tome V. Apogée de la papauté et expansion de la chrétienté (1054–1274)*, sous la dir. de A. Vauchez, Paris, Desclée Publ., 1993, 973 p.
- Historia Europy Środkowo-Wschodniej*, pod red. J. Kłoczowskiego, Lublin, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej Publ., 2000, t. 1, 554 p., t. 2, 353 p.
- Historia Polski*, pod red. H. Lowmianskiego. Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1957, t. 1, cz. 1, 630 p., cz. 2, 995 p.
- Janowski M., Iordachi K., Trencseny B. Why bother about historical regions? Debates over Central Europe in Hungary, Poland and Romania. *East Central Europe. L'Europe du Centre-Est*, 2005/1–2, vol. 32, p. 5–58.
- Jaspert N. Grenzen und Grenzräume im Mittelalter: Forschungen, Konzepte und Begriffe. *Grenzräume und Grenzüberschreitungen im Vergleich. Der Osten und der Westen des mittelalterlichen Lateineuropa*, hrsg. von K. Herbers und N. Jaspert. Berlin, 2007 (Europa im Mittelalter, Abhandlungen und Beiträge zur historischen Komparatistik, 9), pp. 43–70.
- Kieniewicz J. The Eastern Frontiers and the Civilisational Dimension of Europe. *Acta Poloniae Historica*. 107, Warszawa, Semper Publ., 2013, pp. 165–175.
- Konfessionalizaciya v Zapadnoj i Vostochnoj Evrope v rannee Novoe vremya. *Doklady russko-nemeckoj nauchnoj konferencii 14–16 noyabrya 2000 g.*, pod red. A. Yu. Prokopeva, St. Petersburg, Aletejya Publ., 2004. 206 p. (In Russ.)
- Kosman M. *Władysław Jagiełło*, Warszawa, KiW, 1968, 289 p.
- Kot St. *Gniewy o unię. Studia historyczne ku czci Stanisława Kurzeby*, Kraków, Drukarnia uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 1938, t. 2, pp. 357–368.
- Krajcar J. A Report on the Ruthenians and their Errors, prepared for the Fifth Lateran Council, *Orientalia Christiana periodica*, 29 (1963), pp. 79–94.
- Kuchowicz Z. *Obyczaje staropolskie XVII–XVIII w.* Lodz: Wydawnictwo łódzkie Publ., 1977. 481 s.
- Kuchowicz Z. *Obyczaje i postacie Polski szlacheckiej XVI–XVIII w.*, Warszawa, Polonia Publ., 1993, 284 p.
- Lappo I.I. *Velikoe knyazhestvo Litovskoe za vremya ot zaklyucheniya Lyublinskoy unii do smerti Stefana Batoriya (1569–1586). Opyt issledovaniya politicheskogo i obshestvennogo stroya*, St. Petersburg, Tip. I.N. Skorohodova Publ., 1901. 800 p. (In Russ.)
- Lappo I.I. *Velikoe knyazhestvo Litovskoe vo vtoroj polovine XVI stoletiya. Litovsko-russkij povet i ego sejmik*, Yurev, Tip. K. Matissena Publ., 1911, t. 2, 834 p. (In Russ.)
- Lappo I.I. *Zapadnaya Rus i eya soedinenie s Polsheyu v ih istoricheskom proshlom. Istoricheskie ocherki*, Praga, Plama Publ., 1924, 225 p. (In Russ.)
- Lappo I.I. *Litovskij Statut 1588 g.*, Kaunas, Spindulio Publ., 1934–1936, t. 1, ch. 1–2, X, 473 p., X, 592 p. (In Russ.)
- Le Goff J. *Histoire et mémoire*, Paris, Gallimard Publ., 1988, pp. 105–177.
- Les lieux de mémoire*, sous la dir. de P. Nora, Paris, Gallimard Publ., 1984–1992, vol. 1–7.
- Leskinen M.V. *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacionalnoj ideologii Rechi Pospolitoj*, Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2002. 178 p. (In Russ.)
- Levickij O. Yuzhnorusskie arhierei v XVI–XVII vv. *Kievskaya starina*, 1882, no. 1, pp. 57–100.
- Levickij O. Vnutrennee sostoyanie zapadnorusskoj cerkvi v polskom gosudarstve v konce XVI v. i uniya. *Arhiv YuZR*, Kiev, 1883, ch. 1, t. VI, pp. 1–182. (In Russ.)

- Levickij O. Osnovnye cherty vnutrennego stroya zapadnorusskoj cerkvi v XVI i XVII vv., *Kievskaya starina*, 1884, no. 8–9. (In Russ.)
- Lipatov A.V. *Literatura v krugu shlyahetskoj demokratii*, Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ., 1993, 320 p. (In Russ.)
- Lozinski W. *Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonej Rusi w pierwszej polowie XVII wieku*. Lwow, H. Altenberg. 1903–1904, t. 1, *Czasy i ludzie*, 376 p., t. 2. *Wojny prywatne*, 411 p. (ryad pereizdaniy, v tom chisle: Krakow, 1960).
- Lulewicz H. *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588*, Warszawa, Neriton, Instytut historii Polskiej akademii nauk Publ., 2002, 457 p.
- Lyubavskij M.K. *Oчерк istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii vкlyuchitelno*, Moscow, Moskovskaya hudozhestvennaya pechatnya Publ., 1915. 414 p. (In Russ.)
- Макарий (Bulgakov), mitropolit. *Istoriya Russkoj Cerkvi. Kn. 5. Period razdeleniya Russkoj Cerkvi na dve mitropolii. Istoriya Zapadnorusskoj, ili Litovskoj, mitropolii (1458–1596)*, pod red. B.N. Flori., Moscow, Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1996, 560 p. (In Russ.)
- Mańkowski T. *Genealogia sarmatyzmu*, Warszawa, Towarzystwo wydawnicze «Luk», 1946, 169 p.
- Miedzy Barokiem a Oświeceniem: apogeum sarmatyzmu. Kultura polska drugiej polowy XVII wieku. Praca zbiorowa*, pod red. K. Stasiewicz i St. Achremczyka. Olsztyn: Ośrodek Badan Naukowych im. Wojciecha Ketrzynskiego, 1997, 129 p.
- Nora P. *Mezhdru pamyaty i istoriej. Problematika mest pamyati*, Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. Franciya-pamyat, per. D. Hapaevoj, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1999, pp. 17–50. (In Russ.)
- Nora P., Ozuf M., de Pyuimezh Zh., Vinok M. *Franciya-pamyat*, per. D. Hapaevoj, St. Petersburg, Izd-vo SPbGU Publ., 1999, 333 p. (In Russ.)
- On the Frontier of Latin Europe. Integration and Segregation in Red Ruthenia*, ed. by Th. Wünsch and A. Janeczek, Warsaw, Instytut of Archaeology and Ethnology of the Polish Academy of Sciences, 2004. 242 p.
- Pashuto V.T. *Obrazovanie Litovskogo gosudarstva*, Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1959, 530 p. (In Russ.)
- Piowarczyk D. *Obyczaj rycerski w Polsce późnośredniowiecznej (XIV–XV wiek)*, Warszawa, DiG Publ., 1998, 275 p.
- Pommern*, hrsg. von W. Buchholz, Berlin, Siedler Publ., 1999, 575 p. (Deutsche Geschichte im Osten Europas, hrsg. von W. Conze).
- Prochaska A. *Władysław Jagiełło*, Krakow, Akademia umiejtnosci, 1908, t. 1–2, 415 s., 432 s.
- Reynold G. de *Qu'est-ce que l'Europe? La formation de l'Europe*, Fribourg, Editions de la Librairie universitaire de Fribourg Publ., 1944, 340 p.
- Riker P. *Pamyat, istoriya, zabvenie*, Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoj literatury Publ., 2004, 728 p. (In Russ.)
- Rowell S.C. *Lithuania Ascending. A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345*, Cambridge, Cambridge university press Publ., 1994, 416 p.
- Rusina E.V. *Ukrayina pid tatarami i Litvoyu*, Kiyiv, Alternativi Publ., 1998. 320 p. (In Ukr.)
- Saveleva I.M., Poletaev A.V. «Istoricheskaya pamyat»: k voprosu o granicah ponyatiya. *Fenomen proshlogo*, otv. red. I.M. Saveleva, A.V. Poletaev, Moscow, Izdatelskij dom Vyshej shkoly ekonomiki Publ., 2005, pp. 170–220. (In Russ.)
- Schilling H. *Religion, Political Culture and the Emergence of Early Modern Society. Essays in German and Dutch History*, Leiden, Brill Publ., 1992. 434 p.
- Schlesien*, hrsg. von N. Conrads, Berlin, Siedler Publ., 1993, 816 p. (Deutsche Geschichte im Osten Europas, hrsg. von W. Conze).
- Shabuldo F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoj Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 181 p. (In Russ.)
- Słownik sarmatyzmu. Idee, pojęcia, symbole*, pod. red. A. Borowskiego, Kraków, Wydawnictwo literackie Publ., 2001, 255 p.
- Smoleński W. Szlachta w świetle własnych opinii wieku XVII. Smoleński W. *Wybór pism*, Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1954, pp. 210–226.
- Szucs J. *The three Historical Regions of Europe. Acta historica scientiarum hungaricae*, 29 (1983) 2–4, pp. 131–179.
- Tananaeva L.I. *Sarmatskij portret. Iz istorii polskogo portreta epohi barokko*, Moscow, Nauka Publ., 1979, 304 p. (In Russ.)
- Tazbir J. Ksenofobia w Polsce XVI i XVII wieku. Tazbir J. *Arianie i katolicy*, Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1971, pp. 238–278.

- Tazbir J. *Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty*, Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1979a.
- Tazbir J. Między podstawą otwartą a sarmatyzmem. Tazbir J. *Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikty*, Warszawa, Wiedza Powszechna Publ., 1979b, pp. 137–158.
- Tazbir J. Face à la notion de l'Europe. Tazbir J. *La République nobiliaire et le monde. Études sur l'histoire de la culture polonaise à l'époque du baroque*, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolinskih Publ., 1986a. P. 57–82.
- Tazbir J. L'attitude envers l'étranger. Tazbir J. *La République nobiliaire et le monde. Etudes sur l'histoire de la culture polonaise à l'époque du baroque*, Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolinskih Publ., 1986b, pp. 157–180.
- Todd E. *L'invention de l'Europe*, Paris, Seuil Publ., 1990, 679 p.
- Todorova M. Spacing Europe: What is a Historical Region? *East Central Europe, L'Europe du Centre-Est*, vol. 32, 2005/1–2, pp. 59–78.
- Trajdos T. M. *Kościół katolicki na ziemiach ruskich Korony i Litwy za panowania Władysława II Jagiełły (1386–1434)*, t. I, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Ossolineum, 1983, t. I, 328 p.
- Ulewicz T. *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.*, Kraków, Studium Słowianskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego Publ., 1950. 211 p.
- Vasil'ev S. V. *Pravovye sistemy Severo-Zapada Rusi i Velikogo knyazhestva Litovskogo. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya pamyatnikov slavyanskogo prava*, Moscow, Kvadriga Publ., 2022, 317 p. (In Russ.)
- Vizantiya posle Vizantii? Forum. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya*, 2022, no. 1 (31). Yanvar–iyun, pp. 3–35. (In Russ.)
- Vladimirkij-Budanov M. F. *Očerki iz istorii litovsko-russkogo prava*, Kiev, Tip. S. P. Kulzhenko Publ., 1889–1890, ch. 1–2. (In Russ.)
- Vremya, istoriya, pamyat: istoricheskoe soznanie v prostranstve kultury*, pod red. L. P. Repinoj. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN Publ., 2007, 319 p. (In Russ.)
- Vulf L. *Izobretaya Vostochnuyu Evropu. Karta civilizacii v soznanii epohi Prosvesheniya*, Moscow, NLO Publ., 2003, 567 p. (In Russ.)
- Willaime J.-P. La religion comme ressource symbolique et éthique dans une Europe sécularisée et pluraliste. *L'Europe des Religions. Eléments d'analyse des champs religieux européens*, édité par R. Friedli, M. Purdie. Bern, Peter Lang Publ., 2004, pp. 33–68 [=Studia religiosa helvetica 8/9].
- Wyrozumski J. *Historia Polski do roku 1505*, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1979, 253 p.
- Yakovenko N. M. *Ukrayinska shlyaheta z kincy XIV do seredini XVII st. (Volin i Centralna Ukrayina)*, Kiyiv, Naukova dumka Publ., 1993. 416 p. (In Ukr.)
- Zarys historii Polski*, pod. red J. Tazbira, Warszawa, PWN Publ., 1980, 860 p.

Received on 21.08.2023

Accepted on 27.11.2023

Информация об авторе:

Дмитриев Михаил Владимирович
 доктор исторических наук, профессор
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-4101-8755
 E-mail: dmitrievm300@gmail.com

Information about the author:

Mikhail V. Dmitriev
 DSc. (History), Professor
 Lomonosov Moscow State University
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-4101-8755
 E-mail: dmitrievm300@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 2, с. 55–64

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 55–64

DOI: 10.31857/S0869544X24020055, EDN: zdrahd

Оригинальная статья / Original Article

Образы династии Пршемысловцев в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра

© 2024 г. Г.С. Рагозин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация).

gragozin92@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме интеграции нетитульной этнокультурной общности в дискурс исторической памяти державы Габсбургов, что стало необходимостью в условиях распада Священной Римской империи и противостояния наполеоновской Франции. Новый дискурс должен был содействовать мобилизации подданных Габсбургов, а также укрепить развивающуюся консервативную идеологию и имперский патриотизм в Австрийской империи.

Для того чтобы углубить восприятие Габсбургов как легитимной династии в чешских землях, австрийский историограф, идеолог и политик консервативной направленности Йозеф фон Хормайр включил в многотомное сочинение «Австрийский Плутарх» очерки о чешских князьях и королях из династии Пршемысловцев. Эти тексты легли в основу идентитарной политики раннего австрийского консерватизма, стали одной из основ романтической историографии в монархии Габсбургов и примером использования исторической памяти в политических целях. Труд оказал значительное влияние на Австрийскую империю и интеграцию в имперскую общность, в том числе и жителей Чехии, Моравии и Силезии. Данный корпус текстов оказался востребован позднее, при формировании «национальных» исторических нарративов, уже не связанных с Габсбургами и Австрией, и нацеленных на конструирование чешской национальной идентичности с последующим достижением автономии или суверенитета.

Ключевые слова: История Чехии, монархия Габсбургов, консерватизм, этнополитика, историография эпохи Романтизма.

Ссылка для цитирования: Рагозин Г.С. Образы династии Пршемысловцев в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра // Славяноведение. 2024. № 2. С. 55–64. DOI: 10.31857/S0869544X24020055, EDN: zdrahd

Images of Přemysl Dynasty in *The Austrian Plutarch*
by Joseph von Hormayr

© 2024. German S. Ragozin

Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

gragozin92@gmail.com

Abstract: The paper deals with an issue of integrating the secondary ethnic community into a unified historical memory discourse in the Habsburg empire. Since the Holy Roman Empire suffered from disintegration processes and the Habsburgs shifted their attention towards their Empire in 1804–1815 due to Napoleonic wars, the Habsburg state required a new historical discourse. It was designed to assist the mobilization of citizens against a common enemy, and to enforce the emerging conservative ideology alongside with the Austrian imperial patriotism.

In order to enforce the Habsburg legitimacy in Czech lands, Joseph von Hormayr, the Austrian historian, conservative ideologist and politician included several essays devoted to Czech princes and kings from Premyslid dynasty into «The Austrian Plutarch». These texts have tapped into the identitarian policy of the early Austrian conservatism. In addition to it, they turned out to be one of the Romantic historiography manifestos and demonstrated the role of historical memory in political life of the Habsburg monarchy. The «Austrian Plutarch» also put a deep impact on the Austrian Empire in general, and so on integration of Czechia, Moravia and Silesia into an imperial community. The works by Hormayr faced a growing interest later, when the «national» historical narratives were coined without reference to the Habsburgs and Austria in order to assist the emerging Czech national identity with the following autonomy or sovereignty acquisition.

Keywords: Czech history, the Habsburg Monarchy, conservatism, identity policies, Romanticist historiography.

For citation: *German S. Ragozin. Images of Přemysl Dynasty in The Austrian Plutarch by Joseph von Hormayr // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slayyanovedenie. 2024. No. 2. P. 55–64. DOI: 10.31857/S0869544X24020055, EDN: zdrahd*

Историческая память является частью национальной самоидентификации как для моно-, так и поликультурных сообществ. При обсуждении проблемы на примере поликультурных и полиэтнических образований в Европе Нового времени особое внимание уделяется монархии Габсбургов. Идентичность, основанная на лояльности правящей династии, ее репрезентация и мифотворчество оставались единственным средствами консолидации до окончания Семилетней войны в 1763 г. и потери Силезии. Распространение идей о «национальном духе» вступило в конкуренцию с универсализмом, а затем со славянским возрождением. С началом революции во Франции, а затем и революционных войн и трансфера идей из Франции в европейские страны данная проблема обострилась еще сильнее. Дополнял ее начавшийся распад Священной Римской империи и связанных с ней идентичностей.

Подготовка Наполеона к коронации подтолкнула Франца II в 1804 г. к тому, чтобы принять титул «Императора австрийского» [Wilson 2006, 712; Hagemann 2006, 41–62]. Этим актом Габсбурги закрепили позиции в своих владениях: была создана централизованная империя¹, что вызвало необходимость корректировки идентичности подданных, вне зависимости от этнической принадлежности.

Строительство нового идейного фундамента опиралось на персонифицированный образ власти в лице монарха, подчинение церкви государству, консервацию принципа подданства и «священной власти» императора. Помимо Фридриха фон Генца², эти основы развивали Адам Мюллер, а также Йозеф фон Хормайр. Консервативная идеология, связанная с сохранением империи Габсбургов, начала замещать «Старую империю» и идеологему «Кайзер и Рейх»

¹ Reichsdeputationshauptschluss vom 25. Februar 1803; Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz des II.

² Gentz F. von, 336–366.

[Kronebitter 1999, 71–88; Данн 2003, 64; Rumpler 1997, 203]. Для негерманских народов, в том числе для чехов, это означало сохранение власти Габсбургов при централизации власти [Patrouch 2009, 91–98].

В случае с землями Чешской короны ситуация осложнялась тем, что после битвы на Белой горе чешскую аристократию либо истребили, либо изгнали из страны или германизировали. Чехия, Моравия и Силезия стали наследными владениями Габсбургов, а выборы короля сеймом были отменены. Чешские земли развивались в условиях двух культур: немецкоязычной в верхах и образованных слоях, и народной чешской в социальных низах. Это дополнялось тем, что языком обучения и науки в Пражском университете был немецкий. Начало «национальных возрождений» в славянских землях державы Габсбургов означало попытки пересмотра такого положения дел, при этом значительно затрудняло строительство исторической памяти, включавшей цельную картину прошлого всех общностей монархии. Деятельность будителей и их последователей препятствовала консервации политической культуры, ответом на что, среди прочего, и стало оформление исторического нарратива в подданническом и наднациональном дискурсах.

Большой вклад в формирование консервативного и наднационального подхода к исторической памяти внес после Пресбургского мира Йозеф фон Хормайр. Внук канцлера Тироля и одного из участников правовой реформы 1770-х годов Йозефа фон Хормайра-старшего получил образование в университете Инсбрука, затем поступил на службу в Министерство иностранных дел, где возглавил архивный департамент. В качестве директора Династического, придворного и государственного архива Хормайр не только располагал доступом к источникам, но и был в постоянном контакте с высшими сановниками империи и ее военным командованием.

Правительство Австрии, которое с 1805 по 1809 г. возглавлял граф Филипп фон Штадион при поддержке эрцгерцогов Карла и Иоганна, а также консервативные мыслители искали новые подходы к формированию имперского патриотизма. Изменились принципы лояльности: они касались и немцев, и негерманских народов, опирались на образ «семьи народов» под властью Габсбургов. Архитекторами новой идеологии стали противники Французской революции XVIII в. Генц, Мюллер и Хормайр [Reinalter 1988, 193].

Йозеф фон Хормайр подкрепил образ материалом, который лег в основу исторической памяти. Первые труды Хормайр посвятил истории Тироля: «Критические и дипломатические очерки истории Тироля» и «История графства Тироль» [Рагозин 2020, 121–136]. Хормайр смог сформировать в общественном мнении образ герцогства как «Святой земли» Австрии. Главным сочинением для имперского патриотизма и связанной с ним памяти стал «Австрийский Плутарх». Образ «империи – семьи народов» предстал в формате очерков о правителях, политиках, полководцах, деятелях церкви, культуры и науки владений Габсбургов.

В то время, пока готовились к выходу последние тома «Плутарха», Хормайра арестовали за подготовку мятежа в Тироле. Заключение историограф отбывал в венгерском Мункаче³, а затем в моравском Брно. Там же он отбывал ссылку до 1816 г. После возвращения в Вену Хормайр занял пост «официального историографа», на котором пребывал до 1828 г. В этот период он завершил второй многотомный труд – «Краткая история Отечества», который

³ Ныне г. Мукачево в Закарпатской области Украины.

во многом продолжил заложенный в «Австрийском Плутархе» подход, пусть и в ином контексте. Несмотря на восстановление прежнего статуса, Хормайр постепенно разочаровался в своих взглядах, в династии, в политике Меттерниха и империи как таковой. Во время службы баварскому королю Людовику I историограф с 1828 г. был посланником в других германских государствах, а также действительным членом Баварской академии наук. Одновременно с этим он активно критиковал Меттерниха и Габсбургов. В этот период он стал занимать позицию, тяготеющую к «национальному» взгляду на историю, что сближало его с Иштваном Хорватом, Йозефом Якошичем и Франтишком Палацким [Almási 2016, 225–249].

Предметом анализа настоящего сообщения является корпус нарратива Йозефа фон Хормайра, посвященный политической истории чешских земель до 1305 г., включенный в контекст консервативной идеологии. Основным источником выбран труд «Австрийский Плутарх», в котором чешские земли получили значительную презентацию. Наследие Хормайра изучалось с 1848 г. с позиций историографа-романтика и основателя историографии XIX в. в Австрии, до этого оно было недоступно по причине критики Меттерниха и его режима [Landi 2008, 385]. Переосмысление работ Хормайра началось со статьи Константа фон Вурцбаха, в которой историк получил высокую оценку за подкрепление легитимности Габсбургов в «Плутархе» [Wurzbach 1863, t. 9, 275–287].

Межвоенное двадцатилетие 1918–1938 гг. ознаменовалось началом распада наднациональной идентичности, а немецкоязычное население Первой чехословацкой республики обвиняло новое государство в дискриминации. В исторической памяти и исторической науке для Австрии этот период Р. Канн определил как «постимперский синдром» [Kann 1980, 37]. Австрийская историография после 1945 г. обращалась к творчеству Хормайра, акцентируя внимание на идентичности населения своей страны, отдельной от немецкой [Mayrhofer-Schmid 1949, 10–20]. Современные исследователи определяют Хормайра как историка романтического направления, связующее звено между Просвещением и Бидермайером. Его не оценивают как консерватора или сторонника национального движения [Landi 2008, 385], воспринимая посредником между новым и старым в политической культуре монархии Габсбургов [Gant, 2003].

Чешские историки характеризуют Хормайра как апологета державы Габсбургов. Изучение его творчества в Чехии началось раньше, чем в Австрии, и было связано с образовательной реформой Лео фон Туна [Řezník 2016, 250–276]. Вацлав Владивой Томек, изучая историю Чехии и Австрии в XIX в., исходил из того, что австрийская идентичность базировалась на осознании общности народами империи. Частично это расходилось с точкой зрения Палацкого, который делал упор на историю чехов как общности, отдельной от немецкой. Оба обратились к историческому нарративу, в том числе собранному Хормайром для обоснования автономии чешских земель. В межвоенный период влияние Хормайра сокращалось, что коррелировало с «дегерманизацией» [Rychlík 2018, 249].

Возобновление интереса к Хормайру началось в 1960-е годы, когда вышла статья Р. Пражака [Pražák 1964, 127–146; Pražák 1970–1971, 45–60], посвященная контактам чешского и венгерского движений. Чешский ученый отметил роль Хормайра в систематизации источников по средневековой истории Чехии и Венгрии. Затем вышли работы, посвященные отношениям Хормайра с Добровским и Палацким [Křivský 1978, 63–77; Krbec 1985]. После 1989 г. чешские историки изучают наследие Хормайра в контексте формирования политической культуры (Р. Пражак) [Pražák 1994, 57–82]; места имперского

нарратива в системе образования (З. Шимечек) [Šimeček 1996, 49–72]; институционализации исторической науки (М. Ржезник) [Řezník 2016, 250–276]; конструировании исторических мифов эпохи романтизма и формирования нарратива средствами музейного дела и меценатства (П. Томашек) [Tomášek 2017, 78–135]; роли Хормайра в становлении региональной историографии (Д. Углирж, Й. Седларжова) [Uhlíř 2009, 21–28; Sedlářová 2000, 114–126].

Современные чешские историки не отрицают влияния Хормайра на формирование исторического нарратива чешских земель в наднациональном контексте. Из числа чешских монархов династии Пршемысловцев в «Австрийском Плутархе» удостоились обширных очерков в подразделе «Правители Богемии» Вратислав II, Владислав II(I), Пршемысл I Отакар, Вацлав I, Пршемысл II Отакар и Вацлав II (следует отметить, что правителям других негерманских общностей империи Габсбургов особый раздел не выделен). Каждый очерк включал гравюру с изображением монарха, биографическую справку и итогов жизненного пути. Сквозной линией проходили трактовки событий, оценки правления, в том числе в контексте отношений с австрийскими землями и Священной Римской империей. Выборка основывалась на критериях роли монарха в развитии чешских земель, «Старой империи» или формировании державы Габсбургов.

Князь, а затем король Вратислав II (I)⁴ (1086–1095) представлен, в первую очередь, как участник германской политики, оппонент австрийских Бабенбергов и императора Генриха IV. Отмечена его борьба за укрепление чешской автономии в империи⁵. Тем не менее подчеркивалось, что именно благодаря Священной Римской империи чехи сохранились как общность: развивались в культурном и экономическом плане и были защищены от внешних посягательств. Так Хормайр формировал образ чехов как части объединения с универсалистской миссией. При этом внимание акцентировалось на наличии глубоких исторических связей Чешского королевства с Австрией.

В очерке о Владиславе II (I) (1140–1174) Хормайр значительную часть повествования отвел борьбе монарха за власть, в том числе при поддержке из Германии. Историограф подчеркнул, что чешский правитель поддерживал дружбу с Конрадом III и Фридрихом I Барбароссой, а также принял участие в крестовых походах. Одной из заслуг Владислава Хормайр назвал оформление королевской власти в стране с последующей передачей титула по наследству⁶, сравнив значение этого события с реформами Марии Терезии и Иосифа II, значительно укрепившими центральную власть в державе Габсбургов. Так складывался пантеон тех исторических личностей, которые воспринимались как идеал для монархов в тогдашней империи.

Характеристику монархов – поборников сильной власти – Хормайр продолжил в рассказе о Пршемысле I Отакаре (1192–1230), противопоставив его правление предшественникам и подчеркнув, что он пришел к власти мирным путем и установил четкий порядок престолонаследия⁷. В образе Пршемысла воплотился миф о поборнике легитимной монархии. Король также стал определенным контрпримером политике Фридриха II Штауфена, вступившего в конфликт с папой римским. Историограф считал заслугой Отакара усиление Чешского королевства и последующий его рост, так как король

⁴ По первой нумерации – князь, по второй – король Чехии на основании личного титула.

⁵ *Hormayr J. von*, bd. 13, 31–46.

⁶ *Ibid.*, bd. 13, 47–64.

⁷ *Ibid.*, bd. 14, 7–13.

не вмешивался в борьбу императора и Папской курии, что позволило избежать ее деструктивных последствий для страны. Хормайр не обошел вниманием и немецкую колонизацию в Чехии, полагая, что «где немец — там и развитие». Иными словами, историограф хоть и развивал тезис о «семье народов», но именно в этом очерке он писал о значительной роли немцев в развитии культуры, промышленности и экономики как державы Габсбургов, так и ее государств-предшественников.

Король Вацлав I (1230–1253) предстал в «Австрийском Плутархе» героем войн с монголами. Его заслуги автор вписал в создаваемый образ Чехии как полноправной части рейха. Роль «великого короля», по мнению Хормайра, принадлежала Вацлаву по праву⁸. Историограф не обошел стороной его конфликт с Австрией, а именно с герцогом Фридрихом II Воинственным и последующий захват чехами Австрии, Штирии и Каринтии. Все это отчасти формировало образ «Чешской свободы» в Средние века, когда королевство — часть Священной Римской империи — служило элементом баланса сил в регионе и Европе, а также вело самостоятельную политику.

«Великим королем Чехии» назван в «Австрийском Плутархе» и Пршемысл II Отакар, занимавший престолы Австрии, Штирии и Каринтии, а также участвовавший в «пруссских походах» немецких рыцарей, что Хормайр назвал апогеем «Чешской свободы» XIII в. Ее проявлением в стране он считал централизацию власти и борьбу с аристократической оппозицией в королевстве. Все это контрастировало с «бескоролевьем» в Германии. Следует отметить, что в некоторых произведениях австрийской художественной литературы эпохи романтизма Пршемысл II Отакар выступал как герой. Этими очерками конструировался образ идеального монарха, который частично проецировался на Габсбургов. Помимо этого, создавалось представление о полноправной роли Чехии в рейхе и его универсалистской миссии.

Однако последующее появление Пршемысла II Отакара на занятых крестоносцами землях Пруссии Хормайр назвал не более чем «стечением обстоятельств», в котором вины чешского короля нет. Наследование на династических основаниях престолов Австрии, Штирии и Каринтии изображалось историографом «узурпацией», что коррелировало с образами борьбы за наследство Бабенбергов в Австрии первой трети XIX в. Хормайр критиковал короля за методы утверждения власти в австрийских землях, которые представляли исключительно грубым попранием «австрийской свободы». Поэтому поражение Отакара в войне с Рудольфом Габсбургом изображалось «восстановлением справедливости и законности». Все это подкрепляло легитимность Габсбургов на австрийском и иных престолах.

Вацлав II (1283–1305 гг.) в «Австрийском Плутархе» назван «полководцем без армии» и «королем, не раскрывшим своих талантов»⁹. Политический кризис, связанный со слабостью монарха и истощением страны¹⁰, в итоге стал концом династии. Однако Хормайр отметил как основную причину династического кризиса поражение Чехии в борьбе за наследство Бабенбергов. «Великий король» в описании Хормайра оставил страну обескровленной и лишенной ресурсов для дальнейшего развития. Такой образ был выгоден для укрепления легитимности Габсбургов в чешских владениях как современной Хормайру

⁸ Ibid., bd. 14, 16–26.

⁹ *Hormayr J. von*, bd. 15, 82–103.

¹⁰ Ibid., 5–81.

эпохи, так и более ранних периодов. Деятельность Вацлава как короля Польши Хормайр не рассматривал.

Упоминание первой династии Чехии в труде, посвященном развитию австрийской государственности, было связано с признанием роли Пршемысловцев в ее становлении. Они и их преемники включались в универсалистский контекст. Династия изображалась одним из предшественников Габсбургов, которые унаследовали легитимность и заслуги в сохранении и развитии чешского государства, вошедшего в «семью народов». Амбивалентности материалу добавляла концепция «Чешской свободы», а также внимание к управлению Пршемыслом II Отакаром австрийскими землями во время войны за наследство Бабенбергов. Таким образом, правители чешских земель полагались равноправными участниками имперской политики, международных отношений и универсалистской миссии империи.

Хормайр преследовал цель создать корпус нарративов исторической памяти, который включал бы знаковых правителей. Они, по его мнению, заложили основу «семьи народов». Чешские земли виделись ее частью и до Габсбургов, и под их властью, а сама империя — частью миропорядка и возможностью сохранить существование входящих в нее нетитульных общностей от внешней экспансии. Австрийский патриотизм не исключал наличие памяти о «национальных» монархах, но вписывал их в контекст единства империи. Для политической культуры это означало цементирование подданнического начала.

Через весь труд Хормайра проходит идея сильной государственной власти, подкрепленной легитимностью монарха, его вкладом в развитие страны, отношениями с церковью, противостоянием внешним угрозам. Критике подвергались панская оппозиция, нападки королей на церковь, отсутствие совместных действий против монгольского вторжения. Архетипом «великого короля» в «Австрийском Плутархе» стали Вацлав I и Пршемысл II Отакар.

По мнению Хормайра, Габсбурги получили, сохранили и преумножили наследство Пршемысловцев — основателей чешской государственности. Последующие очерки о Люксембургской династии, «гуситском короле» Иржи из Подебрад и Ягеллонах содержали значительную долю критики в отношении каждого из них. Исключением стали лишь Карл IV и представители рода Габсбургов на чешском троне до 1526 г. Так подчеркивалась легитимность современной историку власти. Сюжеты о противниках Габсбургов в «Австрийском Плутархе» должны были способствовать включению чешского населения в противостояние Наполеону под знаменами Габсбургов наравне с другими общностями империи, их консолидации.

Значение «Австрийского Плутарха» для формирования исторического нарратива чешских земель заключается в конструировании образов чешских монархов; их включении в универсалистский контекст и анализе их связей с австрийскими землями; формировании мифа о легитимности Габсбургов на чешском троне; обосновании мифа о монархии Габсбургов как «семье народов». Идея была связана с консервативным и наднациональным дискурсами, что делало возможным ее использование в образовательных программах на всей территории государства. Уникальными чертами труда Хормайра стало признание заслуг чешских монархов, противостоявших Габсбургам в унаследованных ими землях. Им было отведено место в исторической памяти, но с акцентом на легитимности полученной Габсбургами власти. Все это должно было способствовать признанию чехами своего статуса как части «семьи народов».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Reichsdeputationshauptschluss vom 25. Februar 1803. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/rdhs1803.html>. (accessed: 21.04.2023)

Erklärung Sr. Majestät des Kaisers Franz der II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt, die Kurfürsten, Fürsten und übrige Stände, wie auch alle Angehörige und Dienerschaft des Deutschen Reiches, ihrer bisherigen Pflichten entbindet, 6.8.1806. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/1806/franz-II-niederlegung-kaiserkrone.html>. (accessed: 14.04.2023).

Gentz F. von. Österreichisches Manifest vom Jahre 1809 // Gentz F. von. Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal. Mannheim: Hoff, 1838. Teil 1. S. 336–366.

Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807–1812. In 20 Bde.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990 / пер. с нем. И.Б. Стебловой. СПб., Наука, 2003. 468 с.
- Рагозин Г. С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тирольского восстания 1809–1810 гг. // Французский ежегодник. 2020. С. 121–136.
- Gant B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck, 2003. 313 S.
- Hagemann K. «Be proud and firm, the Citizens of Austria!» Patriotism and Masculinity in Texts of the «Political Romantics» written during Austria's Anti-Napoleonic wars // German Studies Review. Vol. 29. No. 1 (Feb., 2006). P. 41–62.
- Kann R.A. The Case of Austria // Journal of Contemporary History. Vol. 15. No.1. Imperial Hangovers (Jan., 1980). P. 37–52.
- Krbec M. Vzájemná korespondence J. Dobrovského a J. v. Hormayra. Praha: SPN, 1985. 171 s.
- Křivský P. Palacký a Hormayr // Strahovská knihovna: Sborník Památníku národního písemnictví Praha: Památník národního písemnictví Roč. 11 (1976 [vyd. 1978]). S. 63–77.
- Kronebitter G. Friedrich von Gentz und Metternich // Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute. Graz-Stuttgart: Stockler, 1999. S. 71–88.
- Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen / red. Pfeiffer G. Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen. Bozen: Freie Universität Bozen, 2008. S. 385–406.
- Mayrhofer-Schmid A. Hormayr und die Romantik. Diss. zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien, 1949. 187 s.
- Patrouch J.F. The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // Austrian History Yearbook 40 (2009). P. 91–98.
- Pražák R. Die kulturell aufklärende Tätigkeit der madjarischen reformierten Intelligenz in der Zeit der tschechischen nationalen Wiedergeburt // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. 1964. Vol. 13. Iss. C11. P. 127–146.
- Pražák R. Dobrovský a Kazinczy: k typologii českého a maďarského kulturně politického a literárního vývoje na přelomu 18. a 19. století // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1970–1971. Vol. 19–20. Iss. D17–18. P. 45–60.
- Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria // Hungarian History Review. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 250–276.
- Reinalter H. Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution // Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft. Vol. 12. Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution (1988). P. 189–201.
- Rumpler H. (Hg.). Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie. Wien, 1997.
- Rychlík J. 1918 – Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha: Vyšehrad, 2018. 280 s.
- Sedlářová J. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848) a počátky romantismu na Moravě // Mezi časy-: kultura a umění v českých zemích kolem roku 1800: sborník příspěvků z 19. ročníku sympozií k problematice 19. století, Plzeň, 4.-6. března 1999 / 1. vyd. Praha: KLP, 2000. S. 114–126.
- Šimeček Z. Seminární cvičení k českým dějinám V.V. Tomka v letech 1852–1854 // ed. Slezák L., Vlček R. K počtě Jaroslava Marka: Sborník prací k 70. narozeninám prof. dr. Jaroslava Marka. Praha: Historický ústav Akademie věd České republiky, 1996. S. 49–72.

- Tomášek P. Aristokracie vkusu: Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. Století. Doktorská disertační práce. Brno: Masarykova Univerzita, 2017. 340 s.
- Uhlíř D. Joseph von Hormayr a jeho podíl na rozvoji moravské historiografie v první polovině 19. Století // Muzeum Brněnska: sborník. Brno: Muzeum Brněnska, 2009. S. 21–28.
- Wilson P.H. Bolstering the Prestige of Habsburgs: the end of the Holy Roman Empire in 1806. // The international History Review. Vol. 28. No. 4 (Dec. 2006). P. 709–736.

Рукопись поступила в редакцию 15.08.2023

Рукопись принята к печати 07.09.2023

REFERENCES

- Dann O. *Natsii i natsionalizm v Germanii, 1770–1990*, Transl. from German by I.B. Steblova. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, 468 p. (In Russ.)
- Gant B. *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. (Dissertation zur Doktorwürde (Phil.))*. Innsbruck, Universität Innsbruck Publ., 2003, 313 p.
- Hagemann K. «Be proud and firm, the Citizens of Austria!» Patriotism and Masculinity in Texts of the «Political Romantics» written during Austria's Anti-Napoleonic wars. *German Studies Review*, 2006, vol. 29, no. 1 (feb., 2006), pp. 41–62.
- Kann R.A. The Case of Austria. *Journal of Contemporary History*, 1980, vol. 15, no.1, Imperial Hangovers (Jan., 1980), pp. 37–52.
- Krbec Miloslav. *Vzájemná korespondence J. Dobrovského a J. v. Hormayra*. Praha, SPN Publ., 1985, 171 p.
- Křivský P. Palacký a Hormayr. *Strahovská knihovna: Sborník Památníku národního písemnictví*. Praha, Památník národního písemnictví, roč. 11 (1976 [vyd. 1978]), pp. 63–77.
- Kronebitter G. Friedrich von Gentz und Metternich. *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute*. Graz-Stuttgart, Stockler Publ., 1999, pp. 71–88.
- Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen. *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen*, red. von G. Pfeiffer, Bozen, Freie Universität Bozen Publ., 2008, pp. 385–406.
- Mayrhofer-Schmid A. *Hormayr und die Romantik*. Diss. zur Doktorwürde (Phil.). Wien, Universität Wien Publ., 1949, 187 p.
- Patrouch J.F. The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination. *Austrian History Yearbook* 40, 2009, pp. 91–98.
- Pražák R. Die kulturell aufklärende Tätigkeit der madjarischen reformierten Intelligenz in der Zeit der tschechischen nationalen Wiedergeburt. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*, 1964, vol. 13, iss. C11, pp. 127–146.
- Pražák R. Dobrovský a Kazinczy: k typologii českého a maďarského kulturně politického a literárního vývoje na přelomu 18. a 19. století. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná.*, 1970–1971, vol. 19–20, iss. D17–18, pp. 45–60.
- Ragozin G.S. Mezhdú istorijej i politikoj: Joseph von Hormayr – ideology I uchastnik Tirolskogo vosstaniya 1809–1810. *Annual of French studies*, 2020, pp. 121–136 (In Russ.)
- Reinalter H. Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution. *Geschichte und Gesellschaft*. Sonderheft, 1988, vol. 12, Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution, pp. 189–201.
- Řezník M. The Institutionalization of the Historical Science betwixt Identity Politics and the New Orientation of Academic Studies. Wacslaw Wladiwoj Tomek and the introduction of history seminars in Austria. *Hungarian History Review*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 250–276.
- Rumpler H. (Hg.). *Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie*, Wien, Ueberreuter Publ., 1997, 672 p.
- Rychlík J. *1918 – Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa*, Praha, Vyšehrad Publ., 2018, 280 p. (In Czech)
- Sedlářová J. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848) a počátky romantismu na Moravě. *Mezi časy: kultura a umění v českých zemích kolem roku 1800: sborník příspěvků z 19. ročníku symposií k problematice 19. století*, Plzeň, 4. –6. března 1999, 1. vyd., Praha, KLP Publ., 2000, pp. 114–126.
- Šimeček Z. Seminární cvičení k českým dějinám V.V. Tomka v letech 1852–1854. *K počtě Jaroslava Marka: Sborník prací k 70. narozeninám prof. dr. Jaroslava Marka*, ed. L. Slezák, R. Vlček, Praha, Historický ústav Akademie věd České republiky Publ., 1996, pp. 49–72.

- Tomášek P. *Aristokracie vkusu: Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. Století. Doktorská disertační práce*, Brno, Masarykova Univerzita Publ., 2017, 340 p.
- Uhlíř D. Joseph von Hormayr a jeho podíl na rozvoji moravské historiografie v první polovině 19. Století. *Muzeum Brněnska: sborník*, Brno, Muzeum Brněnska Publ., 2009, pp. 21–28.
- Wilson P.H. Bolstering the Prestige of Habsburgs: The End of the Holy Roman Empire in 1806. *The International History Review*, 2006, vol. 28, no. 4, pp. 709–736.

Received on 15.08.2023

Accepted on 07.09.2023

Информация об авторе:

Рагозин Герман Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
г. Архангельск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8695-4096
E-mail: ragozin92@gmail.com

Information about the author:

German S. Ragozin

Ph.D. (History), Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
Arkhangelsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8695-4096
E-mail: ragozin92@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 2, с. 65–77

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 65–77

DOI: 10.31857/S0869544X24020064, EDN: dopljc

Оригинальная статья / Original Article

Очерк польской народной демонологии. II

© 2024 г. С. М. Толстая

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

smtolstaya@yandex.ru

Аннотация. Статья является продолжением очерка польской народной демонологии, начало которого опубликовано в журнале «Славяноведение». 2023. № 6. Первая часть включала общую характеристику польской системы мифологических персонажей и описание духов природы. В публикуемой ниже второй части дается описание домашних духов-опекунов, демонов-покойников, персонифицированных образов болезни и смерти, центрального мифологического персонажа — черта, а также полудемонов (ведьмы, колдуна, волколака).

Ключевые слова: польская народная культура, мифологические персонажи, верования, фольклор.

Ссылка для цитирования: Толстая С. М. Очерк польской народной демонологии. II // Славяноведение. 2024. № 2. С. 65–77. DOI: 10.31857/S0869544X24020064, EDN: dopljc

A Brief Outline of Polish Folk Demonology. II

© 2024. Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

smtolstaya@yandex.ru

Abstract. The article is a continuation of the essay on Polish folk demonology, which was published in the journal *Slavic Studies*. 2023. No. 6. The first part includes a general description of the Polish system of mythological characters and a description of nature spirits. The second part published below describes the home spirits, the demons of the dead, personified images of illness and death, the central mythological character — the devil, as well as half-demons (witches, sorcerer, wolfman).

Keywords: Polish folk culture, mythological characters, beliefs, folklore.

For citation: Svetlana M. Tolstaya. A Brief Outline of Polish Folk Demonology. II // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 65–77. DOI: 10.31857/S0869544X24020064, EDN: dopljc

4. Домовые духи

Среди домовых духов выделяется несколько автономных категорий: почитаемые души предков; домовый уж, летающий змей, домовые духи-обогатители. Воплощением домового духа могла считаться также птица и даже домашняя метла.

Древнеславянский культ умерших предков, который сохраняется во многих обрядовых (прежде всего погребальных и поминальных) и повседневных формах поведения и верований, сравнительно слабо отражен в представлениях об их прямом покровительстве потомкам. Еще в XVII–XVIII вв. вера в домашних духов (*domowe duszki, ubożęta*) была живой частью традиции: им оставляли еду в углу дома или столоты, а в стене или на потолке делали отверстие для того, чтобы они могли входить и выходить [Baranowski 1971, 200–201]. Но постепенно, под влиянием церковной идеологии эти мифологические персонажи (далее – МП) оказались причисленными к разряду дьявольской рати и нечистой силы, а иногда объединенными с другими демонами, например с атмосферным *лятавцем* (см. [Толстая 2023, 25]), что превращало их из покровителей семьи в демонов, наделенных как опекунскими, так и опасными свойствами, а их опекунская функция была передана ангелам-хранителям. Одновременно с этим в польскую культуру проникли заимствованные от соседних народов МП, имеющие разные наименования: в Вармии и Мазурах *choboldy (koboldy), kłobuki (kołbuki)*; в Поморье *karzełki и skrzaty*, в Великопольше *skrzaty (skrzaki), smoki*, в Силезии *skrzaciki и inkluzu*, в Серадзско-Калишском регионе *plonki*, в Подлясье *domowiki*, в Жешовском воеводстве *żmije*; к ним в некоторых районах были добавлены западноевропейские (немецкие) карлики *krasnołudki*.

Часто это разные наименования одних и тех же или близких по своим характеристикам МП. Их описание содержится уже в региональных томах О. Кольберга [Kolberg 1961–1974], например: в Калишском районе *plonek* – это маленький чертенок в виде черного петушка; в Поморье *krasnołudki* – живущие в норах, ямах, пещерах существа в красных шапочках, которых называют также *podziemki*; в Познаньском воеводстве *skrzat* выглядит как цыпленок, он живет главным образом в столотлах и приносит хозяевам зерно; в Поморье *chobołd* появляется в чулане в виде черной курицы или кошки (если кошку убить, все хозяйство погибнет); все эти существа приносят своим хозяевам достаток, но, по некоторым поверьям, они при этом становятся владельцами душ этих людей.

Лучше всего верования о демонах-опекунах сохраняются в восточных районах страны, где они также носят разные имена: в Жешовском воеводстве *duchu domowe, duchy nocne, czarownice, krasnołudki, węże domowe*, в Люблинском – *dieduszki, domowniki, domowoje, szporychy*, в Белостоцком – *domowoje, hoduny, nieczyste siły, złe duchy*. Люди, у которых в хозяйстве дела шли успешно (особенно пчеловоды, садоводы, коневоды и др.), подозревались в связи с нечистой силой и с ними опасались иметь дело [Pełka 1987, 134–138].

Домовые духи, по поверьям, могли иметь не только вид маленьких животных (курицы, цыпленок, кошки, крысы, хомяка, ужа, жабы, утки, вороны и др.), но и представляться в образе маленьких человечков с большими ступнями в сапогах с голенищами, или в виде черных человечков с рожками на голове, с хвостом и с копытами, или же в образе женщин в белом одеянии, людей в черном, или в каком-то неопределенном облике, или же считались невидимыми, обитающими в человеке, и др.; они могли переходить или быть переданными от одного владельца к другому. Происхождение этих МП объяснялось по-разному: они были душами умерших, душами убийц или людей,

умерших без исповеди, грешников, отбывающих наказание и т.п., наконец, они могли сами родиться в расщелинах скал или же быть возвращенными самими владельцами: надо было взять яйцо черной курицы, носить его неделю (девять дней) под мышкой слева, не мыться и не молиться все это время, после чего из яйца вылупится цыпленок (или какой-то уродец), а из него чертенок, которого надо было растить и кормить; такие возвращенные духи назывались *chowańce* [Bartmiński et al. 2015, 213–215].

Люди, владеющие такими духами-помощниками и опекунами, обязаны были соблюдать по отношению к ним установленные правила, кормить их, причем определенным видом еды (например, молочной пшенной или гречневой кашей без соли, хлебом и свежим маслом), заботиться о них (хозяин должен был лично приносить домовому еду на чердак, в противном случае домовый сердился и мог швырнуть в хозяина горшок с едой), за нанесенную им обиду и плохой уход домовые духи могли отомстить и уничтожить все хозяйство.

Поверья о домовом змее, известные всем славянам [СД 2, 339–341], в польской традиции связаны в основном с ужом, который носит названия *smok*, *śmok*, *śmuk*, *gad*, *gad domowy*, *domowy przyjaciel*, *gospodarz-wąż*, кашуб. *gazëna*, *gadżón*, *gadżôk*. Верили, что уж живет в углу каждого дома, о нем следовало заботиться, кормить его и не обижать. Уж сосал молоко у коровы, и это было добрым знаком, предвещало благополучие хозяйства, дома и семьи. Ужа запрещалось убивать, прогонять и наносить ему какой бы то ни было вред – это грозило несчастьем всему дому и хозяйству. У кашубов *gazëna* – злой дух, появляющийся в облике змеи, которая не только высасывает молоко у коровы, но и может войти в ребенка. Такой ребенок имеет непреодолимое желание уснуть на берегу водоема, потому что сидящий в нем дух хочет искупаться: если мать успеет в это время унести ребенка, тогда он избавится от этой гадины, а она вселится в другого ребенка [Sychta 1, 294–295]. В Подгалье считали, что из ужа вырастает огромный *smok* – чудовищных размеров змея, способная нападать на домашних животных и даже на людей, а также насылать дождь [Kaś III, 383; X, 204–206].

5. Демоны-покойники (упырь и стрига, стригонь)

К кругу безусловно дохристианских верований, известных всем славянам и другим европейским народам и отраженных в литературе, относится образ «ходячего покойника», т.е. встающего из могилы мертвеца, который пьет кровь у людей и животных и особенно опасен для своих родственников [Krzyżanowski 1963, 416]. В польской традиции этот демон носит название *upiór*, *wypiór*, *wąpierz*, *wampierz* или *strzyga*, *strzygoń* и наделяется устойчивыми характеристиками, хотя в некоторых регионах описание упыря, вампира и стригоня могут различаться. Он наиболее известен в южных и восточных районах Польши [Baranowski 1981, 50–64; Pełka 1987, 163–172].

Считалось, что будущий упырь родится с двумя душами, но если одна из них получила крещение, то превращения в упыря после смерти не происходит. Верили также, что упырем станет ребенок, родившийся с двумя сердцами (из которых умирает лишь одно), родившийся с зубами. Упырем считался человек с двумя рядами зубов, с синеватым лицом, со сросшимися бровями и другими нестандартными чертами. Наконец, считалось, что упырем (вампиром) становится любой самоубийца или даже умерший от несчастного случая, человек, умерший без исповеди, грешник, ведьма или колдун, всякий злой человек и т.п., а также покойник, тело которого сохраняет свежий вид или,

наоборот, чрезмерно распухает (в таком случае в гроб клали нож и связку веток с колючками).

Когда возникало подозрение, что кто-то из недавно погребенных стал упырем, то его могилу раскапывали и если обнаруживали, что у трупа красная голова или кровь на губах, то отрезали голову и клали ее между ног или же пробивали труп осиновым колом или зубом от бороны, пробивали голову железным гвоздем или переворачивали труп лицом вниз («чтобы он грыз землю»), клали мертвецу под язык карточку с его именем и т.п. Считалось также, что упыря можно испугать и не дать ему выйти из могилы, если закопать в могилу терновник с колючками или воткнуть нож, гвоздь или кусок железа острием кверху, если проделать в могиле отверстие и налить туда освященной воды, если бросить на нее горсть мака, наконец, если заказать в костеле панихиду.

По поверьям, упырь выходил из могилы в своем собственном виде и даже в той же одежде, в которой его положили в гроб, однако иногда говорили, что у упыря не было спины и были сзади открыты внутренности (известный мотив в народной демонологии [Moszyński 1967, 614–616]), или же он был в виде скелета или какого-то неопределенного существа, тени, в виде животного: собаки, волка, кошки, коня, барана, козла, огромной птицы; если же он оставался невидимым, то его присутствие можно было обнаружить по исходящему от него могильному холоду и трупному запаху, а также можно было слышать хруст костей скелета. Считалось, что упырь выходит из могилы в определенное время, например, при свете луны, в пятницу, в тот день недели, в который он умер, при сильном ветре, в день, когда в окрестности кто-то повесился, в еврейский праздник и т.п.

Стригонь мог вести себя по-разному: ходить ночью вокруг своего дома или дальше от дома, никому не причиняя зла, но мог и нападать на людей и животных, душить их и сосать у них кровь и нередко умерщвлял их. Случаи внезапной смерти объясняли нападением упыря или стригоня, даже если человек скончался среди бела дня. Особенно досаждали они своим родственникам: упырь приходил к жене и другим членам семьи, они могли не видеть его, а только чувствовать холодное прикосновение или поцелуй мертвеца.

В польских Бескидах считали, что стригонь нападал на людей главным образом ночью, когда люди спали. Он выходил из могилы, оставлял на ней свою рубашку и отправлялся в село душить людей, однако кровь он не пил. Когда выслеживали могилу стригоня, выкапывали труп и отрезали у него руки, ноги и голову; затем укладывали их в обратном порядке: ноги на место рук, руки на место ног, голову к задней части тела. Или же не расчленяли труп, а только связывали члены, а покойника переворачивали на живот. После этого стригонь больше не ходил [Lehr 1984, 231]. В тех же краях известен еще один опасный демон, очень близкий к стриге, но отличающийся от нее тем, что при жизни он был зморой (см. ниже). Демон этот назывался *sotona*; это мог быть невидимый дух, но мог появляться в виде девушки или парня, либо в виде животных — куницы, теленка или лягушки, а также оборачиваться предметами — шнурком или стеблем соломы, тогда был слышен шелест при его движении. Сотона нападала на людей, которые ее чем-либо обидели, или на тех, кто спал ничком, или на тех, кто не прочел перед сном молитвы. Она могла ограничиться тем, что насылала на спящего страшные сны, а могла пить кровь у своих жертв (при этом на разных частях тела оставались следы), и такие люди выглядели анемичными. Существовали разные способы защититься от сотоны (помогали

нож, ножницы, а также запачканная пеленка младенца) и прекратить ее приходы [Ibid., 232–234].

Нередко, однако, упырь или стригонь оказывал услуги семье (как бы продолжая быть членом семьи): чистил лошадей, выносил навоз из хлева, косил траву, рубил дрова и т.п. Известны рассказы о том, как умершая мать приходит ночью кормить грудью своего ребенка или целовать, ласкать детей, чинить их одежду и т.п. Таких ходячих покойников или вообще не причисляли к упырям-стригонам, или считали их «добрыми» или «милосердными» стригонами [Baranowski 1981, 64].

На севере Польши существовали поверья об упыре по имени *wieszczu* или *wieszcz*, который по ночам выходил из могилы и тянул за веревку костельного колокола — кто из его близких слышал такой звон, должен был вскоре умереть. Или он поднимался на башню костела и громким голосом выкрикивал имена людей — того, кто услышал свое имя, ожидала близкая смерть. Кое-где считали, что он может взглядом убить своего ровесника [Ibid., 63].

6. Персонификация болезней и смерти

Болезнь вообще, так же как и отдельные болезни, особенно эпидемические, персонифицировалась в народной традиции всех славян и других европейских народов чаще всего в образе женщины или девушки. В формулах проклятий упоминается обобщенный МП *chorobnik* (*Bodaj cię chorobnik porwał!* ‘Чтоб тебя хоровник унес!’), который понимается как злой дух болезни вообще.

В центральной Польше, по описаниям XVIII в., демоны болезни — безобразные худые женщины в белых одеждах, которые приходили и приезжали (на специальных черных повозках) «рассевать» заразу. Во время эпидемии чумы в XVIII в. было убито, утоплено или сожжено немало женщин, обвиненных в том, что они «рассеивали» болезнь [Baranowski 1971, 218]. Еще в XIX в. фиксировались такие случаи, причем нередко в распространении эпидемий обвиняли евреев [Ibid., 251–253].

В Познаньском регионе болезнь представлялась как воздушное видение, сопровождаемое сонмом демонических существ, при появлении которого у пастуха разбегалось стадо, собака скулила и ложилась у его ног, вол смотрел в землю и бился рогами, куры убегали и кричали петушьим хриплым голосом. По другим данным, это была высокая девушка, вся в белом, с растрепанными волосами [Rejka 1987, 173–174].

Любая болезнь имела, по поверьям, свою антропоморфную демоническую ипостась, к ней обращались (в заговорах) как к живому существу, с просьбами, укорами, вопросами, ср., например, заговор от рожи: «O różo, różo! Strasznieś bolesno, z czego sie ty obrażała? Czy z jedzenio? Czy ze spanio? Proszę cię bardzo: ustap za przyczyną Jezusa i Maryi!» (О рожа, рожа! Страшная болезнь! На что ты обиделась? На еду? На спанье? Очень тебя прошу: уйди ради Иисуса и Марии!) [Kotula 1976, 258]. Демоны отдельных болезней могли представляться в других видах, например, дух детской болезни — в виде маленького ребенка с мертвецкими глазами; демон сухотки (чахотки) — в образе крошечного человечка, демон тифа — в виде высокого худого старика с красным лицом и бледными глазами, одетого в черный городской костюм, белую рубашу и красный галстук. Демоны других болезней представлялись в зооморфном или антропо-зооморфном облике (например, имели вид червяков, тельца, жеребенка или человека с коровьими рогами) или же считались невидимыми существами. Вера в демонов болезни дольше всего сохранялась в восточном Мазовье и Подлясье, где духа

эпидемии представляли в образе худой высокой старухи с огромными оскаленными зубами, одетой в белое или черное полотняное платье. Подробнее о трактовке болезни в польской народной культуре см. [Marczewska 2012], об именах эпидемических болезней — [Dźwigoł 2004, 36–39].

Самым популярным представлением персонифицированной Смерти (*Śmierć*) является образ сухой костлявой женщины с бледным лицом в белых одеждах или же скелета в таком же одеянии с косой в руке. Это образ христианской демонологии, усвоенный также ярмарочной городской культурой и сравнительно поздно перешедший в народную традицию. От дохристианских представлений о смерти сохранились лишь слабые следы, часто вплетенные в христианский образ. Так, белый цвет одежд Смерти, по предположению К. Мошиньского, возможно, связан с древним обычаем белого траура у славян [Moszyński 1967, 701]. По некоторым свидетельствам из разных мест, Смерть не может переплыть текучую воду, по другим — она почти ничего не весит и потому не может утонуть. Широко известен фольклорный сюжет: Смерть приходит к одру умирающего, и если она становится в ноги, то больной может еще выздороветь; желая перехитрить Смерть, человек переворачивает свою кровать так, чтобы Смерть всегда оказывалась у него в ногах [Baranowski 1981, 272–273].

Как и другие МП, Смерть могла иметь в народных представлениях разный облик — от антропоморфного до звериного и предметного. Она могла воображаться молодой девушкой, евреем, ксендзом в стихаре, доктором в цилиндре, кем-то из знакомых умерших, каменной фигурой Богоматери, столбом тумана, белой вороной, гусем, кошкой, собакой, конским черепом на коротких ногах и т.п. В некоторых районах Польши Смерть наделялась именем собственным: в Мазовше и Подлясье ее звали *Basia*, в Великопольше — *Kasia*, в Малопольше *Jagusia* или *Zosia*.

7. Черт

Представления о главном и самом популярном МП славянской низшей мифологии — черте — в значительной степени сформировались под влиянием христианской демонологии, популярной литературы и иконографии, в духе которых были переработаны остатки архаических дохристианских верований о вредоносных духах [СД 5, 519–527]. Основным названием черта в польском языке является *djabeł* или *zły duch*; помимо них используется множество эвфемизмов и задабривающих имен: *bies*, *czart*, *szatan*, *antychryst*, *kucy*, *kusal*, *kusiciel*, *kusielec*, *kusy panek*, *kusy Bartek*, *pan Michał*, *lichy*, *zielony panek*, кашуб. *kudjabeł*, *ten kusi*, *kulavi*, *kulavi zajc*, *rogati*, *coś*, *ten*, *ten rogati*, *ten z ogoną* [Dźwigoł 2004, 86–136]. На представления о местах обитания черта указывают такие названия, как кашуб. *pekelnik*, силез. *pieklorz* (житель пекла, т.е. ада), *rokita*, *rokiciarz*, *Rokicki* (обитатель болотных зарослей), *borowy*, *borowiec*, *boruta* (лесной, боровой житель), *błotnik* (болотный черт). Особенно многочисленны и разнообразны номинации черта в кашубских говорах [Syhta 1957].

Черти считались сброшенными с неба падшими ангелами, воспротивившимися Богу и в наказание сброшенными им в пекло (ад). Не долетевшие туда в течение 40 дней ангелы остались на земле и стали чертями [Lehr 1985, 107].

Черти, согласно поверьям и быличкам, могут иметь самый разнообразный вид — чаще всего они появляются в народных рассказах в образе мужчины в городской, часто немецкой одежде, в шляпе или цилиндре, иногда в образе духовного лица, однако их неизменным атрибутом были рога и хвост, в которых якобы заключалась их магическая сила. На внешний вид черта указывают

его локальные наименования (ср. *czort kulawy*, *kusy panek*, *ten rogaty* и т.п.), поговорки: «*poznał, że to djabeł: po kozich nogach, po wielkich rogach, po kurtkach niemieckich, po słowach zdradzieckich*» (узнал дьявола по его козьим ногам, по огромным рогам, по курткам немецким, по коварным словам) [Kolberg 60, 106], шуточные песенки: «*Jedno portka czerwono, druga portka zielono, kapelusiak na głowie, oba my se swagrowie*» (Одна штанина красная, другая зеленая, шапочка на голове, мы с тобой свояки) [Dźwigoł 2004, 99]. Широко распространено представление, что у черта нет дырок в носу, что он хромот, так как на одной ноге (или на обеих) у него копыто; у черта буйная шевелюра (иногда рыжая), которая скрывает рога, он низкого или, наоборот, огромного роста. На юге Польши, в Бескидах, черт мог выглядеть как маленький ребенок, голый и запачканный, или как взрослый мужчина с огромными когтями и пышущим огнем ртом, либо появлялся как существо с рогами, либо в образе козы, собаки, бычка [Lehr 1985, 107–108]. На Люблинщине рассказывали о черте в виде белого или гнедого коня, собаки, кота, зайца и даже в виде движущейся по дороге белой подушки или перины, в виде плачущего ребенка, но чаще всего он представлялся немцем в парике и треугольной шапке, с козлиными или куриными ногами, орлиным носом, почти всегда в красных штанах и черном фраке.

Местами обитания черта были болота, трясины, балки, буераки, пустоши, леса и овраги, а также перекрестки дорог. По ночам он кричит, пугает людей, пищит, ломает ветки. Обычно черти привязаны к своей деревне и окрестностям, за ее границы они боятся выходить, потому что там хозяйничают другие черти. Считалось, что черт боится молнии, и если она в него попадает, гибнет, но в то же время ему иногда приписывается способность вызывать бури и грозы. Кое-где верили, что дьявол может сдвигать и переносить горы, но не может открыть малейшего заткнутого отверстия. Одна хитрая женщина заманила его в мышиную нору и засыпала ее песком, так что черт не смог оттуда выбраться. Различными заклятиями черта можно было «приковать» к какому-то месту, с которого он не мог сойти. Локальные разновидности образа черта могли быть отражением представлений о «чужих» — прежде всего немцах, но также и других, например, о татарах в Подлясье или о литовцах в Сувалках.

Главными злокозненными действиями черта были устрашение людей и подстрекание их на разнообразные «злые» дела (ср. его названия: *pokusnik*, *pokusiciel*, *pokusa* ‘искуситель’, *opętaniec* ‘одержимый’), но он любил также сравнительно безобидные проделки, подшучивания и розыгрыши. Иногда он мог выступать и как блюститель нравственности и справедливости, наказывая людей неблагочестивого поведения и грешников. В большинстве же рассказов он представлялся ограниченным, наивным и глуповатым, его легко можно было обмануть и перехитрить. В одном популярном рассказе черт съедает у бедного мужа последний кусок хлеба и за это попадает к нему в услужение, а потом, благодаря своему трудолюбию и усердию, приносит своему хозяину богатство.

Универсальными средствами против черта считались закрещивание, ношение нательного креста, кропление освященной водой и молитва, а также специальные формулы, например: «*Abraham prosił i uprosił, a ja nie mogę uprosić*» (Авраам просил и упросил, а я не могу упросить) [Ibid., 108]. Помогала защититься от черта также освященная можжевельная палка, для чего специально выращивали кусты можжевельника и поливали их освященной водой.

Черт как универсальный тип МП мог заменять собой любых других демонов, которые считались его воплощением, поэтому его собственный образ остается недостаточно определенным, размытым. Черт является популярным

персонажем народной литературы, сказок, анекдотов и других жанров фольклора [Krzyżanowski 1963, 81–83].

8. Полудемоны (ведьма, колдун, змора, волколак)

Демоническими свойствами могут обладать не только прирожденные МП или превратившиеся в демонов «нечистые» покойники, но и обыкновенные живые люди. Главным персонажем полудемонической природы в польской народной культуре является ведьма, которую называют, помимо общераспространенного *czarownica*, также *wiedźma*, *wróżka*, *znachorka*, *paskudnica*, *paskudziarka*, *zjadarka*, *zjadarska baba*, *baba*, *babucha*, кашуб. *babica*, *starëcha*; *ciota*, *cietka*, *ciotucha*, *baba ciota*, *djabla ciotka*, *ęga*, *ędza*, *baba jędza*, *dziadówka*, кашуб. *pura*, в Подгалье и на Ораве *strzyga* и многими другими локальными названиями; менее употребительны имена соответствующих МП мужского рода: *czarownik*, *wiedźmar*, *ciot*, кашуб. *paskudnik*, *prorok*, *kutin*; *guślar*, *czarajt* и т.п. (подробнее см. [Dźwigoł 2004, 71–85]).

Образ ведьмы имеет двоякое происхождение: он сохраняет немало черт дохристианских верований о нечистой силе, но, как и многие другие МП и даже более чем другие, отражает сильное влияние религиозных представлений о живом существе (прежде всего женщине), находящемся во власти дьявола и действующем по его указке. Этот последний образ особенно укрепился в XVII–XVIII вв., в период развернувшихся в Польше «ведовских процессов» [Baranowski 1952; Baranowski 1981, 210–221; Bystroń 1976, 281–293; Nietolerancja i zabobon 1987, 119–187].

В крестьянском обществе ведьма чаще всего представлялась в образе старой, невзрачной, с длинными нечесаными волосами, иногда убогой, одетой в темные длинные одежды, одинокой и нелюдимою женщины из своего села, отличающейся странностями поведения (например, способностью часами смотреть на солнце [Sychta I, 154]), но часто о ней говорили как о самой обыкновенной, ничем не примечательной женщине. Ведьме приписывались как положительные магические свойства (главным образом лечебные), так и злокозненные: отбирание молока у коров, насылание болезней на людей и скот, противодействие хозяйственной деятельности (изготовлению масла, варке пива, ткачеству и др.), вызывание погодных бедствий (дождя, грома, града, ветра и т.п.), неурая и т.п. По общему представлению, ведьмы умирали долго и мучительно.

В Подгалье ведьмы (называемые также *babrośka*, *babrula* – от глагола *babrać* ‘портить’) в своих действиях были сосредоточены главным образом на отбирании и порче молока у коров и вредительстве при сбивании масла. «Если чаровница кого-нибудь невзлюбила, она делала так, что корова не давала молока или ее молоко было тягучим, темным, с кровью и т.п. Она могла вызвать болезнь у человека или скотины, могла испортить пищу, погасить огонь в печи. У нее в помощниках был дьявол, который обращался в кота, делался невидимым, превращал ее в жабу, а жаба влезала в хлев. Ей служили также *planetnice*, *utopce*, *dzikie baby*, *boginki*. В нашей местности чаровницы не имели такой власти, они в основном отнимали молоко и переносили его к себе. У Марины в стену был воткнут ясеневый колышек, она его вынимала, и молоко лилось. Или же чаровница незаметно крала с забора кувшин или иной сосуд, в который доили корову, несла его к ручью, полоскала его, воду выливала в ручей, и молоко уплывало вместе с водой; с этого момента корова становилась «сухой». Или била чужую корову по хребту обожженной палкой, тогда у коровы тут же происходил выкидыш. Могла насладиться на человека алкоголизм, для чего

давала ему выпить водку, пролитую через утиный клюв» [Kaś II, 25]. По другим свидетельствам, ведьма выходила на луга, где паслись коровы, перед Ивановым днем в полночь, она была нагой, держала в руках палочку и ведро, переходила через девять межей и на каждой чертила палочкой круги, рвала траву в ведро и произносила: «bierz pożytek, ale nie wszystek» (Бери выгоду, но не всю) или «róć roseczka do dzboneczka» (Иди, росичка, в кувшинчик). Затем она шла домой и давала сорванную траву своей корове, после чего ее корова целый год давала много молока, а у коров соседей было молоко с кровью или вообще его не было. Еще один известный способ — ведьма выходила на пастбище голой накануне праздников св. Яна, св. Ежи и св. Томаша и протягивала по росистой траве платок [Lehr 1984, 240]. Ведьма могла использовать с той же целью веревку, на которой вели или привязывали корову: если украсть такую веревку, то с нее, как из вымени, будет течь молоко, а корова, у которой похитили веревку, перестанет доиться; то же делали с помощью конской узды [Kotula 1989, 86–87].

Широко распространены поверья о способах распознавания ведьмы, некоторые из них носят универсальный характер и встречаются в разных традициях, например: взять у гробовщика доску с отверстием от сука и через это отверстие посмотреть на рождественскую процессию у костела или в костеле, тогда можно увидеть всех чаровниц. Или надо было стать на стульчик, который изготовляли от Люции до Рождества, тогда увидишь на службе чаровниц — они стоят спиной к алтарю. Или: взять льняную цедилку, молча кипятить ее в воде в железном горшке, купленном в Великую среду, в течение трех дней, воткнув в цедилку иголки или шпильки, тогда придет чаровница вся исколотая, красная, дрожашая и скажет, что у нее болит голова [Kaś II, 26] (ср. [Kotula 1989, 88; СД 4, 401–406]).

По кашубским поверьям, ведьмы могут «засушить молоко» у коровы, уничтожить урожай на полях и лугах, перевернуть свадебную повозку, «посадить» на человека колтун, похитить у матери ребенка. В кашубских сказках ведьмы могут летать по воздуху, решетами «перелить» озеро или выпить из него всю воду, перенести горы с места на место, вырвать с корнями деревья, вызвать с неба снег посреди жаркого дня, превратить себя или других в тучи на небе, обернуться животным, птицей и т.п. Несколько раз в год, а именно в каждое полнолуние (прежде всего в канун св. Яна) ведьмы слетаются на свой шабаш на Лысые горы [Sychta 2, 154–155].

Еще одной заметной фигурой полудемонической природы является змора — МП, главная функция которого наваливаться на людей во сне и душить их. Основные названия этого духа в польской народной культуре: *zmora*, *mora*, *mara*, *kikimora*, *gniotek*, *gnieciuch*, *siodło*, *siodółko*, *dusiołek*, *nocnica*. Многие из этих названий закреплены за отдельными ареалами в качестве исключительных или предпочтительных, например, в Великопольше употребляется преимущественно *mora*, в центральной Польше — *zmora*, в Малопольше — *gniotek*.

Змору обычно представляют себе в виде высокой худой бледной женщины с маленькими припухшими или запавшими глазами, с толстыми или отвисшими губами; иногда голой; она обладает большим весом (тяжела, как мельничный камень), огромной силой; может представляться бесформенной или скелетом. Она жестока, мстительна, безжалостна, но в то же время ее можно подкупить.

Зморами становятся: младшая из семи дочек; женщина или мужчина, душа которых может выходить из тела; ребенок, родители которого на крещении вместо слова *wiara* произнесли *mara*; люди, родившиеся с двумя душами,

но при крещении получившие одно имя; вдовы и др. Зморой может быть только живой человек и никогда не бывает умерший.

Обычно змора действует в одиночку, но иногда их бывает две или три, тогда одна из них душит людей, другая — деревья, а третья — коней. Бывает, что действуют сразу пять сестер-змор. Ее главное действие — душить людей во сне, но, по некоторым поверьям, змора может высасывать кровь из людей и животных, «душить» деревья, заплетать лошадям гривы. Если удастся змору поймать, она просит ее отпустить и клянется больше не досаждать; при этом она может принять человеческий образ, а если ее перекрестить, она может избавиться от своих демонических способностей, но она может принять и облик животного (собаки, кошки, мыши, змеи и т.п.). Схваченную змору бьют метлой или сажают в новый горшок и запирают там, могут убить, а иногда могут и отпустить.

Чтобы предотвратить нападение зморы ночью, рекомендовали спать на правом боку, спать ногами к изголовью, шевелить средним пальцем ноги, класть на порог топор и метлу крест-накрест, забить в двери отверстие от сучка, положить рядом с собой косу, нож или топор; можно задобрить змору, пригласив ее завтракать, произнести заклинание, трижды осеменить себя крестом и т.п. (см. [Czyżewski 1988]).

К разряду полудемонов принято относить и волколаков (*wilkołak*, *wilkołek*) — людей, наделенных магической способностью обращаться в волка по своему желанию или по воле другого человека, а затем снова принимать человеческий облик. Поверья о таких людях фиксировались с древних времен в разных частях Европы; в Польше они распространены главным образом в восточных регионах. По свидетельству XVI в., относящемуся к северо-восточной Польше, волколак превращался в волка два раза в год — на Рождество и в день Иоанна Крестителя; на какое-то время он уходил в лес и жил в волчьей стае. Народные представления о волколаках подразделяются на три типа: 1) человек сам способен превращаться в волка; 2) человек может быть навсегда или на время превращенным в волка каким-то другим человеком-демоном; 3) волколаки — это души умерших, отбывающих наказание в облике волка. В первом случае по существу имеется в виду ведьма (или колдун), способная превращаться в волка (обычно в определенные дни года), для этого она шла в лес и по семь раз обегала пять определенных деревьев, произнося заклинания, и постепенно обрастала шерстью, становилась волком и обретала волчьи повадки — нападала на скот своих соседей. Существовали и другие магические приемы, например, по поверьям гуралей, человек находил пень от срубленного дерева, вставал на него, прыгал вверх и в полете превращался в волка [Kaś XI, 435]. Это может быть также человек, родившийся с двумя душами, одна из которых осталась некрещеной, эта языческая («волчья») душа и заставляла его превращаться время от времени в волка.

Во втором случае чаще всего речь идет о ведьмаре, который способен превратить в волков всех участников свадьбы, обидевшись на то, что его не пригласили на свадьбу; рассказы с этим сюжетом широко распространены на востоке Польши и в соседних восточнославянских районах Полесья. К этому типу относятся и поверья о том, что из-за вражды или обиды отдельные люди могли превращать своих родственников, соседей или односельчан в волков с помощью определенных магических приемов.

Но особенно опасными считались волколаки третьего типа, т.е. грешники, отбывающие наказание в волчьем виде. Такой волк отличался от других своим большим размером, огромной головой, иногда двумя парами глаз; он мог

в некоторых случаях издавать человеческий голос; его нельзя было убить обычной пулей. Предводителем как настоящих волков, так и волколаков считался св. Николай, он же, по поверьям, защищал людей от волков и волколаков.

9. Заключение

Польская народная демонология, несмотря на сильное влияние религиозной культуры и католической церкви, сохранила немало архаических элементов дохристианских представлений о мире нечистой силы, объединяющих ее с другими славянскими традициями — западнославянской, восточнославянской и карпатской. В разных частях Польши (кашубы, Подгалье, Подлясье) они фиксировались в разной степени практически до конца XX в., а кое-где отмечались и в наши дни. В настоящем очерке сделан акцент именно на эти архаические элементы, которые могут служить основой будущей типологической классификации МП всех славян. Можно предположить, что наиболее значимыми признаками для типологического представления окажутся не целостные образы персонажей и не сферы их обитания (как это принято в традиционных описаниях), а прежде всего их функции (т.е. характерные действия, направленные на человека), подобно тому, как в типологии сказки В.Я. Проппа именно функции героев оказались наиболее значимыми. Многие из таких функций (отбирание молока у коров, кража и подмена детей, вызывание стихийных бедствий и болезней, приношение достатка и др.) характеризуют не индивидуальных МП, а оказываются общими для целого класса персонажей, различающихся по другим признакам (внешнему виду, местам обитания, происхождению, привычным занятиям и т.д.). Схематичные карты, составленные еще в 30-е годы прошлого века К. Мошинским, содержат пять карт, посвященных демонологическим верованиям: карта 20: Демоны и демонические души, в которых бьет молния; карта 21: Ареал поверий о русалке и козитке; карта 22: Ареал поверий о полуднице; карта 23: Демоны, похищающие и подменивающие ребенка (1) boginka, bogina itp., 2) mamuna, mamona, 3) sibela и т.п., 4) paniuńca, 5) odmienica и т.п., odmieniec, 6) dziwożona, dzika baba, 7) lisiwka, 8) diablica, czartica, 9) złe, zły duch, diabeł и т.п., 10) kraśnię, kraśnolud т.п.); карта 24: Демон, приумножающий достаток (1) chobołd, kobołd, 2) kołbuk, kłobuk, 3) atwor, aitvaras, 4) latawiec itp., 5) skrzat, skrzak, 6) plonek, 7) chowaniec и т.п., 8) domovik, 9) jaucier, 10) diabeł, zły duch и т.п., 11) inkluz, ankluz 12) sporysz, szporych, 13) źmieję, 14) другие) [Moszyński 1967, 736–740] (следует при этом учитывать, что на картах-схемах Мошинского территория Польши представлена в ее предвоенных границах, т.е. с включением западных районов Белоруссии, Украины и Литвы). Как карты Мошинского, так и Комментарии к «Польскому этнографическому атласу», где демонологические верования тоже представлены очень скупой и избирательно (поверья о смоке, вихре) [Lebeda 2002], тем не менее показывают, сколь резкие региональные и локальные явления и границы характеризуют польскую народную демонологию.

Таким образом, при всем обилии частных исследований по польской народной демонологии и наличии общих этнографических описаний, в которых демонологические поверья занимают немалое место, а также обобщающих трудов А. Брюкнера [Brückner 1920], Б. Барановского [Baranowski 1981] и Л. Пелки [Pełka 1987], полное системное представление этой сферы польской народной культуры остается делом будущего, особенно в отношении репрезентации региональных типов и различий [Поветкина 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.
- Поветкина П.Б. Проблема ареальных исследований мифологических представлений: польская зона на общеславянском фоне // *Slověne*. 2022/1 (v. 11). P. 65–85.
- Толстая С.М. Очерк польской народной демонологии. I. // *Славяноведение*. 2023. № 6. С 14–29.
- Baranowski B. *Kultura ludowa XVII–XVIII wieku na ziemiach Polski środkowej*. Łódź, 1971.
- Baranowski B. *W kręgu upiórów i wilkołaków*. Łódź: Wyd. Łódzkie, 1981.
- Bartmiński J., Kielak O., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych*. Lublin: UMCS, 2015.
- Brückner A. *Mitologia polska*. Kraków, 1920.
- Czyżewski F. 'Zmora' // *Etnolingwistyka*. 1. 1988. S. 133–143.
- Dźwigoł R. *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*. Kraków: Wyd. naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004.
- Kąś J. *Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej*. Bukowina Tatrzańska; Nowy Sącz, 2015–2019. T. 1–12.
- Kolberg O. *Dziela wszystkie*. T. 1–60. Wrocław; Poznań, 1961–1974.
- Kotula F. *Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci*. Warszawa: LSW, 1976.
- Krzyżanowski J. *Słownik folkloru polskiego* / pod. red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa: Wiedza powszechna, 1963. S. 81–83.
- Lebeda A. *Wiedza i wierzenia ludowe* // *Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*. T. 6. Wrocław; Cieszyn: PTL, 2002.
- Lehr U. *Wierzenia w istoty nadmysłowe* // *Etnografia Polska*. T. XXVIII. Z. 1. 1984. S. 223–250.
- Lehr U. *Wierzenia demonologiczne* // *Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego* / Red. A. Kowalska-Lewicka. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1985. S. 91–116.
- Marczewska M. *Ja cię zamawiam, ja cię wypędzam... Choroba. Studium językowo-kulturowe*. Kielce, 2012.
- Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian. T. II. Kultura duchowa*. Cz. 1. Warszawa: Książka i wiedza, 1967. Wyd. 2.
- Pełka L. *Polska demonologia ludowa*. Warszawa: Iskry, 1987.
- Sychta B. *Kaszubskie nazwy diabła* // *Język polski*. 1957. No. 1. S. 28–44.
- Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967–1976. T. 1–7.

Рукопись поступила в редакцию 25.08.2023

Рукопись принята к печати 04.12.2023

REFERENCES

- Baranowski B. *Kultura ludowa XVII–XVIII wieku na ziemiach Polski środkowej*, Łódź, 1971.
- Baranowski B. *W kręgu upiórów i wilkołaków*, Łódź, Wyd. Łódzkie Publ., 1981.
- Bartmiński J., Kielak O., Niebrzegowska-Bartmińska S. *Dlaczego wąż nie ma nóg? Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych*, Lublin, UMCS Publ., 2015.
- Brückner A. *Mitologia polska*, Kraków, 1920.
- Czyżewski F. 'Zmora'. *Etnolingwistyka*, 1, 1988, pp. 133–143.
- Dźwigoł R. *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*, Kraków, Wyd. naukowe Akademii Pedagogicznej Publ., 2004.
- Kąś J. *Ilustrowany leksykon gwary i kultury podhalańskiej*, Bukowina Tatrzańska, Nowy Sącz, 2015–2019, t. 1–12.
- Kolberg O. *Dziela wszystkie*, t. 1–60, Wrocław, Poznań, 1961–1974.
- Kotula F. *Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci*, Warszawa, LSW Publ., 1976.
- Krzyżanowski J. *Słownik folkloru polskiego*, pod. red. J. Krzyżanowskiego, Warszawa, Wiedza powszechna Publ., 1963, pp. 81–83.
- Lebeda A. *Wiedza i wierzenia ludowe, komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego*, t. 6, Wrocław, Cieszyn, PTL Publ., 2002.
- Lehr U. *Wierzenia w istoty nadmysłowe. Etnografia Polska*, t. XXVIII, z. 1, 1984, pp. 223–250.
- Lehr U. *Wierzenia demonologiczne. Studia z kultury ludowej Beskidu Sądeckiego*, red. A. Kowalska-Lewicka, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1985, pp. 91–116.
- Marczewska M. *Ja cię zamawiam, ja cię wypędzam... Choroba. Studium językowo-kulturowe*, Kielce, 2012.
- Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian, t. II, kultura duchowa*, cz. 1, Warszawa, Książka i wiedza, 1967, wyd. 2.
- Pełka L. *Polska demonologia ludowa*, Warszawa, Iskry, 1987.
- Povetkina P.B. *Problema areal'nykh issledovaniy mifologicheskikh predstavlenii; pol'skaia zona na obshcheslavyanskom fone*. *Slověne*, 2022/1 (v. 11), pp. 65–85. (In Russ.)

SD — *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, pod obshchei red. N.I. Tolstogo, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995–2012, t. 1–5. (In Russ.)

Sychta B. Kaszubskie nazwy djabła. *Język polski*, 1957, no. 1, pp. 28–44.

Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, Wrocław, Warszawa, Kraków, 1967–1976, t. 1–7.

Tolstaya S.M. Ocherk pol'skoi narodnoi demonologii I. *Slavyanovedenie*, 2023, no. 6, pp. 14–29. (In Russ.)

Received on 25.08.2023

Accepted on 04.12.2023

Информация об авторе:

Толстая Светлана Михайловна
доктор филологических наук
профессор, академик
Российской академии наук
зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Information about the author:

Svetlana M. Tolstaya
DSc. (Philology)
Professor, Academician
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4531-0024
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 2, с. 78–91

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 78–91

DOI: 10.31857/S0869544X24020074, EDN: zdmkbz

Оригинальная статья / Original Article

Лексическое своеобразие речи жителей г. Баня-Лука и его представление в лексикографии

© 2024 г. Д. Црняк¹, Е.И. Якушкина²

¹Банялукский университет
(Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина)

dijana.crnjak@flf.unibl.org

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

jkatia@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Аннотация. Статья посвящена лексическому своеобразию речи жителей столицы Республики Сербской, города Баня-Лука, являющихся носителями сербского литературного языка, по сравнению с речью жителей центральной Сербии и Белграда. В статье проанализированы устные и письменные тексты жителей Баня-Луки, а также анкеты, в которых опрашиваемые должны были заполнить пропуски в предложениях подходящими по смыслу словами. Исследование показало, что речь жителей Баня-Луки отличается низкая частотность региональной «западной» лексики; значительная лексическая вариативность, проявляющаяся в параллельном употреблении «западной» и «восточной» лексики как языковым коллективом в целом, так и отдельной языковой личностью; нейтрализация региональных различий в СМИ. Факт региональной специфики лексики жителей Баня-Луки не находит отражения в сербской толковой лексикографии, в которой понятие регионализма требует уточнения.

Ключевые слова: сербский язык, Баня-Лука, лексическая вариативность, лексикография, лексикология, регионализм.

Ссылка для цитирования: Црняк Д., Якушкина Е.И. Лексическое своеобразие речи жителей г. Баня-Лука и его представление в лексикографии // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 78–91. DOI: 10.31857/S0869544X24020074, EDN: zdmkbz

Lexical Peculiarities of Speech of the Residents of Banja Luka and its Representation in Lexicography

© 2024. Dijana Crnjak¹, Ekaterina I. Yakushkina²

¹University of Banja Luka
(Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Hercegovina)

dijana.crnjak@flf.unibl.org

²Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

jkatia@yandex.ru

The research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Abstract. The article is dedicated to the lexical peculiar features of the speech of residents of the capital of the Republika Srpska, the city of Banja Luka, who are native speakers of the Serbian literary language, compared with the speech of residents of central Serbia and Belgrade. The article analyzes the oral and written texts of the residents of Banja Luka, as well as questionnaires in which the respondents had to fill in the gaps in the sentences with semantically suitable words. The study showed that the regional 'western' vocabulary is not very frequent in the speech of the residents of Banja Luka; their speech is characterised by significant lexical variability manifested in the parallel use of 'western' and 'eastern' vocabulary, both by the language collective as a whole and by individuum; neutralisation of regional differences in the media is also an important feature of the speech of Banja Luka. The regional specificity of the vocabulary of the inhabitants of Banja Luka is not reflected in the Serbian lexicography, in which the concept of regionalism requires clarification by the compilers.

Keywords: Serbian language, Banja Luka, lexical variability, lexicography, lexicology, regionalism.

For citation: *Dijana Crnjak, Ekaterina I. Yakushkina. Lexical Peculiarities of Speech of the Residents of Banja Luka and its Representation in Lexicography // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedeniye. 2024. № 2. P. 78–91. DOI: 10.31857/S0869544X24020074, EDN: zdmkbz*

Баня-Лука, столица Республики Сербской, в настоящее время является административным и культурным центром западносербских земель. С языковой точки зрения город представляет собой очень сложное явление, своеобразный «языковой котел». Население Баня-Луки в XXI в. сложилось в результате интенсивного притока жителей из различных областей Боснии и Герцеговины и Хорватии, в речи которых отражаются следы разных народных говоров, что объясняется двумя обстоятельствами.

Война, которая велась на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины в 1991–1995 гг., вызвала большую волну беженцев, мигрировавших в этнически однородные места. На территории Республики Сербской наиболее значительный приток беженцев и переселенцев наблюдался именно в Баня-Луку как столицу, процесс культурной и языковой адаптации переселенцев шел очень медленно, в результате демографическая структура города была существенно изменена, что повлияло на язык и культуру региона. Кроме того, уже после окончания войны, т.е. за последние два десятилетия, в сельской местности

усилился процесс миграции в городские и пригородные районы, при этом приток переселенцев в крупнейший город Республики Сербской остался наиболее значительным¹. Эти процессы в большой степени отразились на языке Баня-Луки на всех уровнях языковой структуры, причем в новом варианте эта структура еще не устоялась.

Важной характеристикой языкового поведения жителей Баня-Луки как сейчас, так и ранее является частая смена кодов даже наиболее образованными жителями города. В официальном общении они используют грамматически правильные конструкции, а в кругу семьи часто прибегают к нестандартным диалектизмам (таким, как, например, стяжение гласных, нестандартные морфологические формы и синтаксические конструкции и т.д.).

Язык Баня-Луки может быть описан и как диалектное явление (примеры описания городских говоров в Югославии содержит исследование Т. Магнера [Magner 1983]²), однако в данной работе язык Баня-Луки рассматривается как форма реализации сербского литературного языка, как она представлена в СМИ, текстах в интернете и речи образованных носителей. Основное внимание в статье сосредоточено на выявлении лексических особенностей региона, отличающих его от Белграда³. Далее в статье региональная лексика Баня-Луки будет условно называться «западной», а лексика, характерная для центральной Сербии и Белграда – «восточной». Обращение к теме лексической вариативности в сербском языке связано с интересом авторов к интерпретации «западной» лексики в сербской лексикографии, толковой и двуязычной, и к проблеме описания (идентификации) этой лексики в двуязычном (сербско-русском) словаре.

Используемый нами термин «региональная лексика» применительно к сербскому литературному языку, хотя и применяется в сербской лексикографии, но не имеет четкого определения. В однотоном толковом словаре сербского языка помета «рег.» расшифровывается как «региональное, характерное (только) для определенных регионов, регионально маркированное»⁴. Однако остается неясным, идет ли речь о диалектизме или о слове, принадлежащем литературному языку. В настоящей статье мы предлагаем понимать западный регионализм как слово, которое является принадлежностью сербского литературного языка в западных областях его распространения и может иметь диалектное или книжное происхождение. В первом случае речь идет об автохтонной лексике сербского населения Боснии и Герцеговины (*мрква*, *грах*, *махуне* и т.д.), а во втором о распространении среди сербского населения этого региона лексем, возникших на территории Хорватии.

На лексическом уровне в языке жителей Баня-Луки наиболее значительные изменения произошли после распада языковой общности в 1990-х годах. Хотя различия и поверхностны, и не нарушают единства сербской лексической системы, однако многие носители сербского языка в Республике Сербской, и в том числе в Баня-Луке, в официальном общении часто прибегают к тому,

¹ Об изменении демографической ситуации в Баня-Луке и Республике Сербской после войны 1990-х годов см. [Маринковић, Маринковић 2007], а также указанную там литературу.

² Из новейших исследований городских говоров в славянских странах назовем монографию Я. Феллера «Городской полилингвизм в Центрально-Восточной Европе: польский диалект Львова в эпоху заката Габсбургской монархии» [Остапчук 2022].

³ Упомянем некоторые грамматические особенности, отличающие реализацию сербского литературного языка, характерную для Баня-Луки: склонение уменьшительно-ласкательных форм мужского рода типа *Перо* по типу на -а: *Перо* – *Пере*, *Јово* – *Јове*; славянский генитив при переходных глаголах в отрицательной форме: *они немају дјеце*, *ја немам куће*, *Марко нема мајке* и др.

⁴ РСЈ 2018, 14.

что они считают «более сербским» в синонимичных парах слов из повседневной жизни. При этом в кругу семьи и друзей жители Баня-Луки используют те лексемы, к которым они привыкли, например, *тлак* ‘давление’, *тлакомјер* ‘аппарат для измерения давления’, *зрак* ‘воздух’, *гра(х)* ‘фасоль’, *ма(х)уне* ‘стручковая фасоль’, *кава* ‘кофе’, *тука* ‘индейка’, *хлаче* ‘брюки’, *Бадњица* ‘Рождественский сочельник’, *цикла* ‘свекла’, *окус* ‘вкус’ и т.д. (данные лексемы характерны для территории Хорватии), а в официальной коммуникации их синонимы: *притисак*, *мјерач притиска*, *ваздух*, *пасуљ*, *боранија*, *кафа*, *хурка*, *панталоне*, *Бадњи дан*, *цвекла*, *укус* и т.д. (данные лексемы характерны для территории Сербии). Выработке такой нормы в большой степени способствуют СМИ, прежде всего телевидение, которое стремится к так называемой языковой корректности, забывая о том, что многие лексемы, воспринимаемые в наши дни как «хорватские», относятся и к сербскому лексическому наследию предыдущих эпох или к сербскому диалектному языку (например, *жлица* ‘ложка’ вместо турцизма *кашика*, *тисућа* ‘тысяча’ вместо грецизма *хиљада* и т.д.).

Для описания лексических особенностей речи жителей Баня-Луки в качестве источников мы использовали результаты анкетирования образованных носителей сербского языка, большую часть жизни проживших в Баня-Луке, тексты частных объявлений, тексты городского форума, разнообразные публикации в интернете и передачи на телевидении Республики Сербской, записи спонтанной диалоговой речи.

1. Анализ данных устной речи. Прослушивание передач телевидения Республики Сербской показывает практически полное отсутствие лексических особенностей, которые бы отличали его язык от языка телевидения в Белграде (в передаче, посвященной событиям гражданской войны за 90 минут из территориально маркированных слов встретилось только слово *суборац*). Это является, во-первых, следствием того факта, что в официальном узусе Республики Сербской принято ориентироваться на белградскую лексическую норму и избегать локальных особенностей. Во-вторых, это можно связать с тем, что частотность региональных лексем в речи очень низкая, что доказывает и анализ аудиозаписей спонтанной диалоговой речи жителей Баня-Луки.

Мы располагали пятью часами аудиозаписей индивидуальных бесед с четырьмя информантами женского пола возраста около 50 лет. Информантка А родилась в Боснии (Сански Мост), какое-то время жила в Белграде и с 2001 г. проживает в Баня-Луке. Информантка Б родилась в Баня-Луке, но с 2016 г. проживает за границей. Информантка В родилась и проживает в Баня-Луке, информантка Г родилась в окрестностях Баня-Луки, но с 1994 г. проживает в г. Нови-Сад. В речи информантки А из региональных слов были употреблены слова *колегица* ‘коллега (о женщине)’, *кухање* ‘приготовление еды’, *рижа* ‘рис’ (белград. *колегиница*, *кување*, *пиринач*) и *герма* ‘дрожжи’, причем последнее является диалектным. В речи информанток Б и В встретилось только слово *скухати*, *скухам* ‘сварить, сварю’ (белград. *скувати*, *скувам*). При этом на фонетическом и синтаксическом уровне маркированных элементов встретилось больше. В речи информантки Г мы не обнаружили никаких региональных особенностей, кроме иекавского типа произношения.

2. Анализ данных письменной речи. В спонтанной письменной речи, как и в устной, частотность региональных слов также очень мала. При сплошном чтении записей с начала 2000-х годов по настоящий момент на форуме

г. Баня-Лука⁵ в рубрике «*Novosti i dešavanja*» (Новости и события) обнаружилось всего несколько территориально маркированных лексем или лексем, которые можно считать таковыми, самая частотная из них — *вани* ‘снаружи, на улице’ (белград. *napoљу*)⁶. Приведем и другие примеры.

Пас га је угризао за вену (Собака **укусила** его в вену) (белград. *ујео*).

Шта сад, одох ја да нађем себи за авлију 3–4 вука и наравно да их пуштам да шећу по улици (Что же делать, пойду найду для своего двора 3–4 волка и, естественно, буду их выпускать **гулять** по улице) (белград. *шетају*).

Ма да чим интерес опадне за нечим новим ту ће опет dolaziti većinom само локалци (Как только **интерес** к новому пройдет, сюда будут приходить только жители этого района) (белград. *интересовање*).

Дижу цијену хљеба 10 пф као да је потребан литар горива за сваки комад круха (Поднимают цену на хлеб на 10 пфеннигов, как будто для производства куса **хлеба** нужен литр топлива) (белград. *хлеба*).

Kada dijete dobije neki dar (Когда ребенок получает **подарок**) (белград. *поклон*).

Ajmo malo informacija sa terena za nas koji nismo tu da punimo vrece sa pjeskom sa vata (Можно ли немного информации с места событий для тех, кто не может вместе с вами наполнять **мешки** песком) (белград. *цак*).

Актуална власт (актуальная власть) (белград. *актуелна*); *жена средње доби* (женщина средних лет) (белград. *средњих година*).

Невелика частотность региональных слов и в частных объявлениях на сайте <https://oglasi.banjaluka.com>, круг их также очень ограничен. В основном это слова, связанные с темой сдачи жилья в аренду, продажи и устройства на работу: *студенткица* ‘студентка’ (белград. *студенткиња*), *трговац* ‘продавец’ (белград. *продавац*), *кухар* ‘повар’ (белград. *кувар*), *изнајмљивати стан* ‘сдавать квартиру’ (белград. *издавати*), *бочица за инјекцију* ‘флакон для инъекций’ (белград. *флашица*), *ужитак приликом масаже* ‘получение удовольствия от массажа’ (белград. *уживање*), *кориштење* ‘использование’ (белград. *коришћење*), *летна кухиња* ‘летняя кухня’ (белград. *летња*), *дулум* (0,1 гектара) (в Белграде эта единица не используется).

Целенаправленный поиск употребления региональных лексем (например, *кухати* ‘варить’, *кухар* ‘повар’⁷, *врхње* ‘сливки’, *рижа* ‘рис’, *мрква* ‘морковь’, *цикла* ‘свекла’, *хреновке* ‘сосиски’, *махуне* ‘стручковая фасоль’, *грах* ‘фасоль’, *плин* ‘газ’) в письменной речи жителей Баня-Луки через Google дает примеры их регулярного использования, причем, как правило, в каждом из этих текстов обнаруживаются и другие региональные лексемы: *телећа јетра* ‘телячья печень’ (белград. *цигерица*), *пачја прса* ‘утиная грудка’ (белград. *груди*), *директорица* ‘директор (о женщине)’ (белград. *директорка*), *намочити* ‘залить (водой)’ (белград. *натопити*), *половица* ‘половина’ (белград. *половина*), *расхладити* ‘остудить’ (белград. *охладити*) и др. Приведем некоторые тексты.

Vodeći se tim da je hrana toliko univerzalno kulturno iskustvo da uključuje baš sve ljude na svijetu, u Banjaluci je otvorena prva radionica kuhanja «Kuhinjica». Osmišljena kao savršeno mjesto za sve one koji žele naučiti kuhati, ali i one koji se žele profesionalno baviti ovim poslom... Iza cijelog idejnog projekta stoji... direktorica «Kuhinjice» za BiH (Поскольку еда — это универсальный факт культуры, объединяющий всех людей на земле, в Баня-Луке решили открыть первую студию кулинарного

⁵ <https://www.banjalukaforum.com>. (accessed: 07.02.2023).

⁶ Подробно об употреблении слов *ван* и *напоље* см. [Савић 2019].

⁷ Широкому распространению форм *кухати*, *кухар* и т. п. с этимологическим х, как заметил проф. Данко Шипка, отчасти способствует хорватская реклама (устное сообщение).

искусства «Кухонька». Ее создали как идеальное место для всех, кто хочет научиться готовить, а также для тех, кто хочет этим делом заниматься профессионально... За этим проектом стоит директор «Кухоньки» по Боснии и Герцеговине)⁸.

Љетно освежење: Кремасти колач са нектаринома

За крему: 200 г мљевеног...кекса, 500 мл *врхња* за шлаг, 200 мл *киселог врхња* (Чтобы освежиться летом: кремное пирожное с нектаринами. Для крема: 200 г молотого... печенья, 500 мл сливок для взбивания, 200 мл сметаны)⁹.

Na dijete sam od tada, pijem čajeve i jedem samo kuhano i kašasto. Ne jedem voće, od povrća samo krompir kuhani i mrkvu i tikvice (С тех пор я на диете, пью чай и ем только вареное и жидкое. Не ем фрукты, из овощей только вареный картофель, морковь и кабачки)¹⁰.

Выбор говорящим той или иной речевой стратегии и конкретно лексемы может быть результатом действия разных факторов. Рассказывая о своем языковом опыте и опыте своих близких, информанты, в беседе с которыми записывалась живая речь (см. выше), приводили такие примеры. Хотя одна из информантов обычно использует слово *рижа*, однако для обозначения необработанного риса она использует название *интегрални пиринач*, поскольку с этим продуктом познакомилась в то время, когда жила в Нови-Саде. Об опыте своих родственников, рожденных в Боснии, но сейчас проживающих в Сербии, информантки рассказывают следующее: женщина, проживающая в Нови-Саде, выйдя замуж, под давлением окружения, негативно относившегося к иекавице, перешла на экавицу, но после развода вновь вернулась на иекавицу, которой пользуется и в разговоре со своей дочерью, разговаривающей на экавице. Возвращение к родному произношению она мотивирует желанием сохранить его как факт сербского культурного наследия вопреки давлению экавской среды¹¹. По рассказам информантов, их родственники в зависимости от жизненных обстоятельств переходят с иекавицы на экавицу или сохраняют родное произношение: мужчина, работающий в Белграде, перешел на экавицу, при этом его мать, также живущая в Белграде, сохранила иекавицу. Некоторые из информантов, которые заполняли анкеты (о них см. ниже), отмечали трудности, которые они испытывали с освоением новой лексики после переезда в Баня-Луку.

Сложности лексической номинации в Боснии и Герцеговине посвящена следующая запись с банялукского форума.

Bila jednom jedna Mljekara proizvodila je Pavlaku ili Povlaku – šta je pisalo na proizvodu? Ko se sjeća? – Pisalo ljudi vrhnje. Ja ga milion puta kupovao. I u kuci se govorilo vrhnje. Ja poceo pa(o)vlaka upotrebljavati «tek» prije 20 godina. – Pitaj Tatu i Mamu oni sigurno znaju a ja mislim da je pisalo vrhnje (Был когда-то молочный завод, который выпускал сливки. Что именно было написано на упаковке? Кто помнит? – Было написано *vrhnje*. Я их миллион раз покупал. И дома

⁸ <https://www.nezavisne.com/zivot-stil/hrana-pice/U-Banjaluci-otvorena-prva-radionica-kuhanja/698481> (accessed: 16.02.2023).

⁹ <https://www.glassrpske.com/cir/zivot-stil/hrana-pice/ljetno-osvjezenje-kremasti-kolac-sa-nektarinama/372135> (accessed: 16.02.2023).

¹⁰ <https://simptomi.rs/baza-znanja/bolesti-organa-za-varenje-gastroenterologija-pitanja-i-odgovori/5277-moze-li-upala-zucnih-vodova-biti-prisutna-a-da-nije-vidljivo-na-ultrazvuku> (accessed: 16.02.2023).

¹¹ Информантка приводит много примеров негативной оценки иекавского произношения в экавской среде, а также ассоциативной связи иекавского произношения с необразованностью и низким культурным уровнем. По ее мнению, многие экавцы не знают, что иекавское произношение является нормативным так же, как экавское.

мы говорили *vrhnje*. Слово *pa(o)vlaka* я начал использовать только 20 лет назад. Спроси папу или маму, они точно знают, но я думаю, что было написано *vrhnje*)¹².

Смену дублетных лексем в рамках одного высказывания иллюстрируют следующие тексты.

*Neka voda u kojoj se kuhala riža postane dio vaše bjuti rutine. Azijatkinje vijekovima unazad koriste **pirinčanu vodu** u službi ljepote... Nježna struktura **rižine vode** umiruje iritiranu kožu, posvjetljuje ten... Istraživanja su dokazala da **rižina voda** blagotvorno utiče na kožu koja je iritirana nakon sunčanja* (Рисовый отвар должен стать частью ухода за Вашей кожей. Жительницы Азии еще много веков назад использовали воду от риса в косметических целях... Нежная структура рисовой воды успокаивает раздраженную кожу, улучшает ее цвет... Исследования показали, что рисовая вода благотворно влияет на кожу, покрасневшую на солнце)¹³. *Половину креме оставити по страни, а у другу **половицу** умјешати ручно мљевени кекс* (Половину крема отложить, а другую половину смешать с вручную смолотым печеньем)¹⁴.

Рынок в Баня-Луке называется *тржница*, но в тексте об этом рынке используется и слово *пијачни*: *Тржница Бања-Лука. Пијачни барометар актуелне цијене воћа и поврћа на дан* (Рынок Баня-Лука. Рыночный барометр актуальных цен на фрукты и овощи в течение дня)¹⁵.

Варьирование лексем в пределах одного высказывания может быть связано с тем, что у регионального и общесербского слова — разные стилистические и прагматические характеристики. В следующем тексте как нейтральное говорящий использует слово *хлеб*, а в составе устойчивого сочетания «кусоч хлеба» — *крух*: *Дижу цијену **хљеба** 10 пф као да је потребан литар горива за сваки комад **круха*** (Поднимают цену на хлеб на 10 пфеннигов, как будто для производства куса хлеба нужен литр топлива)¹⁶.

3. Анализ данных анкеты. Анкету, которая проанализирована в статье, составила Д. Црняк на основании собственных наблюдений над различиями в речи жителей Баня-Луки, Белграда и Нови-Сада. Пункты анкеты, которая состоит из 124 пунктов, представляют собой предложения, в которые необходимо самим вставить пропущенное слово или выбрать один из вариантов ответа. Вот фрагмент анкеты.

Морам творити прозор да у собу уђе мало свјежег _____ (Нужно открыть окно, чтобы в комнату вошел свежий...).

Данас је веома хладно, вјетар баш јако _____ (Сегодня очень холодно, ветер очень сильно...).

Прехладио сам се, доктор мисли да имам _____ плућа (Я простудился, доктор думает, что у меня... легких).

Од свих махунарки наш народ најчешће једе _____ и _____, мада ја веома волим и грашак и сочиво/ леђу. (Из всех бобовых наш народ больше всего ест..., хотя я люблю и горошек, и чечевицу).

¹² <https://www.banjalukaforum.com> (accessed: 16.02.2023).

¹³ <https://www.banjaluka.com/magazin/moda/voda-u-kojoj-se-kuhala-riza-sprecava-nastanak-bora/> (accessed: 16.02.2023).

¹⁴ <https://www.glassrpske.com/cir/zivot-stil/hrana-pice/ljetno-osvjezenje-kremasti-kolac-sa-nektarinama/372135> (accessed: 16.02.2023).

¹⁵ <http://www.trznica-bl.com> (accessed: 16.02.2023).

¹⁶ <https://www.banjalukaforum.com> (accessed: 16.02.2023).

Никад не идем у пекару, код куће редовно правим _____ (Я никогда не хожу в пекарню, дома регулярно пеку...).

Мама ме је послала да купим павлаку/ врхње за кафу (Мама меня послала купить сливки для кофе).

Всего было собрано 32 анкеты от информантов, имеющих высшее образование или обучающихся в данный момент в университете. Большую часть информантов составляют преподаватели, родившиеся в 1970-е или 1980-е годы и проживающие в Баня-Луке всю или большую часть жизни, а также студенты-филологи, родившиеся в 2000-е годы. Если более точно характеризовать состав информантов, то он был следующим¹⁷.

Возраст:

47% приблизительный возраст 40–50 лет;

31% приблизительный возраст 20 лет;

9% приблизительный возраст 30 лет;

6% приблизительный возраст 60 лет;

3% приблизительный возраст 70 лет.

Род занятий:

40% студент-филолог;

34% университетский преподаватель-филолог;

3% школьный учитель;

13% прочие профессии умственного труда.

Годы проживания в Баня-Луке:

44% проживают в Баня-Луке с рождения;

22% проживают в Баня-Луке с 1990-х годов;

9% проживают в Баня-Луке с 2000-х годов;

9% проживают в Баня-Луке несколько лет (студенты, приехавшие на обучение);

3% проживает в Баня-Луке большую часть жизни;

3% проживает в Баня-Луке с 2012 г.

Временное проживание на территории Сербии (в основном в 1990-е годы): 20% опрошенных.

Анкетирование показало, что типичной ситуацией в речи жителей Баня-Луки является лексическая интерференция или **варьирование** лексем, характерных для восточной части сербского языкового пространства и для западной. Варьирование наблюдается, во-первых, в языковом сообществе как целом. Это проявляется в том факте, что на большинство вопросов получены различные ответы. Приведем статистику по первым 20 вопросам анкеты (цифрами обозначено число информантов, употребивших лексему; полужирным выделены слова, относительно которых информанты отметили, что они их употребляют в кругу семьи):

1) ваздух (16); зрак (7); зрак/ ваздух (5); ваздух/ **зрак** (4) ('воздух');

2) дува (20); пири (2); дува/ пири (6); дува/ пуше (3); **пири, пува, пуше** (4) ('дуть');

3) упала (31); упала/ запаљење (1) ('воспаление');

4) гра(х) (17); пасуљ (6); пасуљ/ гра(х) (7); **гра** (5) ('фасоль');

5) ма(х)уне (19); боранија (1); боранија/ махуне (5) ('стручковая фасоль');

6) лећа (5); сочиво (6); сочиво/ лећа (12) ('чечевица');

7) хљеб (18); крух (2); хљеб/ кру(х) (10); **кру(х), крув** (6) ('хлеб');

8) врхње (7); павлака (6); павлака/ врхње (12); **врхње** (2); **повлака** (1) ('сливки');

9) пробава (10); варење (17); варење/ пробава (4) ('пищеварение');

¹⁷ По некоторым информантам нет данных.

- 10) ћурка (20); тука (5); ћурка/ тука (5); **тука** (1) ('индейка');
- 11) вјерио (14); заручио (6); заручио/ вјерио (12); **заручио** (1) ('обручился');
- 12) домовина (13); отаџбина (9); домовина/ отаџбина (8) ('родина');
- 13) посудити (19); позајмити (2); посудити/ позајмити (5) ('одолжить');
- 14) степениште (6); стубиште (16); степениште/ стубиште (10) ('лестница');
- 15) провјетрим (7); израчим, прозрачим (9); провјетрим/ израчим (прозрачим) (15); излуфтам (4); **израчим** (2); **излуфтам** (1) ('проветрить');
- 16) промаја (11); пропух (3); промаја/ пропух (17), **пропух** (1) ('сквозняк');
- 17) сигурност (5); безбједност (10); безбједност/ сигурност (17) ('безопасность');
- 18) учествујем (26); учествујем/ судјелујем (6) ('участвовать');
- 19) поклон (29); поклон/ дар (3) ('подарок');
- 20) проналасци (8); изуми (4); проналасци/ изуми (20) ('изобретения').

Во-вторых, и это уже видно из приведенных примеров, вариативность характерна для речи конкретных носителей языка. На большинство вопросов значительная часть информантов предлагала в качестве ответа две лексемы. Параллельный опрос, который удалось провести среди студентов Белградского и Крагуевацкого университетов, показал, что в ответах этих информантов вариативность отсутствует: как правило, опрошенные предлагали только один ответ на вопрос.

Некоторые ответы, включающие несколько лексем, удивляют всевозможными комбинациями. Например, на вопрос: *Сокови и пиво продају се у флашама/ боцама и у лименкама/ конзервама* (Соки и пиво продаются в бутылках и в жестяных банках) были получены следующие варианты ответов:

1. *Флашама, лименкама;*
2. *Флашама, конзервама;*
3. *Флашама, лименкама/ конзервама;*
4. *Флашама/ боцама и лименкама/ конзервама;*
5. *Флашама/ боцама и лименкама;*
6. *Флашама/ боцама и конзервама.*

Единственный вариант, который не был получен – это вариант со словом *боца* как единственным обозначением бутылки. Интересный пример комбинации лексем разной территориальной принадлежности представляет собой ответ на вопрос, как называется давление и аппарат для его измерения, на который 26 опрошенных ответили: *притисак*, но *тлакомјер*.

Можно, однако, выделить группу слов, которые употребляются в речи жителей Баня-Луки более-менее стабильно в одном варианте, «восточном», т.е. том, который характерен для белградской речи, или «западном», который для нее нехарактерен.

Среди лексики западного типа устойчиво употребляются слова (в скобках приведены варианты ответов): *професорица* 'преподавательница' (без вариантов), *смеће* 'мусор' (*смеће/ ђубре* 1), *мрква* 'морковь' (*мрква/ шаргарепа* 2), *плин* 'газ' (*гас* 1; *плин/ гас* 1), *докторица* 'женщина-врач' (*докторка* 2), *разредник* 'классный руководитель' (*разредни* 2), *жельезо* 'железо' (*гвожђе* 2, причем один ответ получен от информанта-переселенца из Черногории; *жельезо/ гвожђе* 3), *рижа* 'рис' (*пиринач* 1; *рижа/ пиринач* 2), *штрампле* 'теплые колготки' (*хулахопке* 1; *штрампле/ хулахопке* 4), *кино* 'кинотеатр' (*биоскоп* 2; *кино/ биоскоп* 3), *спужва* 'губка' (*спужва/ сунђер* 3), *врећа* 'мешок' (*врећа/ џак* 7), *месница* 'мясная лавка' (*месара* 2; *месница/ месара* 3), *шпинат* 'шпинат' (*спанаћ* 3; *шпинат/ спанаћ* 2), *футрован* 'на подкладке' (*постављен* 1, *футрован/ постављен* 5),

пунац, **пуница** ‘тесть, теща’ (пунац/ таст, пуница/ таишта 7), **кихати** ‘чихать’ (кијати 2; кихати/ кијати 5), **зарез** ‘запятая’ (запета 1; зарез/ запета 8), **шиљало** ‘точилка’ (оштрило 2; машиница 2; машиница/ шиљало 3; шиљало/ оштрило 6; шиљило/ зарезач 1; шиљало/ шиљило 1), **куја** ‘собака’ (керуша 4; куја/ керуша 1), **грипа** ‘грипп’ (грипа/ грип 8; грип 2), **тава** ‘сковорода’ (тигањ 2; тава/ тигањ 4), **хлаче** ‘брюки’ (панталоне 4; хлаче/ панталоне 3), **тинта** ‘чернила’ (мастило 2; тинта/ мастило 3), **дека** ‘одеяло’ (хебе 4; дека/ хебе 6).

Также можно выделить «западные» лексемы, которые употребляются не столь устойчиво, но все же в большинстве случаев: **посудити** ‘одолжить’ (20), **сластичарна** ‘кондитерская’ (18), **осјећај** ‘чувство’ (17), **пришт** ‘вяленое мясо’ (22), **маслац** ‘сливочное масло’ (14 + 17 **путер**/ **маслац**).

Из «восточных» слов стабильно употребляются следующие: **пријатно** ‘приятного аппетита’, **дуже** ‘длиннее’, **дезен** ‘расцветка’ (без вариантов), **упала** ‘воспаление’ (упала/ запаљење 1), **поклон** ‘подарок’ (поклон/ дар 3), **учествујем** ‘участвую’ (учествујем/ судјелујем 6), **вијек** ‘век’ (стољење 1; вијек/ стољење 4), **тро-тоар** ‘тротуар’ (тро-тоар/ плочник 3), **молер** ‘маляр’ (кречар/ молер 1), **утисак** ‘впечатление’ (утисак/ дојам 2), **кајсије** ‘абрикосы’ (марелице 4; кајсије/ марелице 5), **фудбал** ‘футбол’ (фудбал/ ногомет 1), **сирће** ‘уксус’ (сирће/ оцат 2), **шпорет** ‘плита’ (пећ 2; шпорет/ пећ 1), **рерна** ‘духовка’ (пећница 1; пећ 1; рерна/ пећница 1), **аванс** ‘аванс’ (аванс/ предујам 3), **интересовање** ‘интерес’ (занимање 2; интересовање/ занимање 1), **сиперак** ‘слюнявчик’ (сиперак/ портикла 2), **гарантовати** ‘гарантировать’ (јамчити 1; гарантовати/ јамчити 4), **цвекла** ‘свекла’ (цикла 2; цвекла/ цикла 3), **караван** ‘колонна (машин)’ (каравана 1; караван/ каравана 2), **оковратник** ‘воротник’ (овратник 1; оковратник/ овратник 3), **течност** ‘жидкость’ (течност/ текућина 9), **пануче** ‘тапочки’ (патофне 1), **гегиче** ‘комбинезон’ (зекице 2).

Также достаточно часто употребляются лексемы: **минђуше** ‘серьги’ (22), **Швајцарска** ‘Швейцария’ (21), **пешир** ‘полотенце’ (20), **дува** ‘дует’ (20), **пијаца** ‘рынок’ (18), **нихтије** ‘холодец’ (14).

Есть случаи, когда наиболее частой и устойчивой формой лексической реализации является дублетность: **рачунар/ компјутер** ‘компьютер’ (23), **право/ равно** ‘прямо’ (20), **вани/ напољу** ‘на улице’ (20).

Примерно равное число случаев преимущественного употребления «западных» и «восточных» лексем также свидетельствует о лексической интерференции в рассматриваемом регионе.

Кажется, невозможно проследить четкую и однозначную связь между происхождением информанта и его языковым поведением. Информант, проживший в хорватском городе Хрватска Костайница более двадцати лет и единственный из опрошенных употребляющий слово **ногомет** ‘футбол’, употребляет и слова **мастило** ‘чернила’ и **биоскоп** ‘кинотеатр’, которые предложили только пять информантов (скорее всего, это объясняется тем, что информант учился в Приштине).

Надо отметить открытость речи образованных жителей Баня-Луки диалекту и соответственно широкое использование диалектизмов в речи образованных носителей языка из этого города. В случаях, когда информант маркирует какое-то слово как «семейное», трудно определить, является оно диалектизмом или литературным словом (см. выше примеры «семейных» слов). Иллюстрацией явного диалектного влияния могут послужить используемые информантами названия двоюродной сестры: **нерођена сестра**, **родица** (в этом значении в РСЈ 2018 слово отсутствует и зафиксировано только в значении

«родственница»), *мала сестра* (употребляется в окрестностях Мркониц-Града (записи Е. И. Якушкиной)).

«Западные» лексемы иногда самими опрошенными маркируются как слова, употребляемые в кругу семьи. Именно так некоторые опрошенные маркируют слова *зрак* ‘воздух’, *гра* ‘фасоль’, *ма(х)уне* ‘стручкова фасоль’, *кру(х)* ‘хлеб’, *врхње* ‘сливки’, *израчити* ‘проветрить’, *пропук* ‘сквозняк’, *хлаче* ‘штаны’, *ручник* ‘полотенце’, *двигце* ‘двойки’, *трице* ‘тройки’, *четвртице* ‘четверки’, *тека* ‘тетрадь’, *сластичарна* ‘кондитерская’, *колегица* ‘коллега’, *текућина* ‘жидкость’, *цикла* ‘свекла’, *копар* ‘укроп’, *равно* ‘прямо’, *кава* ‘кофе’, *Швицарска* ‘Швейцария’, *грипа* ‘грипп’.

Проблему оценки элементов высказывания как диалектных можно (и следует) рассматривать шире. Каковы критерии атрибуции текста образованного жителя Баня-Луки как литературного или как диалектного? Где проходит граница между литературным текстом с использованием региональных слов и диалектным текстом, учитывая то, что герцеговинско-краинский диалект лежит в основе сербского литературного языка, и его система, естественно, очень близка к литературной? На эти вопросы только предстоит ответить¹⁸.

В приведенном выше списке «западных» слов, которые наиболее активно употребляются жителями Баня-Луки, ни одно слово в издании однотомного толкового словаря РСЈ 2018 г. не имеет пометы «рег.». Три слова из этого списка в словаре отсутствуют: *футровати* ‘посадить на подкладку’, *штрампле* ‘колготки’ и *шпинат* ‘шпинат’ (есть только *штрамплице* ‘штанишки для новорожденных’). Часть слов имеют толкования, в конце которых приводится «восточный» синоним, а часть не имеет своего толкования, а снабжается отсылкой к «восточному» слову (обращает на себя внимание, что даже столь маркированное слово как *хлаче* получает толкование, а не отсылочную дефиницию).

Приведем примеры:

железо жек. **жељезо** с (мн. ѓ) **в. гвожђе**;

кино м и с (мн. с) грч. *дворана где се приказују филмови, биоскоп*;

месница ж **в. месарница**;

мрква ж (ген. мн. мркава и мркви) бот. и агр. *двогодишња, ређе једногодишња зельаста биљка Daucus carota из ф. Umbelliferae; подврста те биљке D. с. hortensis која се гаји због вретенастог, обично црвеножућкастог, корена богатог каротином, шаргарепа; задебљали вретенасти коренови (или појединачан корен) те биљке који служе за исхрану, шаргарепа*;

плин м чеш. (мн. плинови) **гас** (као гориво за грејање, кување, као погонско гориво и др.); *тело у гасовитом стању уопште*;

пунац, -нца м **женин отац, таст**;

разредник м шк. *наставник који је задужен да брине о једном разреду, разредни старешина*;

рижа ж лат. бот. и агр. **в. пиринач**;

спужва **в. сунђер**;

¹⁸ Необходимо, вероятно, выработать список признаков, которые бы позволяли определить текст жителя Баня-Луки как факт диалектной речи (ср. [Конер, Макарова, Соболев 2019]). Возможно, к речи жителей Баня-Луки в некоторых случаях можно было бы применить понятие «региолект». Ср. следующее наблюдение и утверждение относительно русской ситуации: «Во многих провинциальных российских городах в речи жителей со средним или даже высшим образованием сохраняются, хотя и минимально, наиболее устойчивые черты местного говора. Регионально (локально) окрашенный вариант ЛЯ (литературного языка) — речь образованного населения, в которой сохранились не затрудняющие коммуникацию фонетические и/или лексические черты тех диалектов, которые окружают город» [Букринская, Кармакова, 2012, 19].

тава ж тур. *кухињски суд са дугачком дришом за пржење јела и зачина, тигањ*;
тинта ж итал. *мастило, црнило*. • симпатетична, хемијска ~ *безбојна, невидлива тинта која постаје видљива грејањем или помоћу хемикалија*;
хлаче, хлача ж мн. *панталоне*: кратке ~, дуге ~, мушке ~.

Такое же наблюдение высказывает и Виктор Савич, правда, на материале предыдущего, первого издания однотомного толкового словаря: «В “Словаре сербского языка” (2007) так же, как и в предшествовавших ему словарях, не отдается предпочтение одному или другому варианту (“восточному” или “западному”), но они рассматриваются как синонимы. Лексемы получают почти тождественные толкования, а потом устанавливается и эквивалентность между ними» [Савић 2019, 124]. В. Савич, характеризуя лексикографическое представление в словаре 2007 г. слов *вани* и *напољу* оценивает этот подход положительно: «Складывается впечатление, что это уравновешенный подход, что он учитывает разнообразие в жизни сербского языка во всех его формах, не настаивая поверхностно на том, чтобы представить ту ситуацию, которая распространена наиболее широко в самом большом, но не единственном сербском центре» [Ibidem].

Отдельного внимания заслуживает географическая атрибуция акцентологических, морфологических и словообразовательных вариантов в толковом словаре 2018 г. В качестве примера приведем слова *аутократа* (*аутократ*) ‘автократ’, *аутобуски* и *аутобусни* ‘автобусный’, *атомски* и *атомни* ‘атомный’, слова на *-иста*. В Баня-Луке распространены те же формы, что и в Белграде (*аутократа*, *аутобуски*, *атомски*), в связи с этим встает вопрос, какова географическая характеристика вариантов применительно к сербскому языку?¹⁹

Корифей сербской двуязычной лексикографии, редактор русско-сербского словаря Боголюб Станкович проблеме учета лексической нормы сербского литературного языка при составлении двуязычного словаря посвятил отдельную статью. Он отмечает, что «приступая к созданию двуязычного словаря, лексикограф должен ясно определить свое отношение к многослойной и разнообразной вариативности и в ходе работы над словарем разрешить многочисленные проблемы литературной нормы сербского языка» [Станковић 1999, 66]. Один из выводов Б. Станковича касается непосредственно нового сербско-русского словаря: «только в большом словаре пассивного типа, предназначенного для иностранцев, можно было бы нарушить компактность доминирующей сербской лексической системы за счет внесения лексики вышеупомянутого типа... с обязательным указанием на ее окрашенность и ограничение географического распространения» [Ibid., 69–70].

Проблема лексической (и словообразовательной) вариативности в сербском литературном языке нуждается в дальнейшей и более глубокой разработке, в частности, для нужд лексикографии²⁰. Следующим этапом настоящего исследования станет анализ речи жителей более восточных регионов Республики Сербской, прежде всего Требиня. В перспективе планируется сопоставить данные анкет из Баня-Луки с данными анкет из других городов Белграда, Нови-Сада и Крагуевца.

¹⁹ Первое издание однотомного толкового словаря (2007) критиковали за то, что он содержит слова, не характерные для сербского литературного языка. Авторитетнейший сербист и лексикограф В.П. Гудков в рецензии на первое издание однотомного толкового словаря сербского языка эту группу лексики в составе словаря прямо называет «значительным слоем хорватизмов» [Гудков 2009, 486]. На эту проблему указывает и В. Савич: «встречаются критические отзывы относительно того, что в нем (т.е. в словаре 2007 г. — Я.Е., Ц.Д.) встречаются словарные статьи и толкования, отражающие сербскохорватское наследие» [Савић 2019, 123].

²⁰ Ср. прекрасную лексикографическую разработанность вопроса территориальной вариативности для испанского языка [Садиков 2018, 267].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- РСЈ – Речник српског језика. Београд, 2018.
<https://www.banjalukaforum.com>
<https://www.nezavisne.com/zivot-stil/hrana-pice/U-Banjaluci-otvorena-prva-radionica-kuhanja/698481>
<https://www.glassrpske.com/cir/zivot-stil/hrana-pice/ljetno-osvjezenje-kremasti-kolac-sa-nektarinama/372135>
<https://simptomi.rs/baza-znanja/bolesti-organa-za-varenje-gastroenterologijapitanja-i-odgovori/5277-moze-li-upala-zucnih-vodova-biti-prisutna-a-da-nije-vidljivo-na-ultrazvuku>
<https://www.banjaluka.com/magazin/moda/voda-u-kojoj-se-kuhala-riza-sprecava-nastanak-bora/>
<https://www.glassrpske.com/cir/zivot-stil/hrana-pice/ljetno-osvjezenje-kremasti-kolac-sa-nektarinama/372135>
<http://www.trznica-bl.com>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Букринская И.А., Кармакова О.Е. Диалект – региолект – региональный вариант литературного языка // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 27–28 октября 2012 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2012. С. 17–19.
- Гудков В.П. О составе словника (вокабулара) однотоного словаря сербского языка (заметки пользователя) // Славистика. Књ. 13. 2009. С. 483–486.
- Конер Д.В., Макарова А.Л., Соболев А.Н. Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 17–34.
- Маринковић Б., Маринковић Д. Просторно-демографске посљедице процеса избјеглиштва у Републици Српској // Демографија. 2007. Књ. 4. С. 117–128.
- Остапчук О.А. Feller J. Urban Multilingualism in East-Central Europe: The Polish Dialect of Late-Habsburg Lviv. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2020. 296 p. // Славяноведение. 2022. № 6. С. 134–139.
- Савић В. Ван и напоље, њима сродне и с њима повезане речи у српском језику: прилог проучавању // Научни састанак слависта у Вукове дане. Бр. 48/1. Београд: Међународни славистички центар, Филолошки факултет, Универзитет у Београду, 2019. С. 115–131.
- Садиков А.В. Двуязычная лексикография. Опыт построения общей теории. М.: URSS, 2018. 463 с.
- Станковић Б. Проблеми норме српског књижевног језика и двојезична лексикографија // Лексикографски огледи. Београд: Славистичко друштво Србије, 1999. С. 63–71.
- Magner T. Gradski dijalekti u Jugoslaviji // Argumenti. Rijeka, 1983. S. 187–195.

Рукопись поступила в редакцию 29.05.2023

Рукопись принята к печати 08.11.2023

REFERENCES

- Bukrinskaia I.A., Karmakova O. Je. Dialekt – regiolekt – regional’nyi variant literaturnogo iazyka. *Aktual’nye problemy russkoi dialektologii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii 27–28 oktiabria 2012 g.* Moscow, 2012, pp. 17–19. (In Russ.)
- Gudkov V.P. O sostave slovnika (vokabulara) odnotomnogo slovaria serbskogo iazyka (zametki pol’zovatelja). *Slavistika*, knj. 13, 2009, pp. 483–486. (In Russ.)
- Koner D.V., Makarova A.L., Sobolev A.N. Statisticheskii metod iazykovogo profilirovaniia nositelja dialekta (na materiale vostochnoserbskogo idioma sela Berchinovats). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, no. 58, pp. 17–34. (In Russ.)
- Magner T. Gradski dijalekti u Jugoslaviji. *Argumenti*, Rijeka, 1983, pp. 187–195. (In Serb.)
- Marinković B., Marinković D. Prostorno-demografske posljedice procesa izbjeglištva u Republici Srpskoj. *Demografija*, knj. 4, 2007, pp. 117–128 (In Serb.)
- Ostapchuk O.A. Feller J. Urban Multilingualism in East-Central Europe: The Polish Dialect of Late-Habsburg Lviv. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington Books, 2020. 296 p. *Slavyanovedeniye*, 2022, no. 6, pp. 134–139. (In Russ.)
- Sadikov A.V. *Dvuiazychnaia leksikografiya. Opyt postrojenia obshchei teorii*. Moscow, URSS, 2018. 463 p. (In Russ.)

Savić V. Van i napolje, njima srodne i s njima povezane reči u srpskome jeziku: prilog proučavanju. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, br. 48/1. Beograd: Međunarodni slavistički centar, Filološki fakultet, Univerzitet u Beogradu, 2019, pp 115–131. (In Serb.)

Stanković B. Problemi norme srpskog književnog jezika i dvojezična leksikografija. *Leksikografski ogledi*. Beograd: Slavističko društvo Srbije, 1999, pp. 63–71. (In Serb.)

Received on 29.05.2023

Accepted on 08.11.2023

Информация об авторах:

Црњак Дијана

доктор филолошких наука, професор

Банјалучки универзитет

Банја-Лука, Република Српска,

Боснија и Херцеговина

ORCID: 0009-0003-9097-6815

E-mail: dijana.crnjak@flf.unibl.org

Јакушкина Екатерина Ивановна

доктор филолошких наука, доцент

Московски државни универзитет

им. М.В. Ломоносова

г. Москва, Руска Федерација

ORCID: 0000-0002-0052-1338

E-mail: jkatia@yandex.ru

Information about the authors:

Dijana Crnjak

DSc. (Philology), Professor

University of Banja Luka

Banja Luka, Republika Srpska,

Bosnia and Herzegovina

ORCID: 0009-0003-9097-6815

E-mail: dijana.crnjak@flf.unibl.org

Ekaterina I. Yakushkina

DSc. (Philology), Associate Professor

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0052-1338

E-mail: jkatia@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 2, с. 92–104

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 92–104

DOI: 10.31857/S0869544X24020082, EDN: zdkiaY

Оригинальная статья / Original Article

Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне

© 2024 г. Д.А. Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Российская Федерация)

daria.ryzhova@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта
Российского научного фонда № 23-28-00126,
<https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Аннотация. Статья написана в рамках проекта «Сопоставительная лексикология сербского и русского языков», одной из ключевых задач которого является разработка теоретической и методологической базы для подготовки нового сербско-русского словаря. В статье на примере двух переводных эквивалентов — русского *бросить* и сербского *бацити* — рассматривается роль доступного типологического фона в сопоставительном анализе семантики и сочетаемости слов из близкородственных языков. В качестве типологического фона используются описания семантического поля бросания в нескольких разнотипных языках, выполненные в русле фреймового подхода к лексической типологии. Показано, что опора на сведения о принципах лексикализации семантического поля бросания в языках мира позволяет выявить тонкие различия в употреблении переводных эквивалентов, такие как более сильное отклонение от прототипической ситуации бросания для русского *бросить* по сравнению с сербским *бацити* (и, как следствие, более широкая область употребления русского *бросить* в этой семантической зоне) и различия между русской и сербской конструкциями бросания с целью достижения определенной конечной точки. Такие результаты дают основание предполагать, что систематическая опора на типологические закономерности может оказаться полезной при составлении лексикографических описаний и других семантических зон.

Ключевые слова: лексическая семантика, близкородственные языки, глаголы бросания, сочетаемость, конструкции, корпусная лингвистика, сравнительное исследование.

Ссылка для цитирования: Рыжова Д.А. Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне // Славяноведение. 2024. № 2. С. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082, EDN: zdkiaY

Typology and Lexicography: The Russian Verb *Brosit'* and its Serbian Translational Equivalent *Baciti* on a Typological Background

© 2024. Daria A. Ryzhova

HSE University
(Moscow, Russian Federation)

daria.ryzhova@mail.ru

The research is supported by the Russian Science Foundation,
grant No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>.

Abstract. The paper presents the research conducted for the project “Comparative lexicology of the Serbian and Russian languages”, one of the key tasks of which is the development of a theoretical and methodological basis for a new Serbian-Russian dictionary. Using the example of two translational equivalents – Russian *brosit'* and Serbian *baciti* – the paper examines the role of an accessible lexical typological background in a comparative analysis of semantics and distribution of words from closely related languages. We show that basic knowledge about the principles of lexicalization of the semantic field of throwing in the languages of the world makes it possible to identify subtle differences in the use of translational equivalents, such as a stronger deviation from the prototypical throwing for Russian *brosit'* in comparison to Serbian *baciti* and differences between Russian and Serbian constructions with the meaning of throwing to a target. We believe that systematic account of typological patterns would be useful for compiling lexicographic descriptions of other semantic domains as well.

Keywords: lexical semantics, closely related languages, verbs of throwing, distribution, constructions, corpus linguistics, comparative study.

For citation: Daria A. Ryzhova. Typology and Lexicography: The Russian Verb *Brosit'* and its Serbian Translational Equivalent *Baciti* on a Typological Background // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 2. P. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082, EDN: zdkiaY

1. Введение

В грамматических исследованиях последних лет много внимания уделяется основам для сопоставления данных разных языков, как далеких друг от друга ареально и генетически, так и близкородственных, ср. понятия *comparative concepts* [Haspelmath 2010] или *универсальный грамматический набор* [Плунгян 2011]. Примечательно, что такие «надъязыковые» каркасы используются не только в типологических исследованиях, но и для практических целей: на их основе создаются грамматические описания отдельных языков, поскольку наличие готовых лекал упрощает и структурирует процесс анализа новых данных, а также делает материал сразу доступным для сопоставления.

Лексических значений, безусловно, больше, чем грамматических, и они в большей степени связаны с культурными, антропологическими, историческими особенностями конкретного социума. Из-за этого сформировать набор лексических значений, который был бы более или менее единым для всех языков, значительно сложнее. Однако и для лексики разрабатываются методики определения *tertium comparationis*, ср. психолингвистический (денотативный) подход [Majid 2011, 2015], метод естественных семантических примитивов [Goddard, Wierzbicka 1994, Вежицкая 1996], корпусный подход с опорой на параллельные тексты [Wälchli, Cysouw 2012, Östling 2016], фреймовый подход к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013] и др. Для целого ряда семантических полей уже проведены подробные лексико-типологические исследования (см. глаголы еды и питья [Newman 2009], разделения на части [Majid, Bowerman 2007], помещения и удаления [Kopecka, Narasimhan 2012],

плавания [Майсак, Рахилина 2007], падения [Рахилина и др. 2020] и многие другие), разрабатываются и постоянно пополняются большие многоязычные базы данных, ср. лексические базы CLICS¹ [Rzymiski et al. 2020] и DatSemShift² [Zalizniak et al. 2012, Zalizniak 2018].

Безусловно, всех этих достижений пока недостаточно для построения типологического каркаса лексической системы в целом, и описание всего лексикона отдельно взятого языка полностью на типологическом фоне — подобно тому, как сейчас принято описывать грамматические системы — пока остается делом будущего. Тем не менее объем накопленных лексической типологией данных уже столь велик, что игнорировать его становится все труднее. В этой работе будет показано, как имеющиеся сведения о типологических релевантных противопоставлениях внутри семантического поля могут обогатить и уточнить лексикографические описания переводных эквивалентов в двуязычном словаре.

Работа выполнена в рамках подготовки нового сербско-русского словаря — это означает, что мы имеем дело не просто с двуязычным словарем, а со словарем двух близкородственных языков. Полезность типологической базы для такого рода задачи может быть неочевидна: известно, что типологи с большой осторожностью относятся к данным родственных языков и стараются исключать их из своих выборок, считая, что различия между такими языками слишком тонкие для широких типологических обобщений. Это, в свою очередь, дает основания опасаться, что типологические лекала окажутся слишком грубыми для сравнительного описания данных близких языков.

Однако практика показывает, что для работы с лексикой это ограничение нерелевантно. Целый ряд исследований, выполненных в разных парадигмах, разными исследователями и на материале разных языков, демонстрирует, что даже в близкородственных языках лексические системы могут очень сильно отличаться друг от друга, что связано с большей подвижностью лексики по сравнению с грамматикой [Кашкин 2013, Majid et al. 2015, Koptjevskaja-Tamm 2022]. В этой работе на материале двух переводных эквивалентов, сербского *бацити* и русского *бросить*, будет показано, как ориентация на данные других языков позволяет увидеть различия между двумя на первый взгляд очень близкими лексическими единицами.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. В разделе 2 будет представлен небольшой типологический обзор, из которого будет видно, какие семантические противопоставления имеют тенденцию выделяться лексически в языках мира. Затем с опорой на словарные и корпусные данные будет показано, как русский глагол *бросить* накладывается на типологический каркас: какие из тех значений, которые характерны для глаголов бросания в других языках, он выражает, а на какие, напротив, не распространяется (раздел 3). После этого, в разделе 4, то же самое будет проделано с сербским глаголом *бацити*, что позволит сопоставить его с русским аналогом. Наконец, в заключении (раздел 5) будут подведены итоги.

2. Типология глаголов бросания

В своих прямых, базовых употреблениях и русский глагол *бросить*, и сербский *бацити* обозначают каузацию перемещения объекта по воздуху, где каузирующим субъектом контролируется только начальная фаза (собственно

¹ Rzymiski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al. 2019.

² Zalizniak A. et al. (2016–2020).

каузация), а дальнейшее перемещение объекта происходит без контроля со стороны каузатора (в отличие от глаголов типа *нести*, см. [Margetts et al. 2022]). У обоих глаголов есть множество переносных употреблений, часть из которых в двух языках совпадает (ср. *бросить взгляд* — *бацити поглед*), а часть различается (ср. русск. *бросить жену* — сербск. *напустити жену* или сербск. *бацити из куће* — русск. *выгнать из дома*). Не ставя перед собой задачу исчерпывающего сопоставления моделей полисемии этих двух глаголов, сфокусируемся на физической ситуации бросания — оказывается, что уже здесь скрыто множество семантических противопоставлений, регулярно маркируемых лексически в языках мира.

Прототипическая ситуация бросания включает несколько стадий:

- 1) замах, с помощью которого придается импульс перемещаемому объекту;
- 2) момент потери контакта между каузирующим субъектом и каузируемым объектом;
- 3) перемещение объекта по воздуху;
- 4) достижение объектом конечной точки перемещения, т.е. его контакт с конечной точкой.

Типологически регулярные лексические противопоставления в этой зоне, согласно [Ивтушок 2015, 2016] и [Bagirokova et al. under review], связаны с «высвечиванием» или, наоборот, «затемнением» разных стадий. Так, например, многие глаголы бросания, помимо прототипического сценария, подходят также для обозначения ситуаций, в которых отсутствует стадия 1 — замах. Это случаи, когда субъект не задает объекту импульс, а просто намеренно перестает удерживать с ним контакт, тем самым позволяя ему прийти в движение. В таких ситуациях у субъекта нет намерения переместить объект на существенное расстояние; главная его цель — прекращение контакта, избавление от объекта, см. пример (1) из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ³).

(1) *Ты и в самом деле, — говорит второй, — брось ружье-то.* [Николай Дубов. На краю земли (1950)]

В некоторых языках для обозначения таких ситуаций есть специальные лексические средства. Один из самых наглядных примеров таких систем дает английский, где основной глагол бросания *to throw* не распространяется на ситуации прекращения контакта без придания объекту импульса для перемещения. Эту нишу занимает глагол *to drop*, обозначающий и преднамеренную, и случайную потерю контакта с объектом, ср. пример из параллельного англо-русского корпуса НКРЯ (2).

(2) *He **dropped** his gun and radio, raising his hands over his head.* — И он бросил на пол рацию и револьвер и поднял руки вверх. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003) | Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Другая типологически распространенная стратегия лексикализации ситуации бросания — это наличие специальных лексических средств для высвечивания последней стадии события, т.е. контакта объекта с конечной точкой перемещения. Финальная стадия важна в тех случаях, когда субъект бросает объект не для того, чтобы от него избавиться, а для того, чтобы поразить им какую-то цель. Так, например, во французском, помимо базового глагола бросания *jeter*, есть также глагол *bombarder*, который специализируется именно на бросании

³ Национальный корпус русского языка. 2003–2023.

в цель [Ивтушок 2016]. Аналогичное противопоставление характерно для чешских глаголов *hodit* vs. *trefovat* (*se*), см. (3–4), адыгейских *-dz-* и *-we-* [Bagirokova et al. under review] и др.

(3) *Je opravdu vystudované, že když **hodíte** kouli, ta přijde mezi kuželku 1 a 3 pod úhlem 6,8 stupňů, tak je to stoprocentní strike.*

‘На самом деле доказано, что, если вы бросаете шар и он проходит между кеглями 1 и 3 под углом 6,8 градусов, это стопроцентный страйк’. (SYN2020⁴, цит. по: [Подгорная 2021], пример 15)

(4) *Lidé **trefuje** kameny / **se trefují** kameny na ptáky.*

‘Люди закидывают птиц камнями’ (пример 34 из [Подгорная 2021]).

Также на лексикализацию поля бросания в разных языках могут влиять семантические свойства участников ситуации: объект перемещения может быть единичным (ср. мяч), множественным (камни), сыпучим (песок) или даже жидким (вода); конечная точка перемещения объекта может представлять собой контейнер (как корзина в баскетболе), горизонтальную или вертикальную поверхность (земля vs. стена), одушевленный объект (человек); каузация перемещения может осуществляться с помощью руки или других (квази-)инструментов (ноги, биты, оружия). Во многих языках есть специальные лексические средства для описания броска, осуществляемого с особой силой, часто в эмоциональном порыве, ср. русск. *швырнуть* или сербск. *завитлати*.

И в русском, и в сербском языке семантическое поле бросания богато лексически. В русском языке к этой области относятся глаголы *бросать*, *кидать*, *швырять*, *метать*, *выпускать* и некоторые другие; в сербском — *бацати*, *хитати*, *вргати*, *метати*, *завитлавати* и др. Анализ этих систем, как внутриязыковой, так и сопоставительный — особая задача, заслуживающая отдельного исследования. В этой работе сделан лишь первый шаг в этом направлении: центральные лексические единицы этих двух систем — глаголы *бросить* и *бацить*⁵ — сопоставлены по двум основным типологически распространенным параметрам. К этим параметрам относятся наличие vs. отсутствие стадии замаха и наличие vs. отсутствие фокуса на конечной точке перемещения.

3. Русский глагол *бросить* на типологическом фоне

3.1. Наличие vs. отсутствие замаха

В Активном словаре русского языка под редакцией Ю.Д. Апресяна (далее — АСРЯ) для глагола *бросать* выделяется несколько значений, из которых для поставленной задачи релевантно первое. Оно включает в себя три подзначения:

бросать 1.1 ‘делать так, что летит’: *бросать камешки в воду*, *бросать снежками в окно*.

бросать 1.2 ‘давать падать’: *бросать окурки на пол*.

бросать 1.3 ‘оставлять’: *бросать сумку на диване*⁶.

По такому представлению ясно видно, что русский глагол *бросать* нечувствителен к параметру наличия/отсутствия замаха и может обозначать оба типа

⁴ Křen M. et al. SYN2020.

⁵ В этой работе формы совершенного и несовершенного вида считаются относящимися к одной лексической единице (*бросить/бросать* и *бацить/бацати*). Если то или иное значение характерно только для одного из членов видовой пары, это указывается эксплицитно.

⁶ АСРЯ, 360.

ситуаций: значение 1.1 ('делать так, что летит') представляет собой прототипическое бросание с замахом, а значение 1.2 ('давать падать') как раз в точности соответствует бросанию без этой предварительной стадии.

Интересно при этом, что значение 1.3 ('оставлять') демонстрирует еще более сильное отклонение от прототипа — в том же направлении. Классическая «ядерная» ситуация бросания устроена следующим образом. Есть субъект (человек), который действует намеренно и целенаправленно. Он держит в руке (или в руках) объект, с которым он хочет прекратить контакт (просто от него избавиться или поразить им какую-то цель — не принципиально; важно, что объект не должен больше находиться в руках у субъекта). Субъект прикладывает силу (делает замах), чтобы привести объект в движение, и выпускает его из рук. Объект перемещается некоторое время, а затем достигает конечной точки. В результате объект меняет свою дислокацию, а субъект остается без объекта.

Как мы уже говорили, в случае с бросанием без замаха (значение 1.2 по АСРЯ) обрисованная нами классическая ситуация несколько видоизменяется: субъект не прикладывает силу, а просто выпускает объект из рук. Объект все равно перемещается, но на небольшое расстояние. Значение 1.3 по АСРЯ интересно тем, что оно почти не подразумевает (а в некоторых случаях и совсем не подразумевает) перемещения объекта: сумка могла уже находиться на диване, и глагол *бросать* в данном случае означает только намеренное прерывание субъектом контакта между ним и объектом.

Чаще всего в случаях типа 'бросать сумку на диване' субъект выпускает объект из рук, тем самым оставляя его на месте, а сам, наоборот, перемещается, ср. пример (5). Следующий шаг в отклонении от прототипа — устранение ограничения на особый вид исходного контакта субъекта с объектом: объект необязательно должен находиться у субъекта в руке, ср. *бросить машину (и поехать на метро)*. В таких случаях от ядерной ситуации бросания остается только одно: преднамеренная потеря контакта между субъектом и объектом, который он так или иначе контролировал. Этот переход от ядра к периферии схематически изображен на рис. 1.

(5) Прочитал, **бросил ручку** и опять стал ходить по кабинету. [Василий Шукшин. Шире шаг, маэстро! (1970)]

Наконец, исходный контакт субъекта с объектом может быть и не кратковременным физическим, а более комплексным и абстрактным. Для описания разрыва такой связи по инициативе субъекта тоже используется глагол *бросить*, ср. *бросить девушку*, *бросить ребенка*. В АСРЯ таким употреблением соответствует значение 2.1 ('прекращать отношения с кем-л.') — такой переход уже можно считать метафорическим.

Рис. 1. Типы ситуаций бросания: отклонения от прототипа.

3.2. Наличие vs. отсутствие фокуса на конечной точке перемещения

Наличие или отсутствие фокуса на конечной точке перемещения в конструкциях с глаголом *бросать* на первый взгляд не так очевидно. Морфосинтаксически глагол допускает как опущение участника с ролью конечной точки, так и его поверхностное выражение, ср. (6–7). Интересно, однако, что из синонимического ряда русских глаголов бросания — *бросить*, *кинуть*, *метнуть*, *швырнуть* — именно *бросить* реже всего употребляется в сочетании с обозначением конечной точки перемещения объекта. На рис. 2 это показано схематически. Из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка было случайным образом извлечено по 100 примеров употребления каждого из четырех глаголов, в каждом примере было размечено наличие или отсутствие поверхностного выражения конечной точки. Круговые диаграммы на рис. 2 показывают соотношение примеров с конечной точкой и без нее для каждого из четырех глаголов⁷.

(6) Пензер сделался для сотрудников «Централизованного стройзаказчика» чем-то вроде чемодана без ручки: нести тяжело, а **бросить** жалко. [Владимир Димов. Не буди лиха // Однако. 2009]

(7) Он снял с крючка еще трепетавшего в руках подлещика, **бросил на траву**, где, как заметил солдат, уже лежало несколько ранее выловленных рыбин. [Василь Быков. Волчья яма (1999) // Дружба народов. 15.07.1999]

Рис. 2. Частотность поверхностного выражения конечной точки при глаголах *бросить*, *кинуть*, *метнуть*, *швырнуть*. Наличие признака соответствует выраженной конечной точке.

⁷ Благодарю Евгения Чугреева за подсчет статистики по корпусу и построение графиков.

Между тем в АСРЯ при описании значения *бросать* 1.1 упоминаются также «суженные» употребления этого глагола с семантикой 'бросать А2 в направлении А3 с целью поразить А3'⁸. В таких примерах меняется модель управления глагола: прямой объект опускается до непрямого, выраженного творительным падежом, а выражение конечной точки его перемещения действительно становится обязательным, ср. (8). Однако такие примеры в корпусе единичны.

(8) *Когда мы возвращались к Конгресс-Центру, кто-то из ирландцев бросил камнем в проезжавшую машину* [И.Ю. Стогов. Мачо не плачут (2001)].

Более распространенный способ выделить участника с ролью конечной точки в ситуации бросания в русском языке — поместить в конструкцию с объектом перемещения в творительном падеже не глагол *бросать*, а его возвратный дериват *бросаться*, см. (9). 'Бросать, чтобы попасть' — его основное значение по АСРЯ⁹. Важно, что эта конструкция подходит только для описания множественных бросков, глагол совершенного вида *броситься* в ней недопустим. Интересно при этом, что сам участник с ролью конечной точки может быть не выражен поверхностно, но он всегда подразумевается (выводится из контекста), ср. пример (10), где участники действия очевидно бросаются друг в друга.

(9) *Помню, нам давали вкусную маринованную селедку. Насытившись, мы бросались ею в сидящих за столом напротив.* [В.Н. Дьяков. Жизнь Василия Дьякова, рассказанная им самим // Уральская новь, 2004]

(10) *Сходили там с ума. Бросались подушками... И Андрей тогда сочинял хулиганские стишки, адресованные Евтушенко.* [И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)]

4. Сербский глагол *бацити* в сопоставлении с русским *бросить*

Известные нам лексикографические источники для сербского языка не дают четкого представления о том, может ли основной аналог русского *бросить* — *бацити* — обозначать бросание без замаха. Так, в словаре Матицы сербской (далее — РСКЈ) основное значение этого глагола определено следующим образом: «замахом и пуштањем из руке нечему променити место, хитнути, врћи» (букв.: 'замахом и выпусканием из руки изменить местоположение чего-либо, кинуть, швырнуть'), — что очевидно подразумевает базовую ситуацию бросания с замахом. Среди других приведенных значений самым близким к бросанию без замаха кажется значение 2: «уклонити, одстранити, оставити, напустити» (букв.: убрать, устранить, оставить, покинуть), сопровождаемое иллюстрациями (11) и (12). Такие употребления соответствуют скорее правому краю шкалы на рис. 1 (ситуации 3, 4), однако если глагол покрывает и левый, и правый ее край, естественно предположить, что и промежуточные значения для него должны быть допустимы.

(11) *Доста су чамили салинци на тавану. Од пролећа — како су их тамо бацили, нико их се досад није сетио.*

'Довольно полозья томились на чердаке. С весны — как их там бросили, так до сих пор никто про них и не вспоминал'. (РСКЈ, с. 150)

(12) *Мајка га оставила чим се родило, бацила га.*

'Мать оставила его, как только он родился, бросила его'. (РСКЈ, с. 150)

⁸ АСРЯ, 361.

⁹ Там же, 363.

Примеры на промежуточные значения действительно находятся в корпусе, см. (13), иллюстрирующий ситуацию 2, и подтверждаются носителями. Интересно, однако, что значения с правого конца шкалы, упоминаемые в словаре Матицы сербской, на сегодняшний день, по-видимому, уже можно считать устаревшими: на запрос по сочетанию лемм «бацити» и «дете» в корпусе srWaC выдается всего 19 примеров, и во всех из них глагол *бацити* употреблен в буквальном значении бросания с замахом, см. пример (14). На запрос «бацити ауто» выдается всего один пример (15), где глагол *бацити* также выражает прямое значение каузации перемещения.

(13) *Čuje se kako jedan od policajaca kaže Jatimu da baci nož¹⁰.*

‘Слышно, как один из полицейских говорит Ятиму бросить нож’. (srWac: opustise.rs)

(14) *i kao nisi citala i videla slike kako je hteo da baci dete kroz prozor?*

‘А ты, что ли, не читала и не видела фотографии, как он хотел выбросить ребенка в окно?’ (srWac: blog.rs)

(15) *Posle sudara bacio auto u jezero.*

‘После столкновения он бросил машину в озеро’. (srWaC: novimagazin.rs)

Для описания преднамеренной потери контакта с небольшим предметом, помещающимся в руке, без замаха и без перемещения объекта (ситуация 3) глагол *бацити*, по-видимому, все же употребляется, но редко. Сочетания глагола с именованиями соответствующих объектов обычно выступают в контекстах других типов, но единичные примеры все же находятся, см. (16). Тем самым, если соотнести дистрибуцию глагола *бацити* с континуумом значений русского *бросить*, представленным на рис. 1, то будет видно, что сферы употребления переводных эквивалентов в этом фрагменте семантического поля немного различаются, см. рис. 3.

(16) *Dok mi se ruka kretala u smeru pisanja, srce i glava su me sve više boljeli. Bacio sam olovku, pokušao zaspati, ali nesanica je ponovno nastupila.*

‘Пока рука моя двигалась в направлении письма, сердце и голова у меня все больше болели. Я бросил ручку и попытался заснуть, но снова началась бессонница’ (Google¹¹).

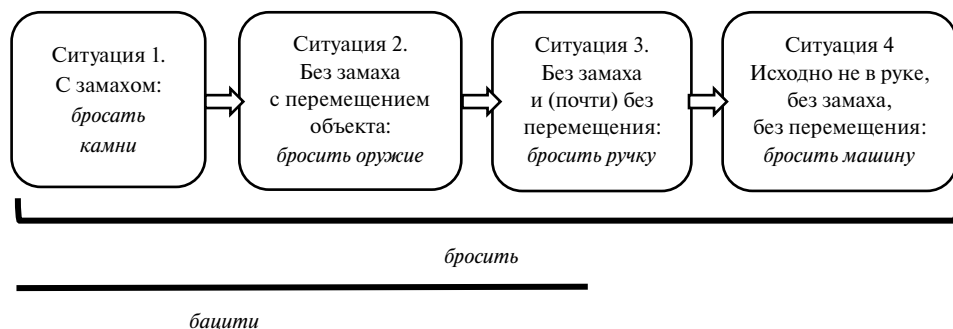

Рис. 3. Типы ситуаций бросания: русский *бросить* vs. сербский *бацити*.

¹⁰ Здесь и далее в примерах из корпуса сохранена авторская орфография.

¹¹ Ekrik.

Для выделения конечной точки перемещения объекта в сербском языке используются те же морфосинтаксические средства, что и в русском: прямой объект опускается в позицию непрямого, а глагол ставится в возвратную форму. Существенное отличие, однако, заключается в том, что в сербском языке в эту конструкцию встраивается глагол не только несовершенного, но и совершенного вида, т.е. конструкция может обозначать не только многократные, но и однократные броски в цель. Так, в примере (17) из корпуса srWaC мы видим форму аориста¹², которая в современном языке образуется «почти исключительно от основ совершенного вида» [Егорова 2022, 17]. Участник с ролью цели вводится при этом предлогом *na*, в отличие от русского языка, где в этой конструкции фигурирует предлог *в*.

(17) *Jedan od monaha baci se kamenom na eparha i udari ga po glavi.*

‘Один из монахов бросил в епарха камень и попал ему по голове’. (srWaC: eparhijaniska.rs)

Значение бросания в цель дается в качестве первого для возвратного глагола совершенного вида *бацити се* в словаре. Однако понять, что это именно бросание в цель с фокусом на конечной точке, по словарному определению не так просто: значимость конечной точки никак не эксплицируется, вместо дефиниции дается просто отсылка к первому значению невозвратного *бацити*, и единственное, что намекает на особенность семантики возвратного глагола по сравнению с его невозвратным коррелятом, — это модель управления, в которой заданы оба участника, и соответствующий пример, см. фрагмент словарной статьи в (18).

(18) (нечим на нешто) *в. бацити (1a)*. — Дохвати бабину нову папучу ... и **бацн се** свом силином на кокош.

‘(чем-то в кого-то) см. бацити (1a). — Он(а) схватил(а) папин новый тапок ... и **бросил(а)** его изо всех сил в курицу’. (РСКЖ, с. 151)

5. Заключение

В этой статье рассмотрен очень узкий фрагмент лексических систем русского и сербского языков: из каждого языка взято по одному глаголу (русс. *бросить* и сербск. *бацити*), и их употребления сопоставлены только в самых базовых, прямых, физических значениях. Тем не менее уже на этом уровне между переводными эквивалентами обнаруживаются существенные различия, даже несмотря на то, что мы имеем дело с близкородственными языками. Оба глагола могут описывать как прототипическую ситуацию бросания с замахом, так и отклонения от нее (бросание без замаха), но русское *бросать* уходит несколько дальше от прототипа, чем современное сербское *бацити* (ср. рис. 3). Так же как и *бросать*, *бацити* в своих базовых употреблениях не выделяет конечную точку перемещения объекта (она может быть незначима и не выражена поверхностью), а для профилирования конечной точки в обоих языках используется конструкция с возвратным коррелятом глагола бросания (русс. *бросаться* и сербск. *бацити се*). Существенное различие между русским и сербским языками в этом фрагменте системы заключается в том, что русская конструкция допускает только глаголы несовершенного вида (*бросаться*, *кидаться*,

¹² О том, что это именно аорист, а не презенс, свидетельствует более широкий контекст: все повествование в этом фрагменте выдержано в аористе.

швыряться) и обозначает только множественные броски, а на аналогичную сербскую конструкцию такое ограничение не распространяется.

Эти различия достаточно тонкие, но они несомненно важны и с теоретической, и с практической точки зрения. Сопоставительные исследования таких расхождений позволяют приблизиться к понимаю принципов организации глагольной лексики в языках мира. В частности, наш русский и сербский материал показывает, что выбор глагола определяется не только набором участников ситуации, но и структурой самой ситуации, степенью значимости каждого из ее этапов и компонентов. С практической точки зрения эти семантические расхождения определяют особенности употребления: далеко не во всех контекстах (даже в рамках прямого значения) глаголы *бросать* и *бацати* являются непосредственными переводными эквивалентами, и эти различия должны быть отражены в двуязычных словарях.

Заметить такие нюансы в семантике и дистрибуции переводных единиц не так просто. Как правило, такие результаты можно получить только с помощью подробных корпусных исследований. В масштабах лексикографической работы, подразумевающей описание существенной части словарного фонда двух языков, глубокие сопоставительные исследования трудно осуществимы. Здесь и приходят на помощь достижения лексической типологии: если мы знаем, какие семантические параметры влияют на лексикализацию рассматриваемого поля в языках мира, мы понимаем, в каких точках системы нужно искать различия между переводными эквивалентами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АСРЯ – Апресян В.Ю. и др. Активный словарь русского языка. Т. 1–2 (А–Б, В–Г) / отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. ISBN 978-5-9906039-2-9.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru
- РСКЈ – Стевановић М., Марковић С., Матић С., Пешикан М. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб: Матица Српска, 1967.
- CLICS – Rzymski C. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. 2019. DOI: 10.1038/s41597–019–0341-x. URL: <https://clics.cild.org/>.
- DatSemShift – Zaliznjak A. et al. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016–2020. <https://datsemshift.ru/>.
- Ekrik – <http://ekrik.petagimnazija.hr/2018/02/02/knjizevni-kutak-za-citateljski-trenutak/>.
- srWaC–Ljubešić N., Klubička F. Serbian web corpus srWaC1.1, Slovenian language resource repository CLARIN.SI, ISSN 2820-4042, 2016. <http://hdl.handle.net/11356/1063>.
- SYN2020 – Křen M. et al. SYN2020: reprezentativní korpus psané češtiny. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha, 2020. <http://www.korpus.cz>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 412 с.
- Егорова М.А. О семантике и дискурсивных функциях аориста и плюсквамперфекта в современном сербском языке (на материале романа Милорада Павича «Внутренняя сторона ветра») // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 14–53.
- Иветушок Е.И. Глаголы типа «бросать» в лексико-типологическом освещении / под ред. Е.А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга, М.Б. Коношенко // Типология морфосинтаксических параметров. Сборник трудов конференции. М.: МПГУ, 2015. С. 114–122.
- Иветушок Е.И. К типологии глаголов со значением «бросать» / под ред. А.А. Кретова // Проблемы лексико-семантической типологии. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 72–77.
- Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках): дисс. ... канд. филол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2013.

- Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. 752 с.
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
- Подгорная А.Д. Глаголы бросания в чешском языке: лексико-типологическое исследование: курсовая работа / МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 2021.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Рыжова Д.А. (ред.). Типология глаголов падения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института Лингвистических Исследований [Специальный выпуск]. 2020. № 16 (1).
- Bagirokova I., Ryzhova D., Blinova A. Describing lexicon of an individual language on a typological background: The semantic field of throwing in West Circassian and beyond // Studies in Language. Under review.
- Goddard C., Wierzbicka A. (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1994. 522 p.
- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // Language. 2010. Iss. 3 (86). P. 663–687.
- Kopecka A., Narasimhan B. (eds.). Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2012. 389 p.
- Koptjevskaja-Tamm M. Talking temperature with close relatives: Semantic systems across Slavic languages / ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova // The typology of physical qualities. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 215–268.
- Majid A. A guide to stimulus-based elicitation for semantic categories / ed. by N. Thieberger // The Oxford handbook of linguistic fieldwork. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 54–71.
- Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically / ed. by J.R. Taylor // The Oxford handbook of the word. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 364–379.
- Majid A., Bowerman M. (eds.). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective // Cognitive Linguistics. Iss. 18 (2) [Special issue]. 2007.
- Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages // Language Sciences. 2015. (49). P. 1–18.
- Margetts A. et al. Cross-linguistic patterns in the lexicalisation of bring and take // Studies in Language. 2022. Iss. 4 (46). P. 934–993.
- Newman J. The linguistics of eating and drinking. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2009. 298 p.
- Östling R. Studying colexification through massively parallel corpora / ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm // The lexical typology of semantic shifts. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2016. P. 157–176.
- Rzyski C. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies // Scientific Data. 2020. Iss. 1 (7). P. 13.
- Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs // Linguistics. 2012. Iss. 3 (50). P. 671–710.
- Zalizniak A. et al. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // New directions in lexical typology. [Special issue]. Linguistics. 2012. Iss. 3 (50). P. 633–669.
- Zalizniak A.A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. Iss. (22). P. 770–787.

Рукопись поступила в редакцию 07.10.2023

Рукопись принята к печати 26.11.2023

REFERENCES

- Bagirokova I., Ryzhova D., Blinova A. Describing lexicon of an individual language on a typological background: The semantic field of throwing in West Circassian and beyond. *Studies in Language*, Under review.
- Egorova M.A. On the semantics and discourse functions of the aorist and the pluperfect in Modern Serbian: A study of Milorad Pavić's novel *The Inner Side of the Wind*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, iss. 3, pp. 14–53. (In Russ.)
- Goddard C., Wierzbicka A. (eds.). *Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 1994, 522 p.

- Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. *Language*, 2010, iss. 3 (86), pp. 663–687.
- Ivtushok E. *Glagoly tipa «brostat'» v leksiko-tipologicheskom osveshchenii*, eds. E. Lyutikova, A. Zimmerling, M. Konoshenko. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov*. Conference Proceedings, Moscow, MPSU Publ., 2015, pp. 114–122. (In Russ.)
- Ivtushok E. *K tipologii glagolov so znachenijem «brostat'»*, ed. A.A. Kretov. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii*, vol. 3, Voronezh, VSU Publ., 2016, pp. 72–77. (In Russ.)
- Kashkin E. *Iazykovaia kategorizatsiia faktury poverkhnosti (tipologicheskoe issledovanie naimenovani kachestvennykh priznakov v ural'skikh iazykakh)*. Diss. kand. filol. nauk. MSU, Moscow, 2013. (In Russ.)
- Kopecka A., Narasimhan B. (eds.). *Events of putting and taking: A crosslinguistic perspective*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 2012, 389 p.
- Koptjevskaja-Tamm M. Talking temperature with close relatives: Semantic systems across Slavic languages, ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. *The typology of physical qualities*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Company Publ., 2022, pp. 215–268.
- Maisak T., Rakhilina E. (eds.) *Glagoly dvizheniia v vode: leksicheskaja tipologiya*. Moscow, Indrik Publ., 2007, 752 p. (In Russ.)
- Majid A. A guide to stimulus-based elicitation for semantic categories, ed. by N. Thieberger. *The Oxford handbook of linguistic fieldwork*, Oxford, Oxford University Press Publ., 2011, pp. 54–71.
- Majid A. Comparing lexicons cross-linguistically, ed. by J.R. Taylor. *The Oxford handbook of the word*, Oxford, Oxford University Press Publ., 2015, pp. 364–379.
- Majid A., Bowerman M. (eds.). Cutting and breaking events: A crosslinguistic perspective. *Cognitive Linguistics*, iss. 18 (2) [Special issue], 2007.
- Majid A., Jordan F., Dunn M. Semantic systems in closely related languages. *Language Sciences*, 2015, (49), pp. 1–18.
- Margetts A. et al. Cross-linguistic patterns in the lexicalisation of bring and take. *Studies in Language*, 2022, iss. 4 (46), pp. 934–993.
- Newman J. *The linguistics of eating and drinking*, Amsterdam, John Benjamins Publishing Publ., 2009, 298 p.
- Östling R. Studying colexification through massively parallel corpora, ed. by P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm. *The lexical typology of semantic shifts*, Berlin; Boston, Walter de Gruyter Publ., 2016, pp. 157–176.
- Plungian V. *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy iazykov mira*. Moscow, RSUH Publ., 2011, 672 p. (In Russ.)
- Podgornaya A. *Glagoly brosnaniya v cheshskom iazyke: leksiko-tipologicheskoe issledovanie*. Kursovaya rabota. MSU, Moscow, 2021. (In Russ.)
- Rakhilina E., Reznikova T. Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. *Voprosy iazykoznanii*, 2013, iss. 2, pp. 3–31. (In Russ.)
- Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. (eds.). *Tipologiya glagolov padeniia*, eds. E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. *Acta Linguistica Petropolitana*. [Special issue], 2020, iss. 16 (1). (In Russ.)
- Rzymiski C. et al. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. *Scientific Data*, 2020, iss. 1 (7), p. 13.
- Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs, *Linguistics*, 2012, iss. 3 (50), pp. 671–710.
- Wierzbicka A. *Iazyk. Kul'tura. Poznaniye*. Moscow, Russkije slovari Publ., 1996, 412 p. (In Russ.)
- Zalizniak A. et al. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *New directions in lexical typology*, [Special issue], *Linguistics*, 2012, iss. 3 (50), pp. 633–669.
- Zalizniak A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*, 2018, iss. (22), pp. 770–787.

Received on 07.10.2023

Accepted on 26.11.2023

Информация об авторе:**Рыжова Дарья Александровна**

кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8387-0049
E-mail: daria.ryzhova@mail.ru

Information about the author:**Daria A. Ryzhova**

PhD (Philology), Associate Professor
HSE University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8387-0049
E-mail: daria.ryzhova@mail.ru

Эпидигматика интернациональных лексем *pilot/пилот*
в сопоставительном аспекте
(на материале славянских языков)

© 2024 г. Т.М. Шкапенко, О.В. Дудурич

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта
(Калининград, Российская Федерация)

TShkapenko@kantiana.ru; OLVDDudurich@kantiana.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс развития многозначности интернациональных лексем *pilot/пилот* на материале польского и русского языков. На основе анализа дефиниций слов в лексикографических источниках различных исторических периодов характеризуются их топологические структуры. Сопоставление эпидигматики лексем в синхронно-диахронической перспективе становится основанием для выявления универсальных и лингвоспецифичных черт в их семантической эволюции. Общей тенденцией для двух славянских языков является возникновение новых лексико-семантических вариантов в результате специализации первичного значения: под влиянием экстралингвистических факторов они начинают обозначать разновидности профессий, в зависимости от управляемого транспортного средства. К особенностям развития семантики слова *pilot* в польском языке относится появление значений, основанных на метафорическом переносе с человека на прибор («автопилот» и «пульт дистанционного управления»), а также на переносе из области управления транспортными средствами на культурно-развлекательную сферу («гид-экскурсовод»). Различия в развитии семантики лексем характерны и для современного этапа их эволюции под воздействием процессов англоглобализации. В польском языке лексема *pilot* начинает использоваться в значении видеоанонса параллельно с автохтонной лексемой *zwiastun*, в русском языке в этом значении функционирует англосемантизм *трейлер*. Инновационное значение лексемы *pilot* «экспериментальное тестирование с целью выявления эффективности объекта» транслируется из английского в славянские языки в форме сходных сочетаний *пилотный проект* и *projekt pilotażowy*, которое в польском языке функционирует одновременно с полонизированным вариантом *wdrożenie pilotażowe*.

Ключевые слова: специализация значения, неосемантизация, англосемантизмы, славянские языки, польский язык, русский язык, топологическая структура.

Ссылка для цитирования: Шкапенко Т.М., Дудурич О.В. Эпидигматика интернациональных лексем *пилот/pilot* в сопоставительном аспекте (на материале славянских языков) // Славяноведение. 2024. № 2. С. 105–115. DOI: 10.31857/S0869544X24020097, EDN: zdcvvhk

Epidigmatics of International Lexemes *пилот/pilot* in Comparative Aspect
(on the Material of Slavic Languages)

© 2024. Tatiana M. Shkapenko, Olga V. Dudurich

Immanuel Kant Baltic Federal University
(Kaliningrad, Russian Federation)

TShkapenko@kantiana.ru; OLVuDudurich@kantiana.ru

Abstract. The paper analyses the process of development of polysemy of international lexemes *pilot/пилот* on the material of Polish and Russian languages. On the basis of the analysis of word definitions in lexicographic sources of different historical periods their topological structures are characterised. Comparison of lexemes' epidigmatics in synchronic and diachronic perspective becomes the basis for identifying universal and linguistically specific features in their semantic evolution. A common tendency for the two Slavic languages is the emergence of new lexical-semantic variants as a result of specialisation of the primary meaning. Under the influence of extralinguistic factors, they begin to denote varieties of professions, depending on the vehicle being driven. The peculiarities of the development of the semantics of the word *pilot* in Polish include the emergence of meanings based on the metaphorical transfer from human to device («autopilot» and «remote control»), as well as on the transfer from the field of transport means driving to the cultural and entertainment sphere («tour guide»). Differences in the development of the semantics of lexemes are also characteristic for the current stage of their evolution under the influence of the processes of Anglobalisation. In Polish, the lexeme *pilot* starts to be used in the sense of video announcement in parallel with the autochthonous lexeme *zwiastun*; in Russian, the Anglo-semanticism *trailer* functions in this sense. The innovative meaning of the lexeme *pilot* «experimental testing to reveal the effectiveness of an object» is transferred from English in the form of similar combinations *пилотный проект* and *projekt pilotażowy*, which in Polish functions simultaneously with the polonised variant *wdrożenie pilotażowe*.

Keywords: specialisation of meaning, neosemantisation, anglosemantisms, Slavic languages, Polish, Russian, topological structure.

For citation: Tatiana M. Shkapenko, Olga V. Dudurich. Epidigmatics of International Lexemes *пилот/pilot* in Comparative Aspect (on the Material of Slavic Languages) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. № 2. P. 105–115. DOI: 10.31857/S0869544X24020097, EDN: zdcvnh

Введение

Одним из направлений развития семантики лексических единиц является изменение их значения под влиянием соответствующих слов иностранного языка. Внимание ученых к данному феномену возросло с середины 90-х годов XX в. в связи с воздействием английского языка как донора глобализации на лексико-семантическую систему принимающих языков. Для обозначения данного типа семантических заимствований польскими лингвистами в научный оборот был введен специальный термин «англосемантизм», под которым понимается «неологическая единица, семантика которой видоизменилась под воздействием соответствующей англоязычной единицы» [Markowski 2000, 98]. Как правило, изучение англосемантизмов, или шире — неосемантизмов — проводится только на материале одного принимающего языка [Witalisz 2007; «Свое» vs «чужое» 2019] и гораздо реже в сравнительно-сопоставительном аспекте. В то же время именно контрастивный подход способен выявить универсальное и культуроспецифичное в процессах изменения семантики

генетически тождественных лексических единиц. Целью нашего исследования является рассмотрение тех изменений, которые происходили в семантике лексемы *пилот/pilot* в синхронно-диахронной перспективе на материале русского и польского языков и нашли свое отражение в эпидигматике данных слов.

Материалы и методы

В качестве теоретико-методологической основы выполненного анализа были использованы концептуальные положения в области семантической деривации [Зализняк 2001; Падучева 2004], моделей представления эпидигматики многозначного слова [Шмелев 2006] и описания механизма семантических заимствований [Горбов 2015; Попова 2022].

В рамках нашего исследования в качестве основных терминов используются «неосемантизм» и «англосемантизм» как его разновидность, наиболее характерная для актуального среза развития славянских языков. Объект изучения составили лексические единицы *пилот/pilot* в русском и польском языке, фокусирование на семантике которых в диахронно-синхронном срезе обусловило использование в качестве источников языкового материала словарей русского и польского языка, а также данных национальных корпусов и открытых интернет-ресурсов, иллюстрирующих функционирование слов в новых значениях, еще не зафиксированных словарями. Возникновение новых лексико-семантических вариантов (далее — ЛСВ) под воздействием английского языка вызвало необходимость обращения к новейшим словарям английского языка. Основными методами изучения семантической деривации выбранных единиц явились словарно-дефиниционный, компонентный, функционально-семантический, контекстуальный и сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты исследования

Эпидигматика лексемы *pilot* в польском языке

По данным этимологических словарей лексема *pilot/nilot* была заимствована славянскими языками в XX в. в связи с развитием авиации из французского, где исходное значение слова *pilote* — «лоцман» восходит посредством итальянского *piloto* к греческому *pedotes* — «рулевой», образованному от *pedon* — «весло» [Фасмер 1964–1973].

Согласно словарю польского языка под редакцией Витольда Дорошевского, вышедшего с 1958 по 1969 г., лексема *pilot* имеет пять значений:

pilot m IV, Ms. ~ocie, Im M. ~oci

1. «*lotnik kierujący statkiem powietrznym (samolotem, szybowcem itp.)*: ‘летчик, управляющий летательным аппаратом (самолетом, планером и т.п.)’. В рамках первого значения выделяется также сочетание *pilot automatyczny*: «*urządzenie wykonujące samoczynnie sterownicze czynności pilota*»: ‘автопилот — устройство, самостоятельно выполняющее действия пилота по управлению самолетом’.

2. *mors*, «*marynarz zawodowo zajmujący się przeprowadzaniem statków przez niebezpieczne lub trudne dla nawigacji miejsca na morzu*»: ‘морск.: моряк, профессионально занимающийся проводкой судов через опасные или труднопроходимые места в море’.

3. *srod.* «*osoba mająca powierzoną sobie opiekę nad gościem przybywającym z zagranicy, dbająca o jego zakwaterowanie, program pobytu, rozrywki*»: ‘проф.: лицо, которому доверена забота о госте, прибывшем из-за границы, забота о его размещении, программе пребывания, развлечениях’.

4. *sport*, «*w wyścigach kolarskich: motocyklista wskazujący trasę wyścigu*»: ‘спорт.: в велогонках: мотоциклист, прокладывающий трассу гонки’.

5. *zool.* «Naucrates ductor, ryba z rzędu okoniowatych, płynie także za napotkanymi rekinami i okrętami: ‘зоол.: рыба из отряда семейства окуневых, плывет за встречающимися акулами и кораблями’ // *SW (fr. pilote)* [SJPD1997].

Практически все значения представляют собой номинации, используемые в рамках определенных профессиональных дискурсов для обозначения возникающих последовательно новых технических специальностей: от человека, пилотирующего воздушный корабль — к морскому навигатору-лоцману, а затем — к пилоту автогонок. Необходимость присвоения названия той или иной разновидности профессии, основанной на прокладывании маршрута и управлении определенным техническим средством, приводит к повторному использованию одной и той же номинации. Каждый представленный в структуре значения ЛСВ представляет собой результат конкретизации, или специализации значения.

Употребление лексемы *pilot* для обозначения профессии экскурсовода связано уже с более сложными лингвокогнитивными процессами. С одной стороны, новый ЛСВ также возникает в результате актуализации семы прокладывания пути, находящей свое выражение в составлении программы пребывания туристов и в следовании гида впереди туристической группы, с другой стороны, в данном значении впервые происходит замена управляемого объекта с транспортного средства на людей — участников экскурсии. Пилот, изначально работающий в специфических условиях (воздух, море, автомобильный транспорт), используется как метафорическое обозначение профессии в области туризма, что одновременно приводит к возникновению дополнительной семы предоставления различных услуг. Терминологическое употребление слова *pilot* для обозначения рыб из семейства окуневых основано на актуализации семы сопровождения, поскольку, как следует из дефиниции, их отличительное свойство состоит в сопровождении акул и кораблей.

В словаре современного польского языка под редакцией В. Дуная логика представления значений, а также их количество меняются. Лексема представлена тремя отдельными вокабулами: *pilot I*, *pilot II* и *pilot III*, что свидетельствует об омонимической интерпретации слова лексикографами. В рамках структуры *pilot I* указываются те же значения, что и в словаре В. Дорошевского (пилот-летчик, лоцман, пилот в велосипедном спорте и экскурсовод). Кроме того, появляется новый пример специализации слова: в качестве четвертого значения приводится «współpartner kierowcy w rajdzie samochodowym, prowadzący kierowcę po wyznaczonej trasie» ‘партнер водителя в ралли, направляющий его по заданному маршруту’, соответствующее номинации «ко-пилот» в автомобильных гонках [SJWPD1996].

Воздействием экстралингвистических факторов объясняется появление в вокабуле *pilot II* нового, еще не существующего в эпоху словаря Дорошевского значения «elektroniczne urządzenie do zdalnego sterowania telewizorem, magnetowidem itp.» ‘электронное устройство для дистанционного управления телевизором, видеоманитофоном и т.п.’. Способ возникновения данного значения интересует и самих современных носителей польского языка, отдающих себе отчет в его национальной лингвоспецифичности. Отвечая на вопросы о вероятном происхождении слова, польские лингвисты указывают, что не существует оснований для причисления данного ЛСВ к англисезмам, поскольку в английском языке для обозначения устройств, удаленно управляющих техническими приборами, используется субстантивированное прилагательное *remote* (универбат сочетания *remote control*) [Malinowski 2023]. Здесь же приводятся рассуждения о вероятном

направлении мысли польского номинатора, который мог осуществить мыслительную операцию по переносу значения с человека, управляющего самолетом, на прибор, имеющий в определенной степени сходные функции.

На наш взгляд, более убедительной представляется логика переноса со значения «автопилот» (*pilot automatyczny*) на телевизионный пульт — с прибора на прибор, на основании единства функции автоматического управления, в одном случае — самолетом, во втором — телевизором. Данный ряд номинаций можно признать открытым для процесса дальнейшей специализации значения вслед за появлением новых технических средств, имеющих пульт дистанционного управления.

Согласно этому же словарю, *pilot III* характеризуется как омоним, возникший, вполне очевидно, под воздействием американского варианта английского языка и уже относящийся к новой, непривычной для пилота сфере киноиндустрии: «fragment programu lub jeden z odcinków serialu zapowiadający wyemitowany przed projekcją całości i zachęcający do jej obejrzenia; zwiastun» ‘фрагмент программы, анонсирующий трансляцию какой-либо кинопродукции и побуждающий к просмотру; трейлер’ [SWJPD1996]. В данном случае, вне всякого сомнения, происходит семантическое заимствование из английского языка, слово в этом значении с полным основанием включается в словарь англосемантизмов А. Виталиш [Witalisz 2007, 276]. Примечательно, что в английском языке значение представленного в видеоролике анонса кинопродукции присутствует в двух лексемах: *pilot* и *trailer*. В одной из них сема «руководства к просмотру» заявлена эксплицитным образом, *pilot* — это ролик, который будет «управлять» вашим интересом и вниманием к рекламируемой продукции, в лексеме *trailer* данная сема отсутствует. Первичное значение слова *trailer* в английском языке — «прицеп», т.е. в возникающем новом ЛСВ актуализируется сема привязки к основному объекту, в данном случае — к кинофильму. Из двух лексических вариантов польский язык выбирает уже хорошо освоенное слово *pilot*; заметим тут же, что, в отличие от русского языка, *trailer* в польском языке не имеет формы прямого заимствования — для обозначения транспортного средства, прицепляемого сзади к автомобилю, существует только префиксальное существительное *przyczepa*. Обращает на себя внимание также тот факт, что в качестве дополнительного способа истолкования нового ЛСВ в словарной дефиниции приводится выступающее в качестве синонима исконное польское слово *zwiastun*, изменившее под влиянием английского языка свое первичное значение общего характера «ten, kto zwiastuje» ‘тот, кто предвещает что-либо’ на конкретизированное: «видеоролик рекламного характера».

Представленную в словаре В. Дуная омонимию слова *pilot* можно признать вполне оправданной, демонстрирующей, каким образом удаленность обозначаемых референтов (от профессии человека к наименованию прибора) способствует стиранию внутренней формы слова и омонимизации семантически связанных значений. На лексикографическую кодификацию значений слов как омонимических влияет и способ их возникновения. Новейшее заимствование из английского языка значения «видеоанонс» не связывается с предыдущим развитием семантической структуры слова, вследствие чего получает статус омонима *pilot III*.

В целом развитие семантики слова *pilot* в польском языке происходит под влиянием экстралингвистических и интралингвистических факторов. Топологическая структура слова на сегодняшний день может быть представлена как смешанная, в рамках которой имеют место следующие процессы:

- конкретизация (специализация) значений в наименованиях технических специальностей (воздух – море – гоночный транспорт), а также в наименованиях различных приборов (прибор для управления самолетом – телевизором – приставкой и т.п.);
- метафоризация: перенос с человека на устройство (автопилот), изменение референциальной области слова со специфически технической на культурно-познавательную и развлекательную (экскурсовод);
- терминологизация (актуализация потенциальной семы сопровождения);
- англосемантизация (калькирование способов употребления английского неосемантизма *pilot* с элементами выбора лексемы *pilot* из двух вариантов (*pilot* и *trailer*)).

Эпидигматика лексемы *пилот* в русском языке

Толковые словари русского языка предлагают в целом сходные с толкованиями польских словарей дефиниции слова *пилот*, включающие в себя:

Пилот – м. 1. Специалист, управляющий летательным аппаратом. 2. Спортсмен, управляющий гоночным автомобилем [Ожегов 2009]. В словаре под ред. Д.Н. Ушакова, наряду с первым, относящимся к области авиации значением, приводятся: 2. То же, что «лоцман» в 1 знач. «лицо, хорошо знающее фарватер и проводящее по нему суда» (мор., устар.). 3. То же, что «лоцман» во 2 знач. «морская рыба, сопровождающая акул и др. больших рыб и питающаяся остатками их пищи» (зоол.) [Ушаков 2007].

В отличие от польского языка, в семантической структуре русской лексемы отсутствуют ЛСВ «прибор для автоматического или дистанционного управления; пульт» и ЛСВ «профессия экскурсовода». Последнее значение, кроме двухосновного сложного слова *экскурсовод*, в русском языке выражается с помощью заимствованного в XIX в. из французского языка *гид*, в котором также эксплицитным образом представлена сема «водить, руководить». Весьма интересным в этой связи представляется комментарий Н.М. Шанского в этимологическом словаре: «гид заимствовано в XIX в. из франц. яз., где *guide* «проводник, гид» < итал. *guida* – тж. (от *guidare* «вести»). ср. однопризнаковые *вожатый, вождь* [Этимологический онлайн-словарь].

В семантической структуре русского *пилота* отсутствует и привнесенное из английского языка значение «видеоанонса», получившее форму англосемантизма от заимствованного ранее слова *трейлер*. Заметим, что в языке-доноре существуют определенные отличия в значении двух лексических единиц со сходным значением *trailer* и *pilot*: *трейлер* к фильму или к телепрограмме представляет собой «a set of short extracts which are shown to advertise it» [CD2023] ‘набор коротких отрывков, демонстрируемых с целью их рекламирования’, в то время как *пилот* в этом же значении – «a single television programme that is shown in order to find out whether a particular series of programmes is likely to be popular» [Ibidem] ‘отдельная телевизионная программа, которая показывается, чтобы выяснить, станет ли популярной серия подобных программ’. Выбор русским номинатором слова *trailer* представляется не совсем точным, поскольку примеры его функционирования иллюстрируют принятие словом общего значения, характерного именно для лексемы *pilot* в английском языке.

Несмотря на то, что новый ЛСВ *трейлер* уже безраздельно господствует в сфере рекламного кинодискурса, о чем свидетельствуют все интернет-киноафиши, сходное значение лексемы *пилот* все же фиксируется в словаре-справочнике новых слов 2014 г. издания: сущ. пилот* в значении «пробный или первый выпуск, номер и т.п. чего-л. (телепрограммы, киносериала, журнала и т.д.) с пометой проф.: *Уже готова первая передача цикла (или, как мы*

это называем, «пилот») новой развлекательной программы [Новые слова и значения, 135–136]. Тут же приводится и образованное от него прилагательное *пилотный*, получающее следующее истолкование: «являющийся пилотом; пробный, первый в ряду подобных; опытный, экспериментальный; пилотажный (см.) (проф.) [Там же, 137].

Небезынтересными представляются различия в истолкованиях одинакового референтного использования нового ЛСВ *pilot/пилот* в словарях языка-донора и языка-рецептора. Составители английских словарей обращают внимание на целевое предназначение «пилота»: программа, которая демонстрируется для того, чтобы обнаружить, будет ли она иметь успех, в то время как в русском определении акцент ставится исключительно на «экспериментальном, пробном» характере видеоанонса. Интерпретация английских лексикографов, с одной стороны, выявляет особенности менталитета практико-ориентированной американской нации, с другой стороны, помогает выявить логику возникновения нового ЛСВ, в котором сема «управления, руководства» ставится в зависимость от результатов «пробных» материалов.

В словаре английского языка *Collins Dictionary* [CD2023] данное значение приводится в качестве седьмого ЛСВ лексемы *pilot*, следующего за представленными в качестве трех отдельных ЛСВ:

4. A pilot scheme or a pilot project is one which is used to test an idea before deciding whether to introduce it on a larger scale ‘пилотная схема или пилотный проект для проверки замысла перед принятием решения о ее широком внедрении’.

5. If a government or organization pilots a programme or a scheme, they test it, before deciding whether to introduce it on a larger scale. ‘Если правительство или организация запускает пилотную программу или схему, они тестируют ее, прежде чем принять решение о ее внедрении в широком масштабе’.

6. If a government minister pilots a new law or bill through parliament, he or she makes sure that it is introduced successfully ‘если министр правительства проводит новый закон или законопроект через парламент, он следит за тем, чтобы он был успешно принят’ [Ibidem]¹.

Первое приведенное в словаре значение «пилотного проекта» можно рассматривать в качестве гиперонима; пятый и шестой ЛСВ представляют собой его конкретизацию, указывая на характер субъекта, проводящего тестирование, а также на его цель — выявление эмпирических оснований для дальнейших действий. Если осуществленная «проба» не будет эффективной, то она станет руководством к отказу от внедрения в практику, если же будет успешной, станет стимулом для реализации проекта.

В русском языке с 2001 г. также наблюдаются случаи употребления лексемы *пилот* в данном значении, например: *для стартапа пилот с известной компанией — это шанс найти крупного клиента* [vc.ru]; *пилот перехода к экономике замкнутого цикла может быть реализован в Крыму* [geo.ru]; *ЦБ сообщил о запуске пилота по реальным операциям* [iz.ru]; *реализация пилота по онлайн-торговле рецептурными лекарствами затягивается* [new-retail.ru]; *расплатиться цифровыми рублями участники пилота смогут в 30 торговых точках, расположенных в 11 городах России* [cbr.ru].

¹ Полное описание лексемы *pilot* в данном словаре включает в себя два значения: 1) «a pilot is a person who is trained to fly an aircraft» ‘пилот — человек, обученный управлять самолетом’ и 2) «a pilot is a person who steers a ship through a difficult stretch of water, for example the entrance to a harbour» ‘лоцман — человек, который управляет судном на сложном участке воды, например, при входе в гавань’.

Объяснение нового значения находим, однако, только на странице блога компании Альфа-Банк: «пилот — это тестирование новых решений, технологий или проверка гипотез» [habr.com]. Отсутствие данного ЛСВ в словарях и в других источниках можно объяснить окказиональностью его употребления, в отличие от высокой частотности употребления семантически эквивалентного ему словосочетания *пилотный проект*, согласующегося с морфологическими закономерностями русского языка. Если в английском языке в соответствии с присущим ему нефлексивным типологическим строем лексема *pilot* функционирует в трех морфологических категориях: существительного, прилагательного и глагола, то в русском языке механизм калькирования сопровождается соответствующим для прилагательных аффиксальным оформлением: *пилот-н-ый*. В связи с этим в современных дискурсивных практиках сочетание *пилотный проект* является высокочастотным, в то время как использование ЛСВ *пилот* в качестве существительного-универбата с тем же значением ограничено действием морфологической детерминанты. Словарь-справочник новых слов и значений по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в. приводит также форму сочетания *пилот-проект* [Новые слова и значения, 139], истолковывая ее: «то же, что пилотный* (см. 1-е знач.) проект (проф.) и отмечая, что она представляет собой полукальку с англ. языка *pilot project* [Там же]. Однако случаи употребления неологизма в форме аналитического прилагательного нами зафиксированы не были.

Популярность пилотных проектов в России находит свое отражение в стремительном росте употребления сочетания *пилотный проект*, которое приобретает статус модного слова и зачастую используется как средство повышения статуса собственного исследования. Только в научной электронной библиотеке *eLibrary* по запросу «пилотный проект» находим 15 547 статей в различных областях, включающих данное сочетание в свое название, например: «Пилотный проект “Экспортный стандарт”», «Пилотный проект “Московское долголетие”», «Пилотный проект “Сиделка”» и т.п. Значительная часть статейных заголовков представляет собой гибридную русско-английскую форму: *Пилотный проект «LFF – learning for the future»*, *Пилотный проект Bitland*. Примечательно, что в одном названии научной статьи на русском языке в качестве истолкования сочетания *пилотный проект* в скобках предлагается его английское соответствие: «Пилотный проект (*A pilot project*)». О достаточно прочном вхождении в современные дискурсивные практики синтагмы *пилотный проект* свидетельствует наличие значительного количества дефиниций сочетания, представленных в различных интернет-источниках справочного характера, например: *проект, выполняемый для анализа результатов и оценки эффективности перед началом полномасштабного проектирования или внедрения* [wiktionary.org]; *временный проект, предназначенный для проверки жизнеспособности уникального предложенного решения* [isuct.ru] и др.

В польском языке случаи употребления существительного *pilot* в значении «пилотный проект» не фиксируются ни в интернет-ресурсах, ни в лексикографических изданиях. Единственным способом заимствования значения «деятельность, направленная на тестирование проектов» является сочетание прилагательного с существительным *projekt pilotażowy*, используемое в области менеджмента и имеющее значительно меньшую частотность употребления по сравнению с русским языком (1 550 000 вхождений по запросу *projekt pilotażowy* в системе Google.pl при 2 550 000 вхождений по запросу *пилотный проект* в системе Google.ru). Данный факт может быть связан с наличием полукальки, в которой слово *projekt* заменяется на автохтонное польское существительное *wdrożenie* (внедрение). Отвечая на вопрос носителей польского языка, употребление какого из двух прилагательных

wdrożenie pilotowe или *pilotażowe* можно считать правильным, польский ученый-лексикограф М. Банько констатирует преимущественное использование прилагательного *pilotażowy*, хотя случаи использования прилагательного *pilotowy* также имеют место [Bańko 2003]. Заметим, что тенденция к калькированию англо-американских заимствований средствами национального языка в польском языке представлена значительно шире, чем в русском языке (см. подробнее: [Шкапенко, Дмитриевская 2021]).

В целом топологическая структура слова *пилот* на сегодняшний день может быть представлена как радиальная, в рамках которой имеют место следующие процессы:

- конкретизация значений в наименованиях технических специальностей (воздух – море – гоночный транспорт);
- терминологизация (актуализация потенциальной семы сопровождения);
- англосемантизация (калькирование употребления с английского *pilot* с преимущественным использованием в виде ассимилированного сочетания *пилотный проект*).

Выводы

Контрастивная перспектива изучения динамики семантического развития интернациональных лексем *пилот/пилот* на материале польского и русского языков позволяет выявить универсальные и специфические черты в их эпидигматике. Для изменений, происходящих в развитии семантики слов в период до рубежа XX–XXI столетий, характерны процессы специализации значения с целью номинации профессиональных разновидностей «пилотов» в зависимости от вида транспорта, что, вполне очевидно, является универсалией для всех европейских языков. Появление метафорических обозначений – с человека на прибор и с сугубо технической профессии на культурно-развлекательную – является особенностью развития значения слова именно на почве польского языка.

Сравнение изменений в употреблении русской и польской лексемы в период англоглобализации дает основания для выводов о том, что даже в процессе семантического заимствования остается место для лингвокогнитивного выбора номинатором конкретной лексической единицы. Значение видеонаблюдения в польском языке привязывается к уже хорошо освоенному слову *pilot*, в русском языке – к менее освоенному заимствованию *трейлер*, точно калькируя форму и смысл и более полно мимикрируя под лексикон американской киноиндустрии. В освоении инновационного значения «экспериментальное тестирование с целью проверки эффективности» в русском языке преобладает форма сочетания *пилотный проект* при отдельных случаях употребления лексемы *пилот*. В польском языке используется только сочетание *projekt pilotażowy* параллельно с полонизированным вариантом *wdrożenie pilotażowe*. Дальнейшее сравнительно-сопоставительное изучение эпидигматики интернациональных лексем в польском и русском языках способно выявить не только универсальное и специфичное в развитии их семантики, но и предоставить лексические данные о действии в языках двух конкурирующих тенденций – англоглобализации и локализации, стремящейся к сохранности национального лексического вокабуляра.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛСВ – лексико-семантический вариант.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка.
CD – Collins Dictionary.
SJPД – Słownik języka polskiego.
SWJPD – Słownik współczesnego języka polskiego.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбов А.А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX–XXI веков // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 87–101.
- Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25.
- Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / [Т.Н. Буцева, Е.Н. Геккина, Ю.Ф. Денисенко, О.М. Карева, А.Ю. Кожевников, Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, С.Д. Левина, Ю.С. Ридецкая, Е.П. Снегова, Н.Г. Стулова, Е.Н. Шагалова]; под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова; Ин-т лингвистических исследований РАН. Т. 3: Паркомат – Я. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: Оникс [и др.], 2009. 1359 с.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2004. 608 с.
- Попова С.Б. Лингвистические детерминанты формирования образа успеха: на материале русского и польского языков: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2022. 199 с.
- «Свое» vs «чужое» в дискурсивных практиках современного русского языка: монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. 345 с.
- Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний / Д.Н. Ушаков. М.: Альта-Принт [и др.], 2007. 1239 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. / пер. с немецкого О.Н. Трубачева, с доп. Под ред. и с пред. проф. Б.А. Ларина. Первое русскоязычное издание: М., 1964–1973; второе – 1986–1987. Т. 3. Муза – Сят.
- Шкапенко Т.М., Дмитровская М.А. Функционирование англоязычных заимствований в научно-образовательном дискурсе современного польского языка // Вестник Балтийского федерального университета. Серия: Филология, педагогика, психология. 2021. № 3. С. 22–30.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. 2-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
- Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/гид> (дата обращения: 14.08.23).
- Banko M. Pilotowy czy pilotażowy? // Słownik języka polskiego. Słowotwórstwo. 2003. URL: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/pilotowy-czy-pilotazowy;3166.html> (дата обращения: 14.08.23).
- CD – Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 14.08.23).
- Malinowski M. Pilot // Obcy język polski. Blog o poprawnej polszczyźnie od roku 2002. URL: <https://obcyjezykpolski.pl/pilot/> (дата обращения: 10.08.23).
- Markowski A. Jawne i ukryte zapożyczenia leksykalne w mediach // Język w mediach masowych. Warszawa, 2000. S. 96–111.
- SJPD – Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego. T. I–XI. Warszawa: PWN, 1997.
- SWJPD – Słownik współczesnego języka polskiego / red. B. Dunaj. Warszawa: Wilga, 1996. 1437 s.
- Witalisz A. Anglosemantyzmy w języku polskim. Kraków. Tertium. 2007. 342 s.

Рукопись поступила в редакцию 18.08.2023

Рукопись принята к печати 26.09.2023

REFERENCES

- Banko M. Pilotowy czy pilotażowy? *Słownik języka polskiego. Słowotwórstwo*, 2003. Available at: <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/pilotowy-czy-pilotazowy;3166.html> (accessed: 14.08.23).
- CD – *Collins Online Dictionary*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed: 14.08.23).
- Etimologicheskij onlajn-slovar russkogo yazyka Shanskogo N.M.* Available at: <https://lexicography.online/etymology/shansky/gid> (accessed 14.08.23). (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka*, t. I–IV, per. s nemeckogo O.N. Trubacheva, s dop., pod red. i s pred. prof. B.A. Larina. *Pervoe russkoyazychnoe izdanie* – Moscow, 1964–1973; *vtoroe* – 1986–1987, t. 3: Muza – Syat. (In Russ.)
- Gorbov A.A. K voprosu o semanticheskom kal'kirovanii i «vtorichnom zaimstvovanii» v russkom yazyke rubezha XX–XXI vekov. *Voprosy yazykoznaniya*, 2015, no. 1, pp. 87–101. (In Russ.)
- Malinowski M. *Pilot. Obcy język polski. Blog o poprawnej polszczyźnie od roku 2002*. Available at: <https://obcyjezykpolski.pl/pilot/> (accessed: 10.08.23).

- Markowski A. Jawne i ukryte zapożyczenia leksykalne w mediach, *Język w mediach masowych*, Warszawa, 2000, pp. 96–111.
- Novye slova i znacheniya: slovar-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: v 3 t. [T.N. Buceva, E.N. Gekkina, Yu.F. Denisenko, O.M. Kareva, A. Yu. Kozhevnikov, N.A. Kozulina, E.A. Levashov, S.D. Levina, Yu.S. Rideckaya, E.P. Snegova, N.G. Stulova, E.N. Shagalova]; pod red. T.N. Bucevoj (otv. red.) i E.A. Levashova; In-t lingvisticheskikh issledovanij RAN, t. 3: Parkomat – Ya, St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2014, 1360 p. (In Russ.)
- Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij*, S.I. Ozhegov, pod red. L.I. Skvortsova, 26-e izd., ispr. i dop., Moscow, Oniks Publ. [i dr.], 2009, 1359 . (In Russ.)
- Paducheva E.B. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury (Studia philologica) Publ., 2004, 608 p. (In Russ.)
- Popova S.B. *Lingvisticheskie determinanty formirovaniya obraza uspeha: na materiale russkogo i polskogo yazykov*: dis. ... kand. filol. Nauk. BFU im. I. Kanta, Kaliningrad, 2022, 199 p. (In Russ.)
- Shkapenko T.M., Dmitrovskaya M.A. Funktsionirovanie angloyazychnykh zaimstvovaniy v nauchno-obrazovatel'nom disкурсе sovremennogo pol'skogo yazyka. *Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2021, no 3, pp. 22–30. (In Russ.)
- Shmelev D.N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki*. D.N. Shmelev. 2-e izd., ster. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 280 p. (In Russ.)
- SJPD – *Słownik języka polskiego*, pod red. W. Doroszewskiego, t. I–XI, Warszawa, PWN Publ., 1997.
- «Svoe» vs «chuzhoe» v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo yazyka: monografiya, pod red. N.G. Babenko, T.M. Shkapenko, Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I. Kanta Publ., 2019, 345 p. (In Russ.)
- SWJPD – *Słownik współczesnego języka polskiego*, red. B. Dunaj, Warszawa, Wilga Publ., 1996, 1437 p.
- Ushakov D.N. *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 180 000 slov i slovosochetaniy*. D.N. Ushakov, Moscow, Al'ta-Print [i dr.] Publ., 2007, 1239 p. (In Russ.)
- Witalisz A. *Anglosemantyzm w języku polskim*, Kraków, Tertium Publ., 2007, 342 p.
- Zaliznyak A.A. Semanticheskaya derivatsiya v sinkhronii i diakhronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov». *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, no. 2, pp. 13–25. (In Russ.)

Received on 18.08.2023

Accepted on 26.09.2023

Информация об авторах:

Шкапенко Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, доцент,
профессор Института гуманитарных наук
«Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта»
г. Калининград, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6892-4205
E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Дудурич Ольга Валерьевна

аспирант Института гуманитарных наук
«Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта»
г. Калининград, Российская Федерация
ORCID: 0009-0000-3191-8074;
e-mail: olvdudurich@kantiana.ru

Information about the authors:

Tatyana M. Shkapenko

DSc. (Philology), Assistant Professor, Professor
Institute of Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6892-4205
E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Olga V. Dudurich

Postgraduate Student
Institute of Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation
ORCID: 0009-0000-3191-8074
E-mail: olvdudurich@kantiana.ru

Библейское цитатное пространство «Грамматики славенския правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 года

© 2024 г. М.А. Гаврилков

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

maxim.gavrilkov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется библейское цитатное пространство «Грамматики славенския правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого (1619 г.). До сих пор этот вопрос оставался за пределами внимания исследователей: цитатное пространство лишь частично представлено в рамках справочного аппарата научных изданий Грамматики. В статье проводится деление библейского материала на три уровня: библейские формулы, библейские имена и библейские цитаты двух типов: маркированные (атрибутированные Мелетием Смотрицким посредством особых помет на полях) и немаркированные (библейские цитаты без указания на источник). В процессе исследования автор выявил 110 ранее не атрибутированных цитат и исправил неточности прежней атрибуции библейских цитат в научных изданиях Грамматики. Тем самым был впервые сформирован корпус всех библейских цитат, содержащихся в Грамматике Смотрицкого.

Ключевые слова: Грамматика, Мелетий Смотрицкий, библейские цитаты, церковнославянский язык.

Ссылка для цитирования: Гаврилков М.А. Библейское цитатное пространство «Грамматики славенския правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 года // Славяноведение. 2024. № 2. С. 116–123. DOI: 10.31857/S0869544X24020103, EDN: zdbldq

Biblical Quotation Layer in Meletius Smotrytsky's Slavonic Grammar with Correct Syntax (1619)

© 2024. Maxim A. Gavrilkov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

maxim.gavrilkov@gmail.com

Abstract. The paper analyses the biblical quotation layer in Meletius Smotrytsky's *Slavonic Grammar with Correct Syntax (Gramatiki Slavenskija Pravilnoe Syntagma, 1619)*. Until now this issue has not been studied, and only some quotation attributions were listed in the index sections of Grammar's academic editions. The article introduces

three levels of the biblical quotation layer in the Grammar: biblical formulae, biblical names, and biblical quotations of two types, i.e. marked (marginalia written by Smotrytsky), and unmarked (without indication of their biblical sources). The author discovered and attributed 110 previously unknown quotations, corrected inaccuracies in quotation attributions in Grammar's academic editions. As a result, the author could develop the corpus of all biblical quotations from the Grammar.

Keywords: Grammar, Meletius Smotrytsky, Biblical Quotations, Church Slavonic.

For citation: Maxim A. Gavrilkov. Biblical Quotation Layer in Meletius Smotrytsky's Slavonic Grammar with Correct Syntax (1619) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. No. 2. P. 116–123. DOI: 10.31857/S0869544X24020103, EDN: zdbldq

Императивные для христианской культуры библейские тексты, задававшие горизонт историко-символической экзегезы, определяли ядро цитатного пространства не только книжных текстов, но и метатекстов: букварей, словарей, орфографических трактатов и грамматик.

Грамматика церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого *Грамматики Славянская правнаго Считанна* (далее — *Грамматика*) была издана в 1619 г. в Евье¹, в Великом княжестве Литовском, в пространстве культурно-языкового пограничья, в рамках которого конкурировали четыре языка: латинский и церковнославянский, польский и «проста мова».

В предисловии к *Грамматике*, написанном на «простой мове» (*Рѣкѣй ѿзъкъ*), Смотрицкий называет четыре книги, входящие в состав учительных библейских книг, т.е. книг, в соответствии с библейской традицией, содержащих учение о благочестии:

- Псалтырь, которая выучивалась наизусть в рамках образовательной парадигмы в православной традиции (*По ѿслобѣ зѣ и ѿмѣни (которыи ѿписаны кѣрги не мѣнѣ) выдѣни са ѿла Грамматика зъ выкладомъ*) [Мелетій Смотрискій 1619, (Г об. —) (Д²)];
- Книга Притчей Соломоновых, Книга Премудрости Соломона, Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, которые приводятся как образец для перевода с греческого языка на церковнославянский и с церковнославянского языка на «просто

¹ Анализ экземпляров *Грамматики* с разными титульными листами, указывающими либо на 1618 г., либо на 1619 г. (в некоторых экземплярах встречается два титульных листа, причем лист за 1618 г. помещен после листа 1619 г. и после предисловия), позволил Хассо Бауманну прийти к выводу, что все экземпляры представляют собой один набор с одинаковым содержанием основной части, имеющий в том числе одинаковые опечатки: «In allen genannten Exemplaren gehört die eigentliche Grammatik zu ein und demselben Druck. Sämtliche Exemplare weisen die gleichen Druckfehler und sonstigen Versehen des Setzers auf. Seite für Seite entsprechen einander» («Во всех названных экземплярах настоящая грамматика принадлежит одному и тому же изданию. Во всех экземплярах обнаруживаются одинаковые опечатки и другие ошибки наборщика. Соответствие наблюдается страница за страницей». Перевод. — М.Г.) [Baumann 1958, 684]. При этом печать *Грамматики* была начата в 1618 г., когда отпечатали первый титульный лист, вставленный в некоторые ранние экземпляры *Грамматики*. Вероятно, их начали распространять до окончания печати всего тиража, поэтому в них нет титульного листа за 1619 г. Когда закончили печать всех экземпляров, был подготовлен новый титульный лист [Ibid., 685]. Список и обсуждение известных экземпляров и переизданий см. в [Mathiesen 1981; Шустова 2020]. Замечание О. Горбача о возможных отличиях в основном тексте [Smotryc'kyj 1974, II] вызывает сомнения: просмотренные нами доступные факсимиле экземпляров из РГБ, РНБ, Вильнюса, Вены, Йены, Праги идентичны (экземпляры из Кракова и БАН остались недоступны).

² В *Грамматике* нумерация листов / страниц отсутствует, пронумерованы тетради (Предисловие:) (Ѣ —) (Ѧ, основной текст: АѢ — ИѦ). Далее дается указание на номер страницы в экземпляре *Грамматики* из университетской библиотеки г. Йены (Германия) [Мелетій Смотрискій 1619], в котором страницы пронумерованы держателем данного экземпляра, предположительно, И. Лудольфом. Предисловие не имеет нумерации в экземпляре, поэтому здесь дается ссылка на типографский номер тетради, совпадающий с номером листа.

Христа в духовном и реальном времени, явлены [в *Грамматике*] для презентации собственных имен как особого именного разряда» [Запольская 2007, 147].

Библийские цитаты в *Грамматике* также иллюстрируют грамматические правила. Они относятся к двум типам: маркированным и не маркированным.

Маркированные библийские цитаты — это цитаты, атрибутированные самим Смотрицким: на библийский источник указывают пометы на полях. В *Грамматике* содержится 65 маркированных библийских цитат, расположенных исключительно в разделе о синтаксисе, а именно: в главах о сочинении имени, местоимения, глагола и отсутствуют в главах о сочинении деепричастия, «причастодетия», безличных глаголов, причастия, наречия, предлога, союза, междометия, «о синтаксисе образной». Атрибуция в этих трех главах проходит непоследовательно — большинство цитат остаются без атрибуции. Билингвальные цитаты, приведенные на греческом и церковнославянском языках, маркированы в главе о сочинении местоимения.

Можно предположить, что ряд маркированных цитат восходит к грамматикам, на которые опирался Смотрицкий. Вместе с тем для Смотрицкого был принципиален прагматико-экзегетический параметр, поскольку лингвистические сочинения в профессиональной культуре носят экзегетический характер, сообщая грамматическую экзегезу библийских фрагментов, ср.: «Der anonyme Verfasser des slavischen Grammatik-Traktats füllt mit diesem Zitat nicht nur einfach eine offene Stelle seines Tempusparadigmas, sondern er treibt zugleich konkret identifizierbar grammatische Exegese an einem in der slavischen Überlieferung problematischen Satz des Evangeliums»⁵[Keipert 1999, 26].

Маркированные библийские цитаты распределяются по библийским книгам следующим образом:

I. Ветхозаветные книги: Быт. — 1; Пс. — 16; Еккл. — 1; Прит. — 4, Сир. — 6 (28 цитат, в том числе 26 из учительных книг, названных Смотрицким в предисловии).

II. Новозаветные книги: Мф. — 5⁶; Мк. — 2; Лк. — 6; Ин. — 8; Деян. — 2; Рим. — 6; 1 Кор. — 3; 2 Кор. — 1; Флп. — 1; Кол. — 1; 1 Тим. — 2 (37 цитат: 21 — Евангелия, 2 — Деяния апостолов, 14 — Послания апостолов).

Маркированные библийские цитаты были отражены в научных изданиях *Грамматики* О. Горбача 1974 г.⁷ [Smotryc'kij 1974] и Е.А. Кузьминовой 2000 г.⁸ [Грамматики Лаврентия Зизания 2000] с рядом изменений атрибуции Смотрицкого:

- Верно исправлены две неточные атрибуции Смотрицкого: 1) цитата из Книги Екклесиаста *Сѣце мѣдыхѣхъ въ домѣ плѣти, сѣце же кезѣмныхъ въ домѣ всеіа* Смотрицким атрибутирована как *Екклѣ: г: 4:* [Мелетій Смотрискій 1619, 386], номер стиха(?) дан вместо номера главы (Еккл. 4 вместо Еккл. 7:4); 2) цитата из Евангелия от Луки *Дѣвѣиша слышали слово Кѣѣ* (Лк. 5:1) в *Грамматике* — *Лѣк: г: 5:* [Там же, 431].

- Ошибочно исправлена верная атрибуция Смотрицкого *Прнч: г: 1:* для цитаты *Лѣшче нѣщѣхъ правѣдѣхъ / нѣже богѣхъ лѣжѣ* [Там же, 384] (Прит. 19:22, ср. *ОБ: лѣче же нѣщѣ*

⁵ «Этой цитатой анонимный автор славянского грамматического трактата не только заполняет позицию в парадигме времени, но и осуществляет конкретно идентифицируемую грамматическую экзегезу евангельского фрагмента, вызывающего трудности при переводе на славянский» (Перевод. — М.Г.).

⁶ Здесь учитывается исправление атрибуции Смотрицкого, которое будет рассмотрено ниже (Мф. 7:8 вместо Ин 11:22).

⁷ Издание Горбача снабжено тремя указателями: указателем приведенных примеров, указателем грамматических терминов, указателем библийских цитат, идентифицированных на основе Острожской Библии (далее — *ОБ*). В указателе библийских цитат сообщается глава (или псалом) и стих (но в *ОБ* отсутствует деление на стихи).

⁸ В издании Кузьминовой воспроизводятся все указатели издания Горбача с несколькими отличиями (о них будет сказано ниже).

⁹ В *ОБ* нет деления на стихи. Возможно влияние латинской традиции.

прѣбѣдѣ, нѣке когѣмъ лѣжѣ) на Прит. 28:6 (ср. ОБ: *лѣче нѣцѣ хѣдѣнъ въ нѣтѣнѣ, нежелн когѣмъ лѣжѣ*) [Smotryc'kyj 1974, 192].

Атрибуция Смотрицкого *Млѣ: ѣ: ѣз:* [Мелетій Смотрискій 1619, 399] ошибочно отнесена к предпоследнему примеру правила, который верно атрибутирован издателями как Мф. 8:29: *Ѹгѣ нлмъ ѣ чѣѣ ѣ Сѣ Бѣѣ* [Smotryc'kyj 1974, 200; Грамматики Лаврентия Зизания 2000, 404]. Тем не менее авторская атрибуция относится к последнему примеру: *Нѣгѣ же чѣѣ н прѣбѣдѣмъ ѣмъ*, который является цитатой из Евангелия от Матфея (Мф. 27:19), маркированной Смотрицким.

В результате проведенного исследования удалось уточнить предложенную в научных изданиях атрибуцию стихов у следующих трех маркированных цитат (справа после стрелки дана правильная атрибуция):

1. Сир. 13:17 → Сир. 13:21: *Кѣл ѣкѣнѣл ѣлѣмъ ѣ ѣнѣмъ/ чѣкѣ же ѣ грѣшнѣмъ ѣ ѣгѣчѣнѣ* [Ibid., 206; Там же, 412].

2. Сир. 13:18 → Сир. 13:22: *Кѣн мѣрѣ ѣнѣмъ ѣ Ѹѣмъ, ѣ кѣн мѣрѣ когѣмъ ѣ ѣѣѣ* [Ibid., 206; Там же, 412].

3. 1 Тим. 4:10 → 1 Тим. 4:9: *Бѣрѣнѣ слѣѣ ѣ ѣлѣмъ прѣнѣлѣ доѣѣѣ* [Ibid., 193; Там же, 394].

В обоих изданиях осталась незамеченной ошибочная атрибуция Смотрицкого *Ѹѣ: ѣ: ѣ:* для цитаты *Бѣлѣмъ прѣлѣмъ/ ѣ ѣѣлѣ ѣѣѣѣѣ* [Мелетій Смотрискій 1619, 407], приписанная Ин. 11:22: [Smotryc'kyj 1974, 204; Грамматики Лаврентия Зизания 2000, 409]. В этой же главе о «возносительных» местоимениях действительно находятся цитаты из Ин. 11 на соседних листах, но, несмотря на близость к Ин. 11:22 (ср. ОБ: *ѣѣ ѣлѣлѣ ѣѣ прѣнѣлѣ ѣ ѣлѣ. дѣѣ чѣѣ ѣѣ*), верная атрибуция — Мф. 7:8 (ср. ОБ: *ѣлѣмъ ѣѣ прѣлѣмъ, прѣлѣмъ ѣ ѣѣлѣ, ѣѣѣѣѣ*).

Немаркированные библейские цитаты, в которых отсутствует указание на источник, имплицитны, что создает сложность для исследователя: их надо выявить и правильно атрибутировать. Именно немаркированные библейские цитаты представлены во всех четырех разделах *Грамматики*, при этом большинство цитат сконцентрировано в разделе о синтаксисе. Билингвальные немаркированные цитаты находятся в главе о сочинении наречий отрицания, трилингвальные библейские цитаты, представленные на греческом, церковнославянском и «простой мове», сосредоточены в главе «о сочинении неопределенных» глаголов (правило 4).

Частичная атрибуция немаркированных библейских цитат была представлена в научных изданиях *Грамматики*.

В указателе библейских цитат в издании Горбача всего 156¹⁰ позиций (162 цитаты с учетом повторяющихся атрибуций), отражающих как маркированные Смотрицким, так и немаркированные библейские цитаты. В издании Горбача было впервые выявлено и атрибутировано 97 немаркированных библейских цитат (в качестве разных цитат мною считались повторяющиеся цитаты, а также цитаты с одинаковой атрибуцией, занимающие в указателях одну позицию, но содержательно отличающиеся, например: Мф. 6:10 *дѣ ѣѣѣмъ ѣлѣмъ чѣѣмъ ѣѣмъ на нѣѣ, ѣ на ѣѣѣлѣ* [Мелетій Смотрискій 1619, 449] и *дѣ прѣнѣѣмъ ѣѣѣѣмъ чѣѣмъ, дѣ ѣѣѣмъ ѣлѣмъ чѣѣмъ* [Там же, 458]).

Указатель библейских цитат в издании Кузьминовой включает 158 позиций (164 цитаты с учетом повторяющихся атрибуций), демонстрируя следующие изменения по сравнению с предыдущим научным изданием:

1. Добавлена 1 новая атрибуция: Пс. 151: *Бѣлѣмъ мѣѣмъ дѣѣѣмъ ѣ ѣѣѣѣмъ/ ѣ ѣѣ ѣѣѣѣѣ ѣ ѣѣ Гѣѣ* (Пс. 151:5) [Грамматики Лаврентия Зизания 2000, 392].

¹⁰ При этом цифру 156 (библейских цитат) называет Кошуба в своей диссертации [Kosiuba 1975, 311], но не ссылается на издание Горбача.

2. Добавлены 2 квазиатрибуции, предлагающие параллельные места к уже атрибутированным цитатам, включенным в указатели:
Мк. 6:37 (= Мф. 14:16): *Дадѣте ѿмѣ бы ѿстн* [Там же, 427],
Мк. 10:45 (= Мф. 20:28): *Сѣтъ члвкъ не приде да послѣжитъ ѿбѣ/ но послѣжити* [Там же, 431].
3. Устранена 1 ошибка-дублет указателя Горбача: «Мк. 19:30» — опечатка, дублирующая Мф. 19:30: *Мнози вѣдѣтъ первѣн/ послѣднн, ѿ послѣднѣн/ первѣн* (маркированная цитата [Мелетій Смотрискій 1619, 386]), причем в Евангелии от Марка всего 16 глав.
4. Исправлена атрибуция 2 цитат: *Ѿ чѣска ѿ мѣстн ѿпѣниса дшѣ моѣ* Пс. 62:6 [Грамматики Лаврентия Зизания 2000, 421], *Никтоже ѿ нѣ погнѣ* Ин. 17:12 [Там же, 397] вместо Пс. 62:16 [Smotryckij 1974, 213], Ин. 17:2 [Ibid., 196] соответственно у Горбача. К сожалению, в издании воспроизведены восемь ошибочных атрибуций¹¹ Горбача, которые были мною исправлены (справа после стрелки дана правильная атрибуция):
 1. Лк. 24:13 → Ин. 1:35: *Нѣоша ѿ ѿчѣникъ ѿгѣ двѣ* [Ibid., 196; Грамматики Лаврентия Зизания 2000, 397]¹².
 2. Мф. 25:28 (талант) → Лк. 19:24 (мнас): *Дадѣте ѿмѣщѣмъ дѣлѣтѣ мнѣ* [Ibid., 214; Там же, 424].
 3. Ин. 1:47 → Ин. 1:46: *Ѿ Назарѣга мѣжитъ ли что докро кѣгн* [Ibid., 215; Там же, 425].
 4. Мф. 14:17 → Мф. 14:16 (вместе с параллельным чтением Мк. 6:37, излишним для атрибуции): *Дадѣте ѿмѣ бы ѿстн* [Ibid., 217; Там же, 427].
 5. Пс. 141:18 → Пс. 141:7: *Исведѣн ѿ темнища дшѣ моѣ* [Ibid., 228; Там же, 444].
 6. Лк. 5:50 → Лк. 5:5: *Ѿвѣ ноцѣ трѣбѣше: ничтоже ѿхотѣ* [Ibid., 230; Там же, 445].
 7. Пс. 63:5 → Пс. 62:5: *Ѿ ѿмени чвоемъ вѣдѣнѣ рѣчѣ моѣ* [Ibid., 230; Там же, 446].
 8. Мф. 19:21 → Мф. 8:22: *Грѣди по мѣ* [Ibid., 230; Там же, 446].

Проведенное исследование библейского цитатного пространства *Грамматики* позволило установить точную атрибуцию еще **110** ранее не замеченных библейских цитат. Таким образом, общее количество выявленных и атрибутированных немаркированных библейских цитат в *Грамматике* достигло **208**.

Немаркированные библейские цитаты распределяются по библейским книгам следующим образом:

I. Ветхозаветные книги: Быт. — 7; Исх. — 3; 3 Цар. — 1; Иов — 2; Пс. — 68; Еккл. — 2; Прит. — 6; Сир. — 9; Ис. — 7 (105 цитат, в том числе 83 из них относятся к учительным книгам, названным Смотрицким).

II. Новозаветные книги: Мф. — 41; Мк. — 5; Лк. — 10; Ин. — 14; Деян. — 10; Иак. — 2; Рим. — 3; 1 Кор. — 6; 2 Кор. — 2; Гал. — 1; Еф. — 1; Флп. — 2; 1 Тим. — 1; 2 Тим. — 1; Евр. — 1; Отк. — 3 (103 цитаты: 70 — Евангелия, 10 — Деяния апостолов, 20 — Послания апостолов, 3 — Откровение от Иоанна).

Соответственно, библейское цитатное пространство *Грамматики* включает 65 маркированных и 208 немаркированных библейских цитат, образующих корпус из **273** библейских цитат.

¹¹ Верную атрибуцию цитаты *Нѣко ѿ землѣ прѣидѣ/ словеса же моѣ не мимондѣтъ* как Лк. 21:33 надо заменить на Мф. 24:35, поскольку следующий за ней пример в *Грамматике* (*Вѣдѣтъ тогдѣ скорѣ вѣлѣ/ ѿкова же нѣгѣ кѣлѣ ѿ пѣлѣлѣ мѣлѣ доелѣ, ниже ѿмѣтъ кѣгн*) также является стихом из Евангелия от Матфея — Мф. 24:21 [Грамматики Лаврентия Зизания 2000, 442; Мелетій Смотрискій 1619, 450]. Данная замена не входит в рассматриваемые ниже 8 случаев.

¹² Можно предположить, что данный пример является контаминацией двух евангельских цитат. Контаминация — результат влияния литургической практики, а именно соположенных евангельских чтений в соседние дни в рамках годового подвижного богослужебного цикла, которые читаются в первый вторник и первую среду после Пасхи. Ср.: *Грамматика: Ѿ Родѣниаго мѣ со ѿмены, сократѣ/ члвкъ/ члвкъ/ ѿ члвкъ знаменѣниа ... Нѣоша ѿ ѿчѣникъ ѿгѣ двѣ* ОБ: (Лк. 24:13—1 вт. по Пасхе): *Н ѿ двѣ ѿ нѣ вѣбѣлѣ нѣдѣлѣ в чѣн же дѣлѣ* (Ин. 1:35—1 ср. по Пасхе): *Вѣ ѿчѣрѣн же пакн ѿгѣлѣ юмнѣ, н ѿ ѿчѣникъ ѿгѣ двѣ.*

На примере выборки из выявленных цитат из названных в предисловии учительных библейских книг ниже продемонстрирована реализация установки Смотрицкого, соотношение предисловия и основного текста *Грамматики*, в главе о сочинении глагола с дательным падежом (табл. 1).

Таблица 1

Правило	Пример	Атрибуция
Ŭ дѣтелѡмъ со глѡмъ: Гѣ: г, Прѣнло/ г дѣтелѡмъ сочинѣнѣа глѣи сѣдженѣа, помаганѣа, повинновѣа, послѣдованѣа, забвѣнѣа, поношенѣа, пререканѣа, ревнованѣа, советчованѣа, навѣчтованѣа, вниманѣа: ѡ прѣ. ѡ сѣи сопротчвѣнѣи: [Мелетій Смотрискій 1619, 417]	ѡкъ, ѡдѡ/ ѡце прѣчѣдѣши рѣчѣа гѣи Бѣдѣ/ ѡчѣговѣи дѣдѣ твоѡ во ѡбѣшѣнѣи. Помошѣи ми Бѣе спѣсѣтелѡ мой: не забвѣи творѣнѣи кѣзѣакѡнѣи: поношѣи ми вѣмъ: не ревнѣи обѣсѣнѣи: вѡмѣи ми	Сир. 2:1 Пс. 78:9 Пс. 36:1 Пс. 54:13 / Пс. 73:10 Пс. 36:1 Пс. 21:2
Ŭ ѡбѣмъ дѣтелѡмъ со глѡмъ: Прѣнло/ лѣ Кѣждѡ глѣ прѣмѣлѣчѣ дѣтелѣи лѣцѣ/ ѡдѣдѣ ѡ ѡи ѡчѣдѣ знаменѣицѣи, [Там же, 418]	ѡкъ, Сѣе ѡце прѣмѣдѣрѣ вѣдѣши, тѣкѣ прѣмѣдѣрѣ вѣдѣши/ ѡ ѡскрѣи твоѡмъ	Прит. 9:12
Ŭ Гѣ: ѡмъ, дѣтелѡмъ сочинѣмѡмъ: Прѣнло/ гѣ ѡмъ/ в мѣчѣѡ/ ѡмъ, дѣтелѣ прѣчѣлѣчѣ. [Там же, 418]	ѡкъ, Сѣеи лѣи гѣи ѡдѣ/ ѡмѣи ѡ: Сѣеи лѣи гѣи ѡмѣи/ внимѣи тѣкѣ ѡхѣ	Сир. 7:25–26

Таким образом, в результате проделанной работы удалось исправить атрибуцию библийских цитат, выявить и атрибутировать ранее не замеченные цитаты. Новые данные позволили сформировать корпус всех библийских цитат, содержащихся в Грамматике Смотрицкого. Публикация корпуса планируется в специальном цифровом издании.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург.

ОБ – Острожская Библия.

РНБ – Российская национальная библиотека.

РГБ – Российская государственная библиотека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гардзанини М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М.: Индрик, 2014. 232 с.

Граматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисловие Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремнёвой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 528 с.

Запольская Н.Н. Рефлексия над именами собственными в пространстве и времени культуры // *Имя: семантическая аура*. М.: Языки славянских культур. 2007. С. 133–150.

Запольская Н.Н. Словесные формулы христианской культуры в славянских лингвистических сочинениях XVI–XVII вв. // *Стереотипы в языке, коммуникации и культуре*. М.: РГГУ, 2009. С. 243–250.

Мелегій Смотриській. Грамматикі Славенских правилное Свнтагма. Евю, 1619. [Електронний ресурс]. URL: https://collections.thulb.uni-jena.de/receive/HisBest_cbu_00035439 (дата обращения: 11.01.2023).

Шустова Ю. Провенієнції в примірниках Граматики Мелетія Смотрицького (Ев'є, 1619) із збірки Російської державної бібліотеки // Наукові праці Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського. Київ: Нац. б-ка України ім. В.І. Вернадського, 2020. Вип. 59: Слов'янські обрії. С. 314–328.

Baumann H. Das Erscheinungsjahr der «Slawischen Grammatik» Meletij Smotrickijs // Zeitschrift Für Slawistik. 1958. 3(1–5). S. 682–685.

- Keipert H. Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile // *Zeitschrift für slavische Philologie* Bd. 58 H. 1. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1999. S. 19–42.
- Kociuba O. The Grammatical Sources of Meletij Smotryc'kyj Church Slavonic Grammar of 1619: Diss. phil. New York: Columbia University, 1975. 548 pp.
- Mathiesen R. Two Contributions to the Bibliography of Meletij Smotryc'kyj // *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. 5(2). P. 230–244.
- Smotryc'kyj M. Hrammatiki Slavenskija Pravilnoe Syntagma: Jevje 1619; kirchenslavische Grammatik (Erstausgabe) / Hrsg. und eingel. von Olexa Horbatsch. Frankfurt am Main: Kubon & Sagner, 1974. 281 s.
- Рукопись поступила в редакцию 10.12.2023
Рукопись принята к печати 10.01.2024

REFERENCES

- Baumann H. Das Erscheinungsjahr der «Slawischen Grammatik» Meletij Smotrickijs. *Zeitschrift Für Slawistik*, 1958, 3(1–5), pp. 682–685.
- Gardzaniti M. Bibleiskije tsitaty v tserkovnoslavianskoi knizhnosti. Moscow, Indrik Publ., 2014, 232 p. (In Russ.)
- Grammatiki Lavrentiia Zizaniia i Meletiia Smotritskogo, sost., podg. teksta, nauchnyi kommentarii i ukazateli E.A. Kuz'minovi; predislovije E.A. Kuz'minovi, M.L. Remnëvoi. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2000, 528 p. (In Russ.)
- Keipert H. Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile. *Zeitschrift für slavische Philologie*, bd. 58, h. 1, 1999, pp. 19–42.
- Kociuba O. The Grammatical Sources of Meletij Smotryc'kyj Church Slavonic Grammar of 1619: Diss. phil. New York, Columbia University Publ., 1975, 548 p.
- Mathiesen R. Two Contributions to the Bibliography of Meletij Smotryc'kyj. *Harvard Ukrainian Studies*, 1981, 5(2), pp. 230–244.
- Shustova Iu. Provenientsii v prymirnykakh Hramatyky Meletiia Smotryts'koho (Ev'ie, 1619) iz zbirkky Rosiis'koï derzhavnoi biblioteky. *Naukovi pratsi Natsional'noi biblioteky Ukraïny imeni V.I. Vernads'koho*. Kyïv, Nats. b-ka Ukraïny im. V.I. Vernads'koho, 2020, vyp. 59: Slov'ians'ki obriï, pp. 314–328. (In Ukr.)
- Smotryc'kyj M. Hrammatiki Slavenskija Pravilnoe Syntagma: Jevje 1619; kirchenslavische Grammatik (Erstausgabe). Hrsg. und eingel. von Olexa Horbatsch. Frankfurt am Main: Kubon & Sagner Publ., 1974, 281 p.
- Smotriski M. Grammatiki Slavenskia pravilnoje Sintagma. Jeviu, 1619. [Elektronnyi resurs]. URL: https://collections.thulb.uni-jena.de/receive/HisBest_cbu_00035439 (accessed: 11.01.2023).
- Zapol'skaia N.N. Refleksii nad imenami sobstvennymi v prostranstve i vremeni kul'tury. *Imia: semanticheskaiia aura*. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007, pp. 133–150. (In Russ.)
- Zapol'skaia N.N. Slovesnyje formuly khristianskoi kul'tury v slavianskikh lingvisticheskikh sochineniiakh XVI–XVII vv. *Stereotipy v iazyke, komunikatsii i kul'ture*. Moscow, RGGU Publ., 2009, pp. 243–250. (In Russ.)

Received on 10.12.2023

Accepted on 10.01.2024

Информация об авторе:

Гаврилков Максим Андреевич
аспирант
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7656-1590
E-mail: maxim.gavrilkov@gmail.com

Information about the author:

Maxim A. Gavrilkov
Postgraduate student
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7656-1590
E-mail: maxim.gavrilkov@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 2, с. 124–131

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 124–131

DOI: 10.31857/S0869544X24020113, EDN: zcwosf

Оригинальная статья / Original Article

В поиске мегленорумын: этнолингвистическая экспедиция в Македонию

© 2024 г. И.И. Казаков, А.И. Чиварзина

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ivan.kazakov.1999@gmail.com, mss-vah@yandex.ru

Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>)
(руководитель — гл.н.с. ИСл РАН А. Плотникова)

Аннотация. В настоящей статье освещены общие результаты полевой этнолингвистической экспедиции 2023 г. в г. Гевгелию и с. Ума, которые являются единственными населенными пунктами на территории Северной Македонии, где можно найти последних носителей мегленорумынского языка. Тесные контакты романского населения со славянами привели к культурной и языковой ассимиляции первых. Тем не менее в ходе предпринятого обследования нам удалось найти несколько человек, в какой-то степени владеющих этим восточнороманским идиомом, что позволило собрать необходимый материал, отвечающий основной цели экспедиции — изучению погребально-поминальной обрядности, мифологических представлений и терминологии этого фрагмента народной традиции.

Ключевые слова: похоронно-поминальная обрядность, Северная Македония, влахи, мегленорумыны, диалектная лексика, этнолингвистика, культурная традиция.

Ссылка для цитирования: Казаков И.И., Чиварзина А.И. В поиске мегленорумын: этнолингвистическая экспедиция в Македонию // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 124–131. DOI: 10.31857/S0869544X24020113, EDN: zcwosf

In Search of Megleno-Romanians: An Ethnolinguistic Field Research in Macedonia

© 2024. Ivan I. Kazakov, Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ivan.kazakov.1999@gmail.com, mss-vah@yandex.ru

The study was supported by the Russian Science Foundation with a grant project No 22-18-00484 «Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic coverage (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>) (project manager – chief researcher at Institute of Slavic Studies RAS A.A Plotnikova).

Abstract. The review highlights the general results of the field ethnolinguistic expedition in the city of Gevgelija and in the village of Uma (North Macedonia) in 2023. These are the only settlements on the territory of North Macedonia where the last speakers of the Megleno-Romanian language can be found. Close intensive contacts of the Romanian population with the Slavs led to the cultural and linguistic assimilation. However, during the carried survey, we found several people who spoke this Balkan-Romanian idiom to some extent. This made it possible to collect the necessary material on the main expedition task on funeral and memorial rituals, mythological ideas and terminology of this fragment of folk tradition.

Keywords: funeral and memorial rite, North Macedonia, Vlachs, Megleno-Romanians, dialectal vocabulary, ethnolinguistics, cultural tradition.

For citation: Ivan I. Kazakov, Alexandra I. Chivarzina. In Search of Megleno-Romanians: An Ethnolinguistic Field Research in Macedonia // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 2. P. 124–131. DOI: 10.31857/S0869544X24020113, EDN: zcwosf

Мегленорумыны или меглениты, наряду с арумынами составляют юго-восточное романство, а их идиом представляет разновидность балканороманской речи [Алисова 2007, 49]. Контактные народы (южные славяне и греки) называют мегленорумын влахами [Kahl 2002]. Отметим, что термин *влах* относится как к романским народам Южной Славии, так и к восточному романству в целом [Русаков 2006]. Термины *мегленорумын* и *мегленорумынский* были созданы научным сообществом по модели *дакорумынский*, *истрорумынский*, т.е. на основе географического распространения той или иной группы носителей балканороманской речи и не используется носителями мегленорумынского языка [Weigand 1892; Черняк 1991, 221].

Мегленорумынское население сгруппировано в долине Меглен, к северу от Салоникского залива, на правом берегу реки Вардар. В этом преимущественно славяноязычном регионе некогда компактно располагались мегленорумынские поселения: Нотия, Лунгуца, Бирилсав, Ошаны, Лумница, Црна-река (на территории современной Греции, в дальнейшем были переименованы); Ума, Серменин и Конско (на территории современной Северной Македонии). Сравнительно большое число мегленорумын отмечается в г. Гевгелия (Северная Македония), а также в Салониках, Аридее, Аксьюполисе (Греция) [Capidan 1925, 6; Kahl 2002; Κουχοῦδης 2001].

Статус языка мегленорумын имеет спорный характер. Как и в случае с другими балканороманскими языками, он зависит от лингвистической традиции, в рамках которой проводится анализ идиома. Большинство румынских лингвистов склоняется к мнению, что мегленорумынский является диалектом проторумынского языка¹, в российской лингвистике мегленорумынский зачастую описывается как малый балканороманский язык [Guia 2014, 184; Черняк 1990, 221]. В любом случае мегленорумынская речь так или иначе рассматривается как

¹ Ряд исследователей, в том числе О. Денсушяну, П. Атанасова, считает, что мегленорумыны имеют северодунайское происхождение, тогда мегленорумынский идиом следует рассматривать как более архаичную стадию дакорумынского диалекта [Guia 2014, 185].

отдельная от арумынской. Такому подходу лингвистика обязана исследованиям Г. Вейганда, открывателю языка мегленорумын [Weigand 1892]. Однако несмотря на то, что в науке разграничиваются понятия «арумыны» и «мегленорумыны», «арумынский» и «мегленорумынский», для носителей исследуемого идиома данное разграничение нерелевантно. По свидетельствам самих мегленцев, мегленорумынский и арумынский воспринимаются как диалекты одного языка — *влашского*, распространенного по всем Балканам и, в частности, по всей Македонии: *Nóí im armă'ñi-machedóni. Armă'ñi! Македонски власи. «Мы арумыны-македонцы. Арумыны! Македонские влахи» [ВТ]; По штипски знаи? То е наш дијалект. То е друг дијалект, ние сме два дијалекта. Инаку и ние сме влашки. А они сь друго говорят, дијалект. «По-штипски <арумынский диалект в г. Штипе>? Это наш диалект. Это другой диалект, нас два диалекта. А так мы все по-влашки. А они говорят по-другому, диалект» [МД].*

Количество носителей мегленорумынского идиома на сегодняшний день точно указать нельзя в связи с отсутствием соответствующих статистических данных. По оценкам научного сообщества, общее число носителей не превышает 5000 человек, и экспедиционные данные свидетельствуют, что язык может исчезнуть уже в ближайшие годы [Guia 2014, 186]. По материалам последней переписи 2021 г. в Гевгелии проживает 260 человек, записанных *влахами*². Этнонима *мегленец*, *мегленорумын* или иного для идентификации этой группы населения в списке не прилагалось, поэтому, принимая во внимание мнение информантов³, заключим, что все указанные люди мегленорумыны. В 1950-х годах жители мегленорумынских сел Ума, Конско и Серменин были организовано переселены в Гевгелию [Стамков 2018, 27–29]. Насильственная урбанизация привела к ускоренному распаду языка. В настоящее время на постоянной основе в Уме проживает четыре человека, три из которых числятся *влахами*⁴. Во время этнолингвистического обследования г. Гевгелия и с. Ума были опрошены пять информантов мегленорумынского происхождения, однако только один из них владел языком на достаточном уровне для ведения беседы, не прибегая к использованию македонского языка⁵.

Село Ума (или Хума) на сегодняшний день является единственным мегленорумынским селом на территории Северной Македонии. Имя селу дала глинистая почва, распространенная в этих краях (мак. *ума* «белая глина»): *Има тука земја ума, од што се правили подници за печенье леб. «Здесь есть земля ума, которую использовали для изготовления подносов для выпекания хлеба» [МД]; Има специјална земја ума, што се употребува за лек. «Есть такая особая земля ума, которую используют в качестве лекарства» [МС].*

Есть свидетельства, что первоначально село называли *Шантифрац* (ср. мегл. *Shaptifrats* «семь братьев»), что связано с легендой о семерых братьях-основателях [Стамков 2019, 11]. Поселение располагается на склонах горы Кожув, а его жители испокон веков занимались овцеводством. По дошедшим историческим сведениям, именно из небольшого пастушеского поселения

² https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat__Popisi__Popis2021__NaselenieVkupno__PodatociNaselenie/T1503P21.px/table/tableViewLayout2/

³ Активист и глава мегленорумынского общества в Гевгелии «Здружение на Власите од општина Гевгелија» Проше Стойчевский утверждает, что в городе и округе из представителей восточного романства проживают исключительно мегленорумыны.

⁴ https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat__Popisi__Popis2021__NaselenieVkupno__PodatociNaselenie/T1503P21.px/table/tableViewLayout2/

⁵ Вопросы информантам задавались на македонском и румынском языках. Между собой жители говорят по-македонски.

мак. *Селиште* или мегл. *Catunishte* (< *cătun* ‘село’) разрослась Ума. Старые топонимы, сохранившиеся в селе или зафиксированные в документах, отражают доминирование восточнороманского идиома в данной местности: *Bel di Vernia* (название места археологических раскопок древнего влашского поселения вблизи Умы), *Porta al Vanti* (южные ворота), *Vinjori* (виноградники), *Crutsi* (крест, место, где совершались церковные ритуалы), *Răpantşa Pata* (вбитый камень), *Scârca di Shtana* (известняковый рудник), *Scârca di Palja* (стога), *Brego Alba* (белый берег; место где добывалась белая глина), *Trapo di Lunji* (место, где растет фундук), *Castela* (сторожевая башня), *Trapo di Nutsi* (орешник), *Trapo al Masa* (место, где по легенде одна молодая девушка по имени Мария (мегл. *Masa*) спрыгнула со скалы), *Biserca al Tanas* (место, где некогда была церковь Св. Афанасия) и др. [Стамков 2019, 13, 16, 22, 29]. Многих из указанных локаций более не существует, и местные жители не могут вспомнить, где они некогда находились. Так, неизвестно, почему церковь была посвящена св. Афанасию, неизвестно, вследствие чего она была разрушена и почему ее не восстановили. Новый храм посвящен Рождеству Пресвятой Богородицы, однако патроном села считается Св. Пантелеймон. Церковно-книжный агиографический образ св. Пантелеймона переплетается с народными представлениями, отраженными в следующих умских легендах.

В *Bel di Vernia*, первое влашское поселение в этой области, повалился прилетать змей и уносить молодых девушек. Тогда Св. Пантелеймон явился во сне жителям и подсказал в качестве жертвы отдать чудовищу овцу. Вторая легенда связана с эпидемией чумы или иной болезни, от которой в Уме массово умирали дети. По мифологическим представлениям, Чума являлась по ночам в виде страшной злой старухи и душила детей. Святой подсказал жителям переселить новорожденного в дом соседей, а на место младенца положить ягненка, которого Чума по ошибке и убьет [Стамков 2019, 20, 123]. В память о легендарных избавлениях на день памяти Св. Пантелеймона готовится *курбан-манца* ‘жертвенный обед’ и угощаются все гости.

Несмотря на то, что престольным праздником является *Мала Богородица*, именно на день Св. Пантелеймона 9 августа устраивается большое празднование в селе. Согласно общевлашской традиции, люди съезжаются со всей округи, возвращаются в родные места издалека, даже из-за границы, чтобы почтить сельский *панагир*: *И тогаш се дава рочок, се колат овци, овци давамо, то е традицијата*. «И тогда дают обед, закалываются бараны, баранину подаем, это традиция» [МД]. Также местные жители вспоминают, что в конце прошлого века *панагир* Св. Пантелеймону справляли прямо на кладбище, расположенном у церкви: *Таму ручахме за панагирот, на гробиштата ќе седнехме на земјата и там ручахме. Е како сега по тањирите, така седнахме със наште фамилии, мајка, татко, седнехме на гробиштата тамо јадехме. На гробишта. Кога панагирот се празнувахме*. «Мы там обедали на сельский праздник, на кладбище сядем на землю и там обедаем. Вот как сейчас с тарелочками, так садились мы со своими, мать, отец, сядем на кладбище и там едим. На кладбище. Когда праздновали *панагир*» [МД].

В Уме нет постоянного священника, поэтому богослужения ведутся редко. Известно, что некогда уроженец Умы, священник Никола Андонов, чье время служения пришлось на период Балканских войн и Первой мировой, вел богослужения на *влашском* языке [Стамков 2019, 32–33]. Более этот язык не использовался в литургии.

Ума привлекает людей со всей округи еще и чудодейственным камнем с отверстием, расположенным в нескольких километрах от села. Это большая скала получила название *Дупен камен*, букв. «дырявый камень». Считается, что если женщина, страдающая бесплодием (*неротка*), пролезет через отверстие этого камня, то она исцелится. Также приносят детей *од уплав* «от испуга»: *Дупен Камен е некој лековит камен што се од уплав, и нешто лекува ако нема деци. <...> карпа дупена и да поминеш през него.* «Дупен камень – это такой целебный камень от испуга, и может исцелить, если нет детей. <...> Это скала с отверстием, и нужно пройти через него» [МД].

Ввиду быстро исчезающего количества носителей мегленорумынского языка при полевом обследовании г. Гевгелии и с. Умы было принято решение в беседах с информантами затронуть все темы, разработанные в этнолингвистическом вопросе А.А. Плотниковой [Плотникова 2009]. Однако основной темой исследовательского проекта была терминология похоронно-поминальной обрядности и экстралингвистические контексты, отражающие фрагменты народного календаря и мифологические представления. В рамках настоящего обзора обратимся к краткой характеристике лексики, которую удалось зафиксировать при описании похоронно-поминальной традиции на мегленорумынском языке.

Большая часть зафиксированных лексем имеет общероманский характер и встречается по всем разновидностям балканороманской речи: *muri*⁶ (покойник) [МД], *plândzi* (оплакивание) [МД], *āngropare* (похороны) [ДС]. Некоторые лексемы совпадают с дакорумынскими вариантами, отсутствуя при этом в арумынском: *sicarã* (пшеница, коливо) [ДС] (ср. с рум. *secară*; арум. *gārnu*), *luminare* (свеча) [ДС] (ср. с рум. *lumânare*; арум. *tsearã*). В одном случае информант сформировал понятие с помощью и мегленорумынского, и македонского языков *tsel svet* (тот свет).

На большую часть пунктов анкеты информанты либо давали соответствие на македонском языке, либо, пытаясь вспомнить эквивалент на мегленорумынском, приводили некоторые сопровождающие пояснения. Например, на вопрос о лексеме для обозначения душ умерших предков информант сообщил, что при их упоминании говорится *sã im nue* (мак.) *sãnãtoshi* (букв. да будем же мы здоровы) [МД]. Или, в поисках лексемы для обозначения предсмертного состояния человека, агонии, приводили описание самого состояния: *nu poti... lumu se mãnceshti* (не может... человек мучается) [МД]. Отметим, что одному из информантов все же удалось подобрать лексему с соответствующим значением – *mãnco* [ВТ].

Для обозначения поминок информанты использовали лексему *parastas* и уточняли, что они совершаются со следующей периодичностью: *nouă dzăli, patârdzâts, shasi mesh, un an ... primu an, la doilea shi la treilea* (девять дней, сорок, шесть месяцев, год... первый год, на второй и на третий) [ДС].

Более развернутые тексты на интересующую тему, а также названия праздников, связанных с поминовением предков, записать не удалось, поскольку информанты не владели в полной мере мегленорумынским идиомом и переходили на родной македонский язык, который обслуживает церковную и ритуальную жизнь. Тем не менее элементы романского влияния нашли отражение

⁶ В то же время, во всех балканороманских языках лексема для обозначения покойника восходит к лат. *mortuus* (рум. *mort*, арум. *mortu*). В мегленорумынском лексема происходит от причастия глагола *muriri*.

в архаических обрядах традиционной народной культуры, некоторые примеры которых мы приведем ниже.

Элементы поминального обряда свидетельствуют о потребности души в материальной пище и питье [Седакова 2004, 64]. У мегленорумын, как и в других балканороманских традициях⁷, распространено представление о жажде на том свете. Поэтому на праздник Св. Троицы (*Духове*) могилы предков поливают водой и вином, чтобы напоить тех: *Идеш прије исчиштиш. А на задушница оди поп, пее, прелее со вино. Вино и вода. <Зошто?> Па да пијат вода! што знам? И вино, и водичка е важно.* «Идешь сначала почистишь. А на поминальный день приходит священник, служит, поливает вином. Вином и водой. <Зачем?> Чтобы воды попили! Откуда я знаю? И вино, и водичка нужны» [МК]. Жажду, которую испытывают предки, ретроспективно можно рассматривать как засуху, дефицит влаги, отсутствие дождя [Агапкина 2002, 319]. Предков не только поят, но и создают им тень, устлая могилы листьями грецкого ореха: *<...> Одат со вода и клаат листот од ореа за да им сенка на умрениите, за да не ја излеат болката.* «Приходят с водой и кладут листву грецкого ореха, чтобы в мертвых была тень, чтобы не выливали свою боль» [МК].

Обязательный атрибут поминального дня — раздача пищи, что является косвенным проявлением «кормления предков». «Семантика и назначение акта ритуального кормления раскрывается в сопровождающих его приговорах, нередко прямо указывающих объекты-адресаты действия» — *за да се најде на умрениите* «Чтобы было перед умершими» [Виноградова, Толстая 1999а, 601]. Коливо и хлеб остаются основными продуктами, которые должны присутствовать на поминальном столе и на раздаче: *Најважно пченка и лебот се носат. И на в црква, и на гробишта, дека сакаш там. На пример, в црква тука не оди никој на јас одам доле дек шо има продавница. Се собираме таму сите и таму давам па на сите им давам. Доле има направено цела маса поставено. Сите јадеа, пиеја.* «Самое главное, чтобы принесли пшеницу и хлеб. И в церковь, и на кладбище, если хочешь туда. Например, в церковь здесь никто не ходит, поэтому я иду вниз туда, где магазин. Мы собираемся там все и там раздаем, я всем раздаю. Внизу ставят целый стол. Все ели, пили» [МД].

Как на самих похоронах, так и на других поминках в течение года на могилах зажигают свечи: *Се палат свеќи, се пали кандило на гробиштата. Бог да го прости. Сегде се пали свеќе на секој.* «Зажигают свечи, зажигают лампаду на кладбище. Прости его Бог. Везде зажигают свечи каждому». [МД]; *Кандилото мора да гори 9 дена или до 40 дена на пример. Кандилото мора да горе дома.* «Лампада должна гореть 9 дней или до 40 дней, на пример. Лампада должна гореть дома» [МД]. Исследователи отмечают, что зажигание свечи и лампы обусловлено представлениями, что покойники могут видеть только тот свет, который они получают от нее. «Поэтому обязательным элементом обрядов задушниц (календарных поминальных дней), кроме молитв за души умерших, является возжигание свечей в домах и на могилах» [Виноградова, Толстая 1999b, 248]. Свечи зажигают со словами: *Да е светол. Да му свети, да не му е темно.* «Пусть будет светлым. Пусть ему светит, пусть не будет ему темно» [МД].

Култ предков, с одной стороны, и сепарация от обитателей «того» света, несущего опасность миру живых, проявляется в свадебной традиции приглашения предков: *Пред свадбата одат на гробиштата и се покануваат умрениите. <...> Имаме свадба, те каниме на свадба да дојдеш ама од страна ќе гледаш*

⁷ Ср. поминальную традицию влахов восточной Сербии: [Голант, Струтинский 2023].

а не на свадба да бидеш присутен. Три пати ќе му кажеш и си одиш. «Перед свадьбой приходят на кладбище и приглашают предков. <...> У нас свадьба, мы тебя приглашаем, приходи (посмотреть) на свадьбу, но смотри со стороны, а на свадьбу саму не приходи. Так три раза скажешь ему и уходишь» [МК].

Таким образом, практически вся основная лексика, связанная с терминологией похоронно-поминального обряда, в мегленорумынском оказалась утрачена. Мегленорумынский идиом в целом на сегодняшний день оказался практически поглощен македонским языком. Однако именно сохранившиеся обряды традиционной народной культуры и, в частности, обряды похоронно-поминального комплекса как ее наиболее архаической части позволяют проследить общность с другими балканороманскими анклавами Южной Славии.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

МД – Маријана Дојранлиева, г.р. 1953, Ума.

МК – Марика Кочева, г.р. 1952, Ума.

ДС – Димитрија Стојчевски, г.р. 1953, Ума.

ВТ – Владо Танов, г.р. 1941, Ума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 812 с.
- Алисова Т.Б. Введение в романскую филологию / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2007. 453 с.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Задушница // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2 (Д–К). С. 248–250.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Кормление ритуальное // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2 (Д–К). С. 601–606.
- Голант Н.Г., Струтинский И.М. Погребальная обрядность вlahов (румын) долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135.
- Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: ИСл РАН, 2009. 160 с.
- Русаков А.Ю. Влахы. Большая Российская энциклопедия [в 35 т.]. Т. 5 (Великий князь – Восходящий узел орбиты). М.: Большая российская энциклопедия, 2006. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (дата обращения: 11.10.2023).
- Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 319 с.
- Стамков Р. Селото Ума од постановокот до иселувањето на неговите жители. Богданци: Софија, 2019. 216 с.
- Черняк А.Б. Мегленорумынский язык. Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 1. (Новогреческий, албанский, романские языки). Л.: Наука, 1990. С. 221.
- Capidan T. Meglenoromânii. Vol. I. Istoria și graiul lor. București: Cultura Națională, 1925. 225 p.
- Guia S. Elemente de dialectologia română. Iași: Vasiliana'98, 2014. 382 p.
- Kahl T. Мегленските Власи (Мегленоромани) и Исламот: Селото Ноти (Н'оти / Нотија) во Меглен и Нотијците во денешна Турција. Зборник на трудови од Меѓународниот научен симпозиум «Власите на Балканот», одржан на 09–10 ноември 2001 во Скопје. Скопје: Унија за Култура на Власите од Македонија: Институт за национална историја, 2002. С. 56–82.
- Κουζοῦδης Αστέριος Ι. Οι Ολύμπιοι Βλάχοι και τα Βλάχογενά. Μελέτες για τους Βλάχους – 3ος τόμος. Θεσσαλονίκη, Ζήτηρος, 2001. 408 σ.
- Wiegand G. Vlachio-Meglen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung. Leipzig, J. Barth, 1892. 78 p.
- Рукопись поступила в редакцию 27.10.2023
Рукопись принята к печати 18.11.2023

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendaria. Vesenne-letnii tsikl*. Moscow, Indrik Publ., 2002, 812 p. (In Russ.)
- Alisova T.B. *Vvedeniye v romanskiyu filologiyu: Textbook*, eds. T.B. Alisova, T.A. Repina, M.A. Tariverdieva. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 2007, 453 p. (In Russ.)
- Capidan T. *Meglenoromânii, vol. I. Istoria și graiul lor*, București, Cultura Națională Publ., 1925, 225 p. (In Rom.)
- Chernyak A.B. Meglenorumynskiy jazyk. *Osnovy balkanskogo jazykoznanija. Jazyki balkanskogo regiona. Chast' 1. (Novogrecheskij, albanskij, romanskije jazyki)*. Leningrad, Nauka, 1990, p. 221. (In Russ.)
- Golant N.G., Strutinskij I.M. Pogrebal'naia obriadnost' vlahov (rumyn) doliny Timoka. *Obzor ekspeditsii v Vostochnuiu Serbiyu. Slavianovedenie*, 2023, no. 2, pp. 125–135. (In Russ.)
- Guia S. *Elemente de dialectologia română*. Iași, Vasiliana'98 Publ., 2014, 382 p. (In Rom.)
- Kahl T. Meglenskite Vlasi (Meglenoromani) i Islamot: Seloto Noti (N'oti / Notija) vo Meglen i Notijcite vo denešna Turcija. *Zbornik na trudovi od Medjunarodniot naučen simpozium «Vlasite na Balkanot», održan na 09–10 noemvri 2001 vo Skopje*. Skopje, Unija za Kultura na Vlasite od Makedonija, Institut za nacionalna istorija, p. 56–82. (In Mac.)
- Koukoudis Asterios I. *Oi Olympioi Vlachoï kai ta Vlachomoglena. Meletes gia tous Vlachous – 3os tomos*. Thessaloniki, Zitros Publ., 2001, 408 p. (In Greek.)
- Plotnikova A.A. Etnolingvističeskie materialy iz s. Teovo v Makedonii (oblast' Velesa, region Azot). *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vol. 12. Areal'nye aspekty izučeniia slavianskoi leksiki*. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2006, pp. 192–227. (In Russ.)
- Rusakov A. Yu. Vlakhi. *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia* [in 35 vol.], vol. 5, 2006. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (Accessed: 11.09.2023). (In Russ.)
- Sedakova O.A. *Poetika obriada. Pogrebal'naia obriadnost' vostočnykh i iužnykh slavjan*. Moscow, Indrik Publ., 2004, 319 p. (In Russ.)
- Stamkov R. *Seloto Uma od postanokot do iseluvanjeto na negovite žiteli*. Bogdanci, Sofia Publ., 2019, 216 p. (In Mac.)
- Vinogradova L.N., Tolstaia S.M. Zadushnitsa. *Slavianskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniia Publ., 1999a, v. 2 (D–K), pp. 248–250. (In Russ.)
- Vinogradova L.N., Tolstaia S.M. Kormlenije ritual'noje. *Slavianskije drevnosti: etnolingvističeskii slovar'*, ed. N.I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnyje otnosheniia Publ., 1999b, v. 2 (D–K), pp. 601–606. (In Russ.)
- Wiegand G. Vlach-Meglen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung. Leipzig, J. Barth, 1892, 78 p. (In Germ.)

Received on 27.10.2023

Accepted on 18.11.2023

Информация об авторах:

Казакон Иван Игоревич

младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7601-3287
E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

Information about the authors:

Ivan I. Kazakov

Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7601-3287
E-mail: ivan.kazakov.1999@gmail.com

Чиварзина Александра Игоревна

младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Alexandra I. Chivarzina

Junior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-0365-3723
E-mail: mss-vah@yandex.ru

Из корреспонденции В.А. Дыбо: переписка с Г.К. Венедиктовым (публикация А.В. Дыбо, С.А. Крылова и М.Н. Саенко)

© 2024 г. Публикация А. В. Дыбо, С. А. Крылова и М. Н. Саенко

Институт языкознания Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

adybo@iling-ran.ru

Институт востоковедения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

krylov-58@mail.ru

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

veraetatis@yandex.ru

Аннотация. Публикуется письмо Г.К. Венедиктова, адресованное выдающемуся лингвисту В.А. Дыбо по поводу его 85-летия с вопросами о его научной биографии, и два ответных письма академика. В корреспонденции уточняются факты образования В.А. Дыбо, описываются его интересы, круг чтения, участие в общественной жизни в СССР.

Ключевые слова: В.А. Дыбо, Г.К. Венедиктов, Институт славяноведения, компаративистика, акцентология, история языкознания.

Ссылка для цитирования: Дыбо В.А. (публикация Дыбо А.В., Крылова С.А. и Саенко М.Н.). Из корреспонденции В.А. Дыбо: переписка с Г.К. Венедиктовым // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 132–141.

From the Correspondence of V.A. Dybo: Letters to G.K. Venediktov
(publication by Anna V. Dybo, Sergey A. Krylov, and Mikhail N. Saenko)

© 2024. Publication by Anna V. Dybo, S. A. Krylov, and Mikhail N. Saenko

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

adybo@iling-ran.ru

Institute of Oriental Studies
(Moscow, Russian Federation)

krylov-58@mail.ru

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

veraetatis@yandex.ru

Abstract. This is a publication of a letter written by G.K. Venediktov to the distinguished linguist V.A. Dybo on the occasion of his 85 years jubilee with the questions of his scholarly biography, and two responses of the academician. The correspondence sheds light on the facts of Dybo's education, interests, books he read, and participation in the public life of the USSR.

Keywords: V.A. Dybo, G.K. Venediktov, Institute of Slavic Studies, comparative studies, accentology, history of linguistics.

For citation: *Vladimir A. Dybo* (publication by *Anna V. Dybo, Sergey N. Krylov, and Mikhail N. Saenko*). From the Correspondence of V.A. Dybo: Letters to G.K. Venediktov // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 132–141. DOI: 10.31857/S0869544X24020129, EDN: zcthw

Выдающийся акцентолог и компаративист Владимир Антонович Дыбо пришел в Институт славяноведения в далеком 1958 г. В Отделе славянского языкознания он не только нашел плодотворную рабочую среду, но и обрел друзей на всю жизнь. Руководителю отдела, Самуилу Борисовичу Бернштейну, удалось собрать целую плеяду выдающихся ученых, среди которых были В.Н. Топоров, А.А. Зализняк¹, Г.К. Вenedиктов, Р.В. Булатова, В.М. Иллич-Свитыч и многие другие. После гибели Иллича-Свитыча в 1966 г. Римма Булатова и Владимир Дыбо закончили и издали главный труд своего друга — «Опыт сравнения ностратических языков». Теплые отношения связывали Владимира Антоновича и с другим коллегой — болгаристом Григорием Куприяновичем Вenedиктовым (1929–2021). Ниже представлены тексты двух писем В.А. Дыбо Г.К. Вenedиктову, раскрывающие некоторые детали его биографии и особенности становления личности ученого. Письма публикуются в авторской орфографии.

26 апреля 2016

Г.К. Вenedиктов — В.А. Дыбо

Дорогой Володя! Дня два-три назад Лера попросила меня принять по-сильное участие (срочно!!) в написании юбилейной статьи к твоему 85-летию. Я сказал, что вряд ли смогу, так как уже почти два года ничего не делаю — нет сил после почти двух лет разных болезней (я побывал в 4-х отделениях больницы) выхожу из дому только на прогулку на час-полтора около дома и только в сопровождении Наташи, в Институт не езжу (я уволился в начале октября 2015 г), в Ленинку хочется съездить, но это уже для меня совершенно невозможно Я также сказал Лере, что исследования Дыбо не доступны моему разумению и пр. И что ставить подпись под текстом без своего участия

¹ В 1960 г. в Институте был создан Сектор структурной типологии, куда перешли В.Н. Топоров и А.А. Зализняк, в 1961 г. в этот же сектор перешел из МГУ научный руководитель кандидатской диссертации В.А. Дыбо — Вяч. Вс. Иванов.

в его написании я не считаю возможным. Лера сказала, что я (который «всю жизнь знаю Дыбо» — это ее слова) мог бы написать что-нибудь о том, чего другие могут не знать. Я сказал, что хорошо помню, что Дыбо после аспирантуры в МГУ взяли в Институт на ставку старшего научного сотрудника с окладом... в 90 руб., что Дыбо снимал комнату, другие расходы и что он бедствовал, часто брал деньги взаймы, но всегда аккуратно долги возвращал и несмотря на все это любил вкусно пообедать в ресторанах Дома кино или Дома архитектора, куда мы часто ходили обедать компанией, но об этом же не будешь писать в юбилейной статье! В итоге я Лере что-то не очень внятно пообещал подумать. И вот подумав, я решил, что в юбилейной статье стоило бы, на мой взгляд, сказать — конечно, очень кратко — о следующем: 1) Когда у тебя, будущего крупнейшего лингвиста современной России, проявился интерес к языкознанию. Ты рассказывал о своих школьных годах, об университетских (в Горьком) и аспирантских занятиях, я кое-что помню, многое, наверное, забыл, и кое-какие, наиболее значимые и любопытные с твоей точки зрения, стоило бы отметить в юбилейной статье. Я считаю, что такие сведения должны остаться в памяти как факты биографии выдающегося ученого. Если согласен, сообщи мне, пожалуйста:

а) где ты окончил среднюю школу и что там послужило толчком к твоему обращению к лингвистике, что читал из трудов и пр.

б) выбор Горьковского ун-та было безальтернативным? кто из преподавателей тамошнего филфака был для тебя особенно полезным? своему лингвистическому образованию ты в основном обязан самообразованию? (два-три труда для примера);

в) работа учителем в сельской школе (где?), твои ученые занятия в условиях глухой деревни (без света и пр.) — заказы в Ленинку, оттуда книги или только микрофильмы, чтение микрофильмов при керосиновой лампе; Два-три названия трудов для примера.

г) поступление в аспирантуру МГУ по специальности...; вопрос Звегинцева или Чемоданова о новых трудах, тобой прочитанных, и твой ответ (какая-то только что вышедшая книга, кажется, о ларингалах?), поразивший кого-то из экзаменаторов, что он этой работы еще не читал.

д) провальный ответ на вступительном экзамене по философии, на котором ты не смог ответить, на вопрос экзаменовавшей какой-то доцентши, сколько яиц в год должна была по плану принести колхозная несушка, указанному в решении какого-то пленума ЦК по сельскому хозяйству. За незнание правильного ответа на этот вопрос тебе СЕЛЬСКОМУ учителю поставили тройку, что практически тебе закрывало дорогу в аспирантуру.хлопоты в связи с этим В.В. Иванова в Министерстве о зачислении.

2) Я считаю, что надо сказать также (очень кратко, конечно) об эпопее с защитой докторской диссертации за подписание какого-то письма. Эта эпопея должна быть отмечена, даже если о ней кто-то где-то уже и писал.

Буду очень рад, если ты откликнешься на мою просьбу, тем паче, ежели подскажешь и еще какие-нибудь сведения, о которых было бы уместно сказать в юбилейной статье. Мое участие здесь может быть только в объеме твоих ответов на вопросы. Здесь, наверное, есть невыправленные опечатки, результат ослабевшего зрения. Всего доброго! Дай мне, пожалуйста знать, без задержек, дабы я мог ответить Лере о своем участии.

Гриша.

6 мая 2016 г.

Привет, Гриша!

Языков я знаю много, но активно владею, пожалуй, одним немецким и, конечно, русским. Ну читаю на всех славянских, балтийских (на литовском пытался и говорить), на западно-германских (и на древних), много читал на готском, сейчас, в связи с работой, восстанавливаю своё знание древнеанглийского и древне-верхне-немецкого. Научную литературу приходится читать и на итальянском (на нём есть приличные работы по балтистике) и на французском (но на французском и английском, когда есть время, читаешь и беллетристику). Из-за акцентологии читаю и на японском (и даже тексты, в основном фольклорные, и в основном в хираганской² транскрипции или в поливановской³, транскрипции (в последний мой визит в Прагу мы с Сашей Тер-Аванесовой⁴ отсканировали ряд текстов Поливанова и теперь моя задача расшифровать их и издать. Там есть большой древне-, скорей, средне-японский текст в киотском произношении). Ну, как индоевропеист, я знаю древние индоевропейские языки: латынь, греческий, санскрит, хеттский, готский, старо-славянский. По-видимому, в разной степени: на греческом читал недавно, с санскритом (точнее, с ведийским) встречаюсь регулярно, но с отдельными словами: набором словоформ, при этимологической работе. Но вероятно, моя внучка Настя знает его лучше, ей приходится читать на нём тексты и переводы с тех языков, которые она записывала в последней экспедиции в Индии (они там занимались описанием каких-то языков мунда и одного индоарийского (названия я забыл), мой внук Матвей на латыни читает тексты (исторические — он историк по Средним векам Европы), по-видимому, лучше меня, я давно не читал. Но сейчас придётся читать: нужно будет прочесть перевод Ноткером⁵ Боэция⁶, он издан с латинским подстрочником, так что, что не пойму по-древне-верхне-немецки, пойму по-латински, и наоборот. А Ноткер — это учёный монах, который ставил долготы и ударения в древне-верхне-немецком тексте: имеются кой-какие отклонения и в ударениях, и в отражении закона Вернера⁷. Нужно разобраться. Сейчас занимаюсь дардскими языками. Это индоарийские, но они не в Индии, а в Пакистане. В них сохранилось старое индоевропейское ударение, по-видимому, более старое, чем ведийское. Но это всё ерунда, и об этом писать не стоит: обычная работа историка-лингвиста. Что касается моей научной работы, начиная с 1958 года (первая статья, одобренная Булаховским⁸), то это тема долгая и достаточно хорошо изложить её мог бы, пожалуй, А.А. Зализняк (но это трудоёмкая работа); наверное,

² Имеется в виду упрощенная (без использования иероглифов) запись текстов с помощью слоговой азбуки хирагана.

³ Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938) — лингвист, востоковед, автор практической японско-русской транскрипции. Репрессирован и расстрелян в конце 1930-х годов.

⁴ Александра Валерьевна Тер-Аванесова (р. 1962) — специалист по диалектологии русского языка, сотрудник Института русского языка РАН.

⁵ Ноткер Губастый (950–1022) — бенедиктинский монах и переводчик, создатель переводческой школы монастыря Сент-Галлен.

⁶ Аниций Манлий Северин Боэций (480–524) — римский философ и государственный деятель. Казнен по обвинению в политическом заговоре.

⁷ Согласно закону Вернера, прагерманские спиранты *f, *þ, *s, *x озвончались в позиции после гласного, бывшего в праиндоевропейском языке безударным.

⁸ Леонид Арсеньевич Булаховский (1888–1961) — специалист по истории русского и украинского языков, акцентолог.

может и С.Л. Николаев⁹ (но у нас с ним имеются определённые контroversы, что может затруднять объективность [это между нами, я не хочу обвинить Николаева в необъективности, но когда между исследователями идет скрытая полемика, тут трудно что-то не упустить или не повернуть не в ту сторону. Но, с другой стороны, я очень ценю это состояние скрытой полемики. Когда был жив С.А. Старостин¹⁰, состояние полемики было между ними. И я с удовольствием замечал, как оно интенсифицировало их работу]).

Я, вероятно, ответил на один вопрос. Завтра отыщу первое твоё письмо и постараюсь кратко ответить на остальные вопросы. С приветом В. Дыбо.

Привет, Гриша!

Нашёл твоё первое письмо. Отвечаю. В интернете есть статья, написанная Мудраком¹¹ и Михайловой¹² к моему прошлому юбилею¹³: «Человек судьбы». Может быть, она тебе чем-нибудь поможет. Так что жизнь мою до Павлово-на Оке Горьковской области описывать не буду. В Павлове я сменил несколько школ, которые менялись в связи с сменой квартир. Квартиры (комнаты) снимались в частном секторе. Собственной квартиры в России у моих родителей никогда не было. Окончил я среднюю школу № 3. Языком заинтересовался ещё в семилетней школе № 2. В это время я увлекался в основном математикой: в 3-м классе проштудировал Геометрию Киселёва¹⁴ (очень хороший учебник), купил вузовский учебник по теоретической арифметике (автор известный советский математик, но фамилию его никак не могу вспомнить¹⁵. Возраст!). У отца обнаружил книжку «Элементы дифференциального и интегрального исчисления»¹⁶ и её проштудировал. Но в 7-м классе вдруг обнаружил, что я ни черта не могу понять в элементарном немецком художественном тексте: сентиментальный роман, типа романов нашей русской Чарской. Учил я немецкий с 5-го класса, получал сплошные пятёрки. А тут война кончилась, и у одного моего приятеля отец вернулся из армии и привёз в качестве трофея этот роман. И что? Я в нём понимаю только *der, die, das*. Это меня зало. Я расписал немецко-русский словарь на две тетради, составив словарь корней и основ и словарь словообразовательных формантов. И довольно успешно прочёл эту книжку. Но, по-видимому, это слишком упрощённо. Ведь семья была украинская, все хорошо говорили и писали по-русски, но дома все рассказы отца об Украине, о детстве, о войнах (первой мировой и гражданской) были на украинском; бабушка говорила по-украински, считала по-немецки и пела какие-то довольно фривольные польские песенки (она была дочерью польского шляхтича, участника восстания, по-видимому, Костюшко¹⁷, сосланного за это в армию солдатом на Кавказ, там он выслужился до унтер-офицера, женился на донской казачке и был затем, как это водилось, управляющим имения у какой-то польской

⁹ Сергей Львович Николаев (р. 1954) — специалист по истории русского языка, славянской акцентологии и макрокомпаративистике. Сотрудник Института славяноведения РАН. Ученик В.А. Дыбо.

¹⁰ Сергей Анатольевич Старостин (1953–2005) — специалист по макрокомпаративистике.

¹¹ Олег Алексеевич Мудрак (р. 1962) — специалист по макрокомпаративистике.

¹² Татьяна Андреевна Михайлова (р. 1956) — кельтолог.

¹³ Михайлова Т.А., Мудрак О.А. «Человек судьбы» (polit.ru: <https://old1.polit.ru/article/2011/04/29/dybo/>).

¹⁴ Киселев А.П. Элементарная геометрия. Первое издание 1892 г., здесь может идти речь об издании 1931 г.

¹⁵ По-видимому, имеется в виду учебник И.В. Арнольда «Теоретическая арифметика». М.: Учпедгиз, 1938. 482 с. (или его переиздание 1939 г.).

¹⁶ Возможно, книга: Грэнвилль В. Элементы дифференциального и интегрального исчислений. Для технических учебных заведений и самообразования Части I и II в одной книге. М.; Л.: Госиздат, 1927. 480 с.

¹⁷ Очевидно, отец бабушки был участником не восстания Костюшко (1794 г.), а участником восстания 1863–1864 гг.

помещицы. Он вскоре умер, а его жена, мать моей бабушки, вышла замуж за портового, крепостного этой польской барыньки, и стала по законам Российской Империи также крепостной. Но бабушка была шляхетным дитём, поэтому барынька отобрала её у матери и начала воспитывать. Однако педагогические способности этой польской барыньки были, по-видимому, весьма ограничены, и она, решив, что из этой холопки ничего не выйдет, отправила её пасти гусей. Затем бабушку выдали замуж за запорожского казака (из той части запорожского войска, которая была отправлена Екатериной на Южный Буг для борьбы с турками), она родила 18 детей, одним из последних был мой отец). Отец старался, всё же, чтобы я в какой-то мере знал украинский язык, и доставал, правда, очень редко (а где достать в районном центре?) некоторые украинские книжки. Помнится, он заставил меня прочесть роман И. Франко «Перехресні стежки». Второй этап был уже в 8-м классе. Здесь у меня возник конфликт с учительницей русского языка, я оспорил какую-то запятую, которую она поставила, снизив мне оценку. Но спор был, конечно, о запятой, а не об оценке. Учительница, молодая, но довольно умная, решила разрешить эту проблему, обратившись к другой более знающей учительнице. Она, конечно, знала, что эта пожилая учительница для меня авторитет: я перед этим прослушал её «лекцию» о специфике пунктуации в текстах М. Горького (это был свободный, внеплановый урок, замена какого-то урока заболевшего учителя). Надо сказать, что Павлово-на-Оке было захолустьем, куда, по-видимому, ссылали интеллигентов свободных профессий: там был хороший театр (говорили, что там много ссыльных артистов), было много хороших учителей и учительниц, некоторым из них позволяли работать лишь в виде замены заболевшего или ушедшего в декрет преподавателя. Преподавательница объяснила моей учительнице, что запятая могла ставиться или не ставиться в зависимости от того, какой смысл придаётся данному отрезку, и попросила прислать меня к ней; когда я пришёл, она, по-видимому, повторила то, что она говорила моей учительнице, и предложила прочесть книгу Пешковского¹⁸ «Русский синтаксис в научном освещении» и дала мне её. Когда я её прочёл, я понял, что языкознание — тоже наука (Это было открытие!). После этого я пошёл к учительнице немецкого языка (не нашей школы, она, видимо, тоже работала на свободных ставках). У неё было много книг на немецком и английском языке. «Вы это тоже читаете?» — спросил я её, указывая на английскую полку. «Нет! С тех пор, как Сашу забрали, это никто не читает», — ответила она. Я попросил у неё книг по языкознанию. Она дала мне «Историю немецкого языка» Жирмунского¹⁹ и «Сборник работ по истории немецкого языка» и книгу по германскому сравнительно-историческому языкознанию. Я взял у неё также «Фауста» Гёте на немецком (конечно) в хорошем лейпцигском издании и прочёл его ещё в школьные годы, потом брал из этого полного издания роман Гёте «Die Wahlverwandschaft» (в русском переводе этого романа этот заголовок переведён «Родство по выбору», в действительности это название химической реакции, известной уже из школьного курса химии: «реакция замещения») и долго мучил университетскую преподавательницу немецкого языка этим отменно скучным романом, сдавая ей «тысячи». В школьные годы я нашёл в библиотеке треста

¹⁸ Александр Матвеевич Пешковский (1878–1933) — специалист по синтаксису русского языка, автор классического труда, упомянутого в тексте, а также, в частности, книг «Школьная и научная грамматика: Опыт применения научно-грамматических принципов к школьной практике» (1914, 1918, 1922) и «Сборник статей: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика». М.: Госиздат, 1925.

¹⁹ Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) — германист.

«Росинструмент» книгу Вандриеса²⁰ «Язык». Бог весть почему она туда попала, в эту в основном техническую (ну и беллетристическую) библиотеку, библиотекарша даже явно обрадовалась, что нашёлся читатель, которому эта книга понадобилась. В книжном магазине я купил несколько текстов латинских авторов (тоже к радости продавца), но читать их не мог, так как не мог достать ни учебника латинского языка, ни словаря. В Горьковский университет поступал по простой причине: времена были голодные, а в Горький ходили машины, отец ездил с месячными отчётами, он после ранения под Харьковом работал бухгалтером в павловском лесхозе, поэтому мог привезти или подбросить с кем-нибудь мешок-другой картошки со своего огорода. Надо сказать более точно, в университет я не поступил (не был принят, так как из 25 баллов у меня было 24, т.е. за сочинение было 4); я знал, что были приняты лица, которые имели меньше; видимо имел значение блат или/и партийность или чиновность родителей. Но был принят «кандидатом в студенты». Это значило: отсутствие стипендии, отсутствие места жительства и отсутствие отсрочки от призыва в армию. Ходить на лекции и занятия пока разрешали (но пока! Через пару недель военрук сказал: «Кто не студенты, а кандидаты, очистите аудиторию!»). Но это кульминация! Это потом. Сразу же получив отказ в зачислении, я, как убеждённый комсомолец, пошел к секретарю партийной организации Университета. Нет! Не жаловаться и не просить, а спросить совета. Я знал, что в Педагогическом институте иностранных языков недобор, и я с моими оценками легко туда могу поступить. Это всё я объяснил секретарю и спросил, не лучше ли мне так поступить. «Нет! Нет! — сказал тот, — Что Вы! Мы Вас обязательно примем!». Так вот! Когда меня вытурили с военного дела, я пошёл к декану, точнее, не к декану (декан на факультете появлялся только по торжественным дням), а к замдекана, некоему Ивану Семёновичу. У него в кабинете сидел секретарь парторганизации Университета, поэтому я обратился сразу прямо к секретарю, напоминая о нашем с ним разговоре. Как реагировал секретарь? Он оборотился к Ивану Семёновичу и сказал: «Иван Семёнович! Что же мы обманываем людей! Надо было сразу сказать: Вы не приняты! Езжайте домой и готовьтесь к поступлению в следующем году!» Поняв, что я имею дело с типичным партократом, я пошел домой и написал два письма, одно — в Министерство высшего образования, в Отдел университетов; другое — более едкое и эмоциональное в Комсомольскую правду. Через некоторое время (недолгое) я получил два ответа. Один — из Отдела университетов, в котором сообщалось, что мест нет и что они не могут разрешить Горьковскому университету меня и моего товарища, о котором я тоже писал в моих письмах, принять в студенты. Другой от Комсомольской правды, в котором сообщалось, что моё письмо послано в Министерство высшего образования, в Отдел университетов. Получив эти письма, я продолжил ждать. Через некоторое время пробегает секретарша декана и сообщает, что Ректорат разрешил нас принять, но Иван Семенович почему-то сопротивляется. Но через несколько дней это сопротивление иссякло, и нас с моим товарищем по несчастью приняли. Но Иван Семёнович мне всячески мстил, многократно. Вот тогда печать имела ещё значение. А как сейчас? Об учёбе в университете можно много писать. В основном, я был, конечно, автодидакт, компаративистика у меня — это результат самостоятельной работы в залах Горьковской областной библиотеки, там была дореволюционная литература (русская и иностранная), там я познакомился с русскими

²⁰ Жозеф Вандриес (1875–1960) — французский кельтолог и индоевропеист, автор книги «Язык. Лингвистическое введение в историю» (французский оригинал 1914/1921, рус. перевод 1937, переводчик М.А. Солонино (1885–1937, репрессирован и расстрелян, посмертно реабилитирован), рус. перевод издан под ред. Р.О. Шор, с комментариями П.С. Кузнецова, а имя переводчика заменено тремя звездочками.

дореволюционными филологическими журналами, с немецкой грамматикой Гримма, с дореволюционной литературой по классическим языкам, по индоевропеистике. Всё это было устарелым, но тем не менее я могу дать фору нынешним ребятам, которые этой старой литературы не знают. Как-то я сказал С.Б. Бернштейну²¹, что я начинал изучение индоевропеистики по книге Шерцля²², и у него встретил первые ностратические сближения. «А я Шерцля знал», — сказал Бернштейн. Оказывается, Самуил Борисович застал Шерцля ещё живым, когда он работал в Одесском университете. Из преподавателей могу вспомнить Калинина, доцента, который читал у нас морфологию. Основная его работа была в Педагогическом институте. У нас он читал курс морфологии, приводил какую-либо категорию и просил меня привести примеры, я вываливал кучу примеров. Помню, когда проходили классы глаголов, здесь можно большие группы перечислить, а у меня со школы было приличное знание глагольной классификации (ведь, мы учились по бархударовскому²³ учебнику под редакцией Щербы²⁴, а это был достаточно хороший учебник), и он был очень доволен. Калинин мне и предложил тему курсовой работы — русскую акцентную систему. Он, правда, мыслил её как синхронное описание, т.е. должно было получиться что-то вроде Грамматического словаря А.А. Зализняка, но, конечно, не в том объёме. Но я увлёкся сравнительно-исторической акцентологией и написал маленькое предварительное введение в неё. Тут можно было бы написать о моей работе с немецкой классической философией, она тесно связана с моим изучением истории сравнительно-исторического языкознания, я это почувствовал, и, по-видимому, почувствовали мои слушатели, когда мне пришлось читать лекции по истории сравнительно-исторического языкознания. Но здесь тоже скандалы, когда меня и моего друга Мухина привлекли к комсомольской ответственности за изучение немецкой философии (он изучал Шопенгауэра, а я более раннюю генерацию: Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля). Но нас спасла сестра Жданова²⁵, Она выступила на этом комсомольском собрании и сказала: «Это не плохо, что ребята философию читают. Даже если они что-то не понимают или не так понимают, это ничего, потом поймут. Ведь не всё сразу-то понимается». И наказание нас миновало.

В аспирантуру меня не рекомендовали, были лишь частные рекомендации: доцента Зиновьева²⁶ и доцента Калинина²⁷. Просился направить меня в Мордовию, направили в Марийскую АССР, по дороге заехал в Москву, в Институт языкознания (он был тогда слит с Институтом русского языка), куда посылал документы и работы (одна из них была прорецензирована Горнунгом²⁸ и оценена отметкой

²¹ Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997) — болгарист, славист. В 1947–1977 гг. заведовал Сектором филологии (после разделения в 1951 г. Сектором славянского языкознания) в Институте славяноведения РАН, являясь, тем самым, непосредственным начальником В.А. Дыбо.

²² Викентий Иванович (Ченек) Шерцль (1843–1906) — санскритолог, компаративист, чех по происхождению. По-видимому, здесь какая-то ошибка: Самуил Борисович не мог встречаться с Шерцлем.

²³ Степан Григорьевич Бархударов (1894–1983) — русист, автор классического школьного учебника русского языка.

²⁴ Лев Владимирович Щерба (1880–1944) — фонетист и специалист по общему языкознанию.

²⁵ Татьяна Александровна Жданова (1891–1974) — делегат XVIII и XIX партийных съездов КПСС, кандидат исторических наук, доцент, сестра А.А. Жданова, советского партийного и государственного деятеля, автора «Постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград».

²⁶ В.Н. Зиновьев, филолог-славист, в то время — доцент филологического факультета Горьковского университета, автор статей по словообразованию в польском и русском языках.

²⁷ Не удалось найти более подробных сведений.

²⁸ Борис Владимирович Горнунг (1899–1976) — индоевропеист, антиковед.

«отлично»)²⁹. Потом я узнал, что плохая характеристика пришла и в министерство Марийской республики. Работал я в деревне Кожласала (по-русски «Боровое» = «Село соснового леса»). Статьи выписывал на микрофильмах, для книг открыли абонемент, я пошёл в сельсовет и попросил переименовать библиотеку из сельской или поселковой (там был посёлок с двумя заводиками, на одном делали колодки для обуви, на другом щитовые дома) в городскую (Ленинка открывала абонемент только для городских библиотек). Сельсовет выделил, кажется, 30 рублей на пересылку книг, за микрофильмы я платил сам. Из книг я прочёл там Индо-хеттскую грамматику (сравнительную) Стертеванта³⁰ (на английском) и его же «Индо-хеттские ларингалы» и работу Мёллера³¹ «Семито-индоевропейский словарь», работу Лемана³² получить не смог (она в Ленинке ещё не появилась), о ней мне сообщил Вяч. Вс. Иванов³³. Дело в том, что приехав на место, я послал во все серьёзные. университеты письма с просьбой сообщить мне, намечается ли там приём в аспирантуру по индоевропейскому сравнительно-историческому языкознанию. Все ответили: «нет», — и только из Москвы мне пришло письмо от Иванова. Он написал, что заниматься этой темой (это была ларингальная гипотеза³⁴) можно, только читая на всех европейских языках, и указал ряд статей, в которых я смогу получить обширную библиографию. Читал я микрофильмы в детском фильмоскопе, направив его на пламя керосиновой лампы. Вскоре появилась ещё одна возможность: один мой ученик работал шофёром и жил на автобазе, там работал (электро)движок (маленькая динамо-машина), а у него был фотоувеличитель. Я съездил в Казань, купил там фотобумагу и мы начали увеличивать. Получалось не очень хорошо. Движковый свет очень мигал и снимки оказывались сильно смазанными, но что-то всё же получалось. Остальное пишу кратко: На экзамене по истории партии (кажется) я довольно прилично рассказал содержание текстов классиков марксизма-ленинизма, думаю, что на пять, но они снизили за то, что я не знал, сколько курьёзов по постановлению последнего пленума должны нанести яиц. Там был относительно приличный мужчина, который тянул и добивался, чтобы я вспомнил, и отвратительная дама, о которой абитуриенты говорили, что она стерва с садистическими наклонностями. Кажется они снизили до четвёрки. Но Иванову пришлось ходить в министерство, чтобы пробить поступление. Подписывал я письмо, связанное с протестом против суда над Даниэлем и Синявским. С ними я знаком не был, и никогда их не видел. Даниэля я увидел, когда передавал ему деньги, собранные для него сотрудниками Института языкознания. Сами они боялись засветиться, а я был в безопасности, так как был подписантом. На это письмо я кажется, ответил.

Пока! Пиши! Если что-то ещё надо, я напишу.

Рукопись поступила в редакцию 5.11.2023

Рукопись принята к печати 20.12.2023

Received on 15.11.2023

Accepted on 20.12.2023

²⁹ Сергей Иванович Котков (1906–1986) — советский лингвист, диалектолог, источниковед. В 1954 г. начал работать в ИРЯ.

³⁰ Эдгар Стёртевант (1875–1952) — американский хеттолог и индоевропеист.

³¹ Герман Мёллер (1850–1923) — датский лингвист, сторонник гипотезы родства индоевропейских и семитских языков.

³² Уинфред Леман (1916–2007) — американский лингвист, автор книги *Proto-Indo-European Phonology* (1952), о которой идет речь в тексте.

³³ Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) — лингвист, работавший в Институте славяноведения РАН, научный руководитель В.А. Дыбо.

³⁴ Гипотеза, согласно которой для праиндоевропейского языка следует восстанавливать несколько фрикативных звуков, обозначаемых как **h₁*, **h₂*, **h₃*, неизвестного качества.

Информация об авторах:

Дыбо Анна Владимировна
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, зав. отделом
Институт языкознания
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6077-7183
E-mail: adybo@iling-ran.ru

Крылов Сергей Александрович
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5207-0949
E-mail: krylov-58@mail.ru

Саенко Михаил Николаевич
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5829-7527
E-mail: veraetatis@yandex.ru

Information about the authors:

Anna V. Dybo
DSc. (Philology)
Professor, Corresponding member
of the Russian Academy of Sciences
Head of the Department
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6077-7183
E-mail: adybo@iling-ran.ru

Sergey A. Krylov
DSc. (Philology), Leading Researcher
Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5207-0949
E-mail: krylov-58@mail.ru

Mikhail N. Saenko
PhD (Philology), Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5829-7527
E-mail: veraetatis@yandex.ru

Г.П. Мельников. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени. М.: Индрик, 2022. 536 с.

© 2024 г. А.Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
(Саратов, Российская Федерация)

galyamichev57@mail.ru

Ссылка для цитирования: Галямичев А.Н. Г.П. Мельников. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени. М.: Индрик, 2022. 536 с. // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 142–145. DOI: 10.31857/S0869544X24020139, EDN: zcrmuo

G.P. Melnikov. Czech Socio-Historical Thought of the Middle Ages and Early Modern Times. Moscow: Indrik, 2022. 536 p.

© 2024. Aleksandr N. Galyamichev

Saratov State University
(Saratov, Russian Federation)

galyamichev57@mail.ru

For citation: Aleksandr N. Galyamichev. G.P. Melnikov. Czech Socio-Historical Thought of the Middle Ages and Early Modern Times. Moscow: Indrik, 2022. 536 p. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 142–145. DOI: 10.31857/S0869544X24020139, EDN: zcrmuo

Выход в свет монографии по истории Чехии в Средние века и раннее Новое время сам по себе является заметным событием в нашей исторической науке уже по причине немногочисленности монографических исследований российских историков, посвященных средневековому прошлому чешского народа.

Значимость появления рецензируемой работы определяется также и тем, что она принадлежит перу одного из крупнейших в современной России знатоков чешской истории, известного многочисленными публикациями по широкому кругу проблем исторической богемистики.

Тема монографии Г.П. Мельникова представляет большой интерес в силу исключительного богатства чешской историографической

традиции, включающей многочисленные и весьма разноплановые по форме и содержанию произведения. С другой стороны, важность ее изучения определяется огромной ролью, которую историческая память сыграла в судьбе чешского народа: пережив в XVII–XVIII столетиях «эпоху Тьмы», когда под вопрос было поставлено само будущее Чехии, сохранение языка и самобытной культуры чехов, страна вступила в первые десятилетия XIX в. в период Национального возрождения. В это время особое звучание обрели исторические сочинения средневековых хронистов и писателей раннего Нового времени, ставшие одной из важнейших опор становления и развития чешского национального самосознания. Историческая память выступила при этом в качестве ядра формирования политической

идеологии национально-освободительного движения.

Отмеченные обстоятельства определили выбор автором предмета исследования, которое задумывалось как попытка анализа особенностей развития общественно-исторической мысли в Средние века и раннее Новое время.

Работа Г.П. Мельникова обладает рядом очевидных достоинств. Прежде всего следует отметить охват огромного материала (X–XVII вв.), представленного обширными и насыщенными фактами и идеологическими конструкциями нарративных памятников. Можно назвать лишь одно исследование в отечественной науке, которое содержит сопоставимый по объему изученного материала объект историографического анализа [Вайнштейн 1964]. Широкий охват материала сочетается в рецензируемой монографии с тщательностью анализа нарративных источников, учитывающего особенности их языка, композиции, литературного жанра. Автор хорошо ориентируется в ведущих тенденциях развития современной, прежде всего, чешской историографии, опираясь на ее достижения, а в ряде случаев вступая в научную полемику.

Работа Г.П. Мельникова состоит из пяти глав-очерков, посвященных важнейшим страницам развития общественно-исторической мысли Чехии.

Первая глава посвящена анализу начальных страниц чешского летописания, в памятниках которого (в «Чешской хронике» Козьмы Пражского и его продолжателей, а также в Легенде Кристиана) содержится первый вариант изложения истоков истории Чешского государства. Особое внимание автора обращено при этом на характер освещения в хрониках проблемы соотношения верховной власти чешского монарха и властных полномочий знати. Хронисты XI–XII вв., как показал автор, осуждали мятежные выступления знати и восхваляли тех князей, которые успешно боролись за усиление центральной власти. Г.П. Мельников оценил такое мышление «как ретроспективно-историческое и этногосударственное, а также, учитывая отношение к Империи, как государственно-патриотическое и этнопатриотическое» (с. 76).

В хрониках XI–XII вв. содержатся первоначальные версии тех сюжетов чешской истории, которые на протяжении последующих столетий имели первостепенное значение для разработки общей картины прошлого чешского народа, характеристики его настоящего и взгляда в будущее. Вторая глава монографии посвящена одному из классических сюжетов чешской историографии — преданиям

о происхождении княжеского (затем королевского) рода Пршемысловцев.

Автор проследил, с одной стороны, процесс развития и содержательного обогащения чешской этатизационной легенды с момента ее возникновения вплоть до второй половины XIV в., а с другой — обосновал вывод о том, что она «всегда выполняла функцию главного предания чехов, в котором объединились элементы этнического, государственного, исторического сознания Средневековья, сфокусированного на династии Пршемысловцев» (с. 115).

В главе содержится немало ценных наблюдений, хотя, с моей точки зрения, здесь несколько нарушена логика исследования, выстроенного по преимуществу в хронологическом порядке. Это в первую очередь касается оценок взглядов хронистов XIV в., систематическое и подробное рассмотрение произведений которых содержится в третьей главе монографии, специально посвященной этому этапу развития общественно-исторической мысли средневековой Чехии.

Глава открывается подробным анализом стихотворной хроники так называемого Далимила, написанной, по-видимому, в начале XIV в. Далимил, как показал автор, в отличие от хронистов XI–XII вв., рассматривал историю Чехии с точки зрения идеалов шляхты — ведущей политической силы, имевшей право выступить против монарха, если тот не выполнял ее требований (с. 146), но при этом Далимил «несколько опередил свое время, сформулировав доктрину этнопатриотизма» (с. 143), нашедшую продолжение в общественно-исторической мысли последующих времен.

Основное же содержание третьей главы монографии Г.П. Мельникова составил анализ наследия чешской историографии времен правления императора Священной Римской империи и короля Чехии Карла IV из династии Люксембургов (1346–1378), отмеченного появлением большого количества исторических сочинений, которые, по вполне обоснованному мнению автора, представляли вершину развития общественно-исторической мысли Чехии в Средние века. Трудно не согласиться и с высказанным Г.П. Мельниковым положением о том, что «по разнообразию тематики и степени проработки идеологом чешская мысль середины — второй половины XIV в. занимает лидирующее положение в Центральной и Восточной Европе и даже в Европе в целом» (с. 147). Большой интерес представляют страницы, посвященные вкладу короля и императора Карла IV в развитие общественно-исторической мысли, которого, как резонно отметил автор, «мы должны считать крупнейшим политическим мыслителем Европы XIV в., создателем четко

продуманной концепции чешского государства и всей империи, концепции, не имеющей аналогов в европейской мысли позднего Средневековья» (с. 147).

В работе Г.П. Мельникова содержится подробная характеристика концепции богомощности, являвшейся направляющей нитью внешней и внутренней политики Карла IV. Чехия становилась в ее рамках сердцем Священной Римской империи, а чешский народ обретал черты богоизбранности (с. 206).

Обоснован вывод Г.П. Мельникова, подводящий итог третьей главы: «Чешская общественная мысль [...] представляется в европейском контексте XIV в. наиболее развитой, рафинированной и, что самое главное, инновационной, поскольку смогла создать уникальную в Европе позднего Средневековья концепцию единства власти и общества, правителя и социума на христианской сакральной основе, включавшей в себя историко-патриотическую чешскую традицию» (с. 262).

Гуситский период в истории средневековой Чехии оставил далеко не самое богатое наследие в области историографии, что вполне объяснимо многолетним ожесточенным противостоянием сторонников учения Яна Гуса как с силами феодально-католической Европы, так и с противниками гуситов внутри самой Чехии. Поэтому посвященная гуситской эпохе глава отличается и по привлекаемым источникам, и по их содержанию. Она — в полной мере новаторская, поскольку поднимает круг проблем, не затрагивавшихся ранее в отечественной гуситологии. Прежде всего автор проследил произошедшее в гуситское время изменение в содержании понятия «чешский народ»: если раньше под «нацией», «народом» понималось «дворянство и отдельные личности из других слоев, поднявшиеся до понимания идей патриотизма, то теперь, начиная с речи Иеронима Пражского в 1409 г., в понятие “чешский народ” стали входить все его члены, то есть этносоциальная трактовка сменилась чисто этнической» (с. 337).

Анализ памятников гуситской идеологии позволил автору выявить основные черты происходившего в годы гуситских войн сложного синтеза этнического и религиозного сознания, в итоге которого сформировались представления об особой роли чешского народа во всемирной истории, его ведущей роли в христианском мире на пути к обретению подлинной сути учения Христа.

Автор отметил и некоторые негативные последствия «средневекового национализма» (термин чешского историка Ф. Шмагеля, использованный Г.П. Мельниковым), вылившегося в «своеобразный гуситский религиозно-идеологический

шовинизм» (с. 340), хотя при этом «по степени развития национальной идеологии Чехия XIV–XV вв., особенно в гуситский период, обогнала Западную Европу» (с. 342).

Важной видится прослеживаемая Г.П. Мельниковым в годы гуситских войн интерпретация общественно-исторической мысли в среде умеренных гуситов, с одной стороны, и католической шляхты — с другой. Это «раздвоение» особенно проявилось в общественно-исторической мысли Чехии послегуситского времени, анализу вершинных достижений которого посвящена пятая глава монографии Г.П. Мельникова.

Исторические труды чешских авторов этого периода — «Чешская хроника» ученого католического монаха Вацлава Гаека из Либочан (с. 343–435) и трактат видного представителя Общины чешских братьев, вынужденного покинуть родину после белогорской катастрофы Павла Странского «Чешское государство» (с. 436–497) — исследованы Г.П. Мельниковым весьма обстоятельно.

Следует отметить высокую степень научной новизны подробного анализа хроники Гаека из Либочан (1499(?)–1553), которая по сложившейся в российском славяноведении традиции оставалась за пределами внимания исследователей, поскольку содержит большое количество вымышленных сюжетов. Г.П. Мельникова же привлекли именно фантастические моменты «Чешской хроники», так как являлись важнейшим звеном процесса создания национального исторического мифа.

Трактат Павла Странского (1583/1587–1657) — произведение иного жанра, также специально изучался чешскими и отечественными славистами мало, но Г.П. Мельникову позволило доказать, что «идеологема чешского патриотизма, содержащаяся в трактате, опередила свое время» (с. 492).

Подробный анализ выдающихся памятников общественно-исторической мысли привел автора к важному и не вызывающему возражений выводу: «Оба исторических сочинения — Гаека и Странского — при всех их различиях, прежде всего в конфессиональном плане, имеют одно общее основание — чешский патриотизм, точнее этнопатриотизм. Именно эта идеологема, глубоко проникшая в чешское общество XVII–XVIII вв., позволила чехам как нации со своим языком и государственно-историческим преданием (мифом) выжить в условиях универсализма державы Габсбургов и стать нацией в современном смысле слова уже в XIX в.» (с. 497).

Следует отметить, что в круг использованных автором источников вошли не только произведения чешских хронистов, но также документальные, эпистолярные и юридические

тексты. Особый интерес представляет опыт обращения Г.П. Мельникова к произведениям изобразительного искусства, памятникам архитектуры и градостроительства, поскольку они также нередко выступали в качестве средства выражения общественной и исторической мысли (с. 80, 234–260, 325–328, 430–435), а иллюстративный материал, присутствующий в монографии, позволял наглядно подтвердить аргументацию автора.

На мой взгляд, автору следовало бы уделить некоторое внимание чешской хронистике XIII в. (Вторым продолжателям Козьмы Пражского), в особенности яркому и эмоциональному повествованию «О злых годах после смерти Пржемысла Оттокара II» (*«Zlé léta po smrti krále Přemysla Otakara II»*), которое содержит немало интересных суждений о характере взаимоотношений чехов и немцев и нашло отражение в художественном творчестве (в этой связи прежде всего вспоминается знаменитая опера Б. Сметаны «Бранденбургцы в Чехии»).

Работа Г.П. Мельникова может представлять большой интерес для зарубежных, прежде всего, чешских историков, поскольку предмет исследования в ней выступают сюжеты, остающиеся недостаточно изученными в чешской историографии. В этом состоит ее несомненное достоинство и важнейшая составляющая научной новизны.

В ряде случаев, особенно в рамках первой главы монографии, историографические и исторические экскурсы автора позволяют составить достаточно ясные представления о ведущих тенденциях развития чешского общества (например, определение места XII в. в истории Чехии (с. 29–30), размышления «об эволюции чешской знати, дружины, клира, крестьянства в XII в., об изменении экономической базы страны и трансформации самого социума» (с. 34–36), генезисе чешской шляхты (с. 41–43) и др.). Но этого, на мой взгляд, недостаточно, особенно применительно к истории гуситского движения. Г.П. Мельников придерживается концепции и периодизации гуситских событий, утвердившейся в последние десятилетия XX – первые десятилетия XXI в. в чешской историографии, однако на русском языке с ней можно познакомиться лишь благодаря учебному пособию

Л.П. Лаптевой, вышедшему в свет в 1990 г. [Лаптева 1990] и остающемуся малодоступным для широкого круга читателей. Они могут пользоваться научно-популярной работой Б.Т. Рубцова [Рубцов 1955], концепционные моменты которой принципиально расходятся с оценками современной чешской историографии и трактовкой гуситских событий Г.П. Мельниковым.

Представляется, что назрела необходимость подготовки нового обобщающего труда по истории Чехии в Средние века и раннее Новое время, который мог бы служить основой для формирования у российского читателя подробных, ясных и глубоких представлений об историческом пути, пройденном чешским народом.

Обширная библиография (с. 303–318) имеет самостоятельное значение, прежде всего, для молодых исследователей, обращающихся к истории Чехии соответствующего периода.

В целом можно сделать вывод, что российская историческая славистика пополнилась новым обстоятельным исследованием, выполненным в контексте наиболее перспективных направлений развития современной историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.: Л.: Наука, 1964. 483 с.
Лаптева Л.П. Гуситское движение в Чехии XV века. М.: Изд-во МГУ, 1990. 95 с.
Рубцов Б.Т. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV века в Чехии). М.: Госполитиздат, 1955. 324 с.

REFERENCES

- Lapteva L.P. *Gusitskoje dvizhenije v Chekhii XV veka* [The Hussite movement in the Bohemia of the XV century]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1990, 95 p. (In Russ.)
Rubtsov B.T. *Gusitskije vojny (Velikaja krest'anskaja vojna XV veka v Chekhii)* [Hussite Wars: (The Great Peasant War of the XV century in the Bohemia)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 324 p. (In Russ.)
Vajnshtejn O.L. *Zapadnoevropejskaja srednevekovaja istoriografija* [Western European Medieval Historiography]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964, 483 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Галямичев Александр Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Саратовский государственный университет
г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9508-0901
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Information about the author:

Aleksandr N. Galyamichev
DSc. (History), Professor
Saratov State University
Saratov, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9508-0901
E-mail: galyamichev57@mail.ru

III Всероссийское совещание славистов

© 2024 г. Н.С. Гусев

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

kin@gusevns.ru

Ссылка для цитирования: Гусев Н. С. III Всероссийское совещание славистов // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 146–150. DOI: 10.31857/S0869544X24020144, EDN: zcrbpl

Third National Russian Symposium of Slavists

© 2024. Nikita S. Gusev

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

kin@gusevns.ru

For citation: Nikita S. Gusev. Third National Russian Symposium of Slavists // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 146–150. DOI: 10.31857/S0869544X24020144, EDN: zcrbpl

24–26 октября 2023 г. состоялось III Всероссийское совещание славистов. Его раз в десять лет организует Институт славяноведения РАН с целью координации деятельности российских ученых в сфере изучения, преподавания и пропаганды истории и культуры славянских народов.

Работу совещания открывало пленарное заседание. В начале его директор ИРЯ РАН Ф. Б. Успенский обратился с приветствием от Российского комитета славистов и Отделения Историко-филологических наук, зав. кафедрой истории южных и западных славян Г. Ф. Матвеев — от исторического факультета МГУ. Затем выступили директор Института славяноведения РАН К. В. Никифоров с отчетом о состоянии российской славистики за последнее десятилетие, зав. кафедрой славянской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова Н. Е. Ананьева — с методическим докладом о преподавании польского языка в высшей школе, доцент исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова З. С. Ненашева — с рассказом об истории всесоюзных съездов историков-славистов во второй половине XX в. Чл.-корр. РАН Б. Н. Флоря (ИСл РАН) представил различные пути развития Восточной и Центральной Европы в раннем и начале развитого средневековья, академик РАН А. А. Гунтуус (ИСл РАН/ НИУ ВШЭ) рассказал об успехах российской эпиграфики за последнее десятилетие, важнейших находках и новых интерпретациях ранее известных надписей на стенах древнерусских храмов. В завершении пленарного заседания состоялось торжественное вручение Золотых медалей им. И. И. Срезневского Института славяноведения РАН за заслуги перед российской славистикой Н. Е. Ананьевой и Г. Ф. Матвееву.

После этого началась трехдневная работа 28 секций, на которых рассматривался широчайший спектр вопросов истории и культуры славян, истории российского славяноведения и проблем преподавания славистики¹. Заседания двух секций прошли на площадках Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ) и Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

24 октября после обеда параллельно шло заседание восьми секций.

Секция «Вопросы преподавания славистики» обсуждала перспективы, созданные текущей реформой образования, возможности применения инноваций в обучении, опыт славистических школ Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Нижнего Новгорода, зарубежные коллеги поведали об особенностях преподавания славистических дисциплин в Минске, Харбине и Стамбуле.

В секции о публикации источников по истории и культуре славянских народов были затронуты вопросы инновационных методов (создание базы данных по истории русского летописания), представлены проекты издания славянских рукописных книг, итоги изучения описных книг церковно-монастырских владений, рассказано о чешском слависте Франтишке Иезбере, об оригинальной приписке к рукописи Хронографа редакции 1512 г. — отклике современника на смерть в 1598 г. царя Федора Ивановича.

В медиевистической секции рассматривался широкий круг вопросов в хронологическом диапазоне от раннего Средневековья до событий накануне Брестской церковной унии 1596 г., в том числе проблемы этногенеза и географии расселения соседних со славянами романских племен, археологические и летописные свидетельства об отношениях хазар и восточных славян накануне крещения Руси в восприятии историографии XI–XVI вв., история возникновения конце XV в. первых на Балканах печатных книг кириллического шрифта, сходства и различия политических факторов в истории культов национальных святых, возникавших в различных конфессиональных сообществах в странах Восточной Европы, интерпретации модели межконфессионального мира в восприятии православных жителей Речи Посполитой конца XVI в. накануне создания их оппонентами структур греко-католической церкви и др.

Центральной задачей секции «Проблемы восточнославянской этнонимии в XVII–XX веках» стала реконструкция изменений в области этнической терминологии и различных номинаций, относящихся к белорусским и малороссийским/украинским, галицийским и карпаторусинским землям. Участники секции констатировали, что в историографии последних двух десятилетий не много работ, ставящих исследовательской задачей такой аспект, как эволюция конкретных номинаций, включая эндонимы, экзонимы, этнофолизмы и др. Кроме того, в историографии нет однозначного отношения к использованию номинаций восточнославянского населения. Важным аспектом обсуждения стала неоднородность этнических номинаций, влияние этнополитических и идеологических факторов на семантическое наполнение понятий. Участники секции подчеркнули необходимость осторожного отношения к интерпретации многих понятий как имперского, так и более поздних периодов.

Впервые в рамках совещания славистов особое заседание было посвящено обсуждению славяно-османского взаимодействия. Доклады этой секции составили два тематических блока. Первый был посвящен вопросам взаимодействия христиан и мусульман на Балканах в первые столетия османского владычества, в частности изучению мусульманских и христианских агиографических произведений как источника по истории межконфессиональных отношений. Доклады второй части заседания охватывали более поздний период — конец XVIII–XIX вв., и затрагивали проблемы демографической ситуации и международных отношений в регионе. Дискуссии и обсуждения каждого из выступлений секции продемонстрировали актуальность поднимаемых тем и необходимость дальнейшего взаимодействия славяноведов и османистов при изучении истории Балкан.

На секции истории Восточной Европы после Второй мировой войны прозвучали обобщающие доклады, посвященные историографическим (о советско-югославском конфликте 1948–1953 гг. и образе Йосипа Броз Тито в последнее десятилетие) и теоретическим (о начальной фазе превращения Восточной Европы в сферу влияния СССР, о концепте «фантомных границ») проблемам изучения истории славянских стран. Также были сделаны сообщения, описывающие конкретно-исторические сюжеты, в них рассматривались различные аспекты истории Польши, связанные со Второй мировой войной.

¹ Автор выражает благодарность организаторам работы секций за предоставленные аналитические материалы.

В рамках секции «Проблемы поэтики славянских культур: современные подходы» доклады были посвящены польской политике в сфере культуры, проблемам современного белорусского литературоведения, основным направлениям изучения словенской литературы в последнее десятилетие, изучению моделей пространства и языка религиозного дискурса, а также польскому кинематографу.

24 октября начала свою трехдневную работу секция «Лингвистика». Ее открывало пленарное заседание, на котором выступили *С. М. Толстая*, *Т. И. Вендина*, *С. А. Мызников* (ИСл РАН) и *А. Н. Соболев* (ИЛИ РАН / Марбургский ун-т). Всего же за три дня было сделано 42 доклада исследователями из девяти городов России, работающими в 14 научных и образовательных организациях, треть из них составили молодые исследователи в возрасте до 40 лет. Тематика выступлений охватывала самый широкий круг вопросов. Наибольшее количество сообщений было посвящено славянской диалектологии (18 докладов), этнолингвистике (11) и лексикологии (9). Также были затронуты проблемы славянской лексикографии (3), морфологии (3), фонетики (3), этимологии (3), акцентологии (1), контактологии (4), корпусной лингвистики (3), анализа языка художественной литературы и фольклора (2) и истории славянского языкознания (2 доклада). Многие доклады носили междисциплинарный характер.

В рамках лингвистической секции состоялась презентация международной коллективной монографии «Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии» и прошло заседание Международной комиссии по лексикологии и лексикографии при Международном комитете славистов, на котором с сообщениями выступили представители России, Белоруссии, Венгрии и Сербии. На нем были подведены итоги работы Комиссии после XVI Международного съезда славистов в Белграде, представлены новые издания, обозначены дальнейшие планы работы Комиссии.

25 октября параллельно работали пять секций, одна из которых – в ГПИБ. Там прошло заседание, посвященное истории славяноведения – истории славистических институций как зарубежных, так и отечественных, научным библиотекам известных отечественных славистов, работе библиографов по составлению указателей по истории мировой славистики. После этого прозвучали доклады о современных историографических тенденциях – о генезисе западноевропейского движения, трендах в изучении национал-коммунистических партий Украины, трансформациях в трактовках ранней истории восточных славян и образования Древнерусского государства современными украинскими историками, парадоксах вовлечения историков в публичную полемику на материалах хорватского портала *Historiografija.hr*. Два последних доклада касались состояния науки – в них рассказывалось о российской болгаристике и петербургских славистических центрах.

Параллельно шла работа секции «Славянские народы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1918–1945 гг.». Доклады касались процессов завершения Первой мировой войны в связи с созданием польского и чехословацкого государств, русских эмигрантов в Болгарии и Югославии в разные периоды, общественно-политических процессов в Королевстве СХС. Два сообщения были посвящены Праге как центру русской зарубежной науки в 1920-е годы. Значительное внимание на заседании секции уделили процессам кануна Второй мировой войны в Венгрии, Польше и Югославии. Завершил заседание доклад об отражении польско-белорусских противоречий первой половины XX в. в современной белорусской историографии.

В тот же день начали работу две двухдневные секции. Стартowała Международная научная конференция «50 лет изучения межславянских литературных и культурных связей. Чтения памяти С. В. Никольского и Л. Н. Будаговой», организованная совместно с РГГУ. В первый день работа конференции проходила в стенах ИСл РАН, во второй – в РГГУ, всего было прочитано 36 докладов по проблематике сопоставительного славянского литературоведения. Некоторые доклады носили междисциплинарный характер, касаясь также вопросов искусствознания (взаимоотношений художественной литературы, кинематографа, живописи и др.).

25 октября в рамках пленарного заседания прозвучали доклады об истории славянского литературоведения – о 1973 г. в контексте сопоставительного литературоведения, о выдающихся представителях этого научного направления – С. В. Никольском, Л. Н. Будаговой, В. И. Злыднев, Н. С. Державине, Б. Бялокозовиче, С. Песецком, М. В. Фридмане и др. Далее работа протекала в рамках двух подсекций. В первой были заслушаны доклады о связях старославянской литературы и болгарской поэзии конца IX – начала X в., западнорусских переводах с латинских оригиналов, переводах М. Држича, славянских литературно-музыкальных взаимодействиях в европейском культурном контексте и влиянии польской традиции на литературные опыты Ф. М. Рындовского.

Участники второй подсекции выступили с анализом издания «Песнь Орфея», серии «Сто славянских романов» на русском языке», творчества Й. Дучича, М. Павича, И Вазова и фильме «Враг» Ж. Павловича по мотивам повести «Двойник» Ф. Достоевского. Во второй день прозвучали доклады о Лесе Украинке, украинском модернизме, о рецепции Мицкевича Вл. Соловьевым, и российском цикле М. Вилька. В рамках послеобеденной секции были заслушаны доклады о К. Чапеке, Я. Гашеке, И. Вайле, В. Незвале, Ф. Шрамеке и др.

Второй двухдневной секцией, начавшей работу 25 октября, стала «История славянской книжности: язык, текст, образ», в рамках которой состоялись пять подсекционных заседаний, посвященных старославянскому языку и его наследию в современных славянских языках, древнерусской письменности, языку и текстологии церковнославянских памятников XI–XVIII вв., церковнославянской грамматической рефлексии и взаимодействию средневековой славянской книжной и аудиовизуальной традиции. Всего было заслушано 26 докладов. Тематический спектр докладов был довольно разнообразен и включал в себя широкий круг актуальных вопросов палеославистики, начиная от словообразования в старославянском языке и заканчивая акцентуацией в современном церковнославянском. Наибольшее количество выступлений касалось истории конфессиональной книжности XI–XVIII вв. и текстологии библейских, литургических и церковно-канонических памятников. Отдельное заседание было посвящено так называемой чудовской школе переводчиков конца XVII в. и ее церковнославянским переводам с греческого, латыни и польского языков. В двух сообщениях освещались вопросы взаимоотношений церковнославянского и сербского языков в XVII в. В завершение работы секции прозвучали доклады, связанные с историей изучения и преподавания палеославистических дисциплин в XX в. (о драматичной судьбе второго издания Праславянской грамматики Г.А. Ильинского и о дискуссии на научно-методическом совещании университетских преподавателей истории русского языка 1987 г.), вызвавшие живой отклик участников.

26 октября параллельно заседали шесть секций, одна из которых – литературоведческая – в РГГУ. В заседании, посвященном Новой истории Балкан, было представлено 12 докладов, в которых, с одной стороны, подводились итоги изучения некоторых исторических проблем за прошедший период (например, русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), а с другой – освещались и анализировались такие важные аспекты истории Балкан, как представления османских греков о России в середине XIX – начале XX в., организация постимперского пространства на Балканах и антиосманские движения балканских христиан в оценках британских общественно-политических кругов в конце XIX – начале XX в., особенности православия как политической доктрины черногорцев и др.

В рамках совещания состоялась конференция российской части Комиссии историков России и Польши. В ходе ее были рассмотрены и обсуждены проблемы общих тенденций и особенностей социально-политического развития России и Польши раннего Нового времени, эволюция русской политики в Польше XVIII – первой половины XIX в., связи русских и польских революционеров в Казани. Важное место в работе конференции заняли проблемы идеологии и общественной мысли в русском и польском обществе XVII – начала XX вв. Четыре выступления были посвящены периоду Новейшей истории Польши.

Секция «Славяне и их соседи в XXI веке» делилась на две подсекции по географическому принципу. На первой, по Центральной Европе, анализировалась историческая динамика взаимоотношений государств региона с Россией в регионально-многостороннем и двустороннем курсах. Докладчики попытались дать ответы на сложнейшие вызовы современности: интерпретировать текущие события в Польше, Чехии и Словакии, особую актуальность которым придавали недавно прошедшие во всех трех странах выборы. На второй, балканской, подсекции сообщения касались событий нового века в регионе, включая текущую историю лета – осени 2023 г. Сербии и Молдовы. Более обширные периоды характеризовались в докладах о румыно-сербских отношениях, формировании черногорской идентичности, политической борьбе в Болгарии, внешней политике Греции. В них также были показаны контуры открытости текущих процессов в данном субрегионе, отмечалась неокончателность любых решений, особенно касающихся отношений с Россией.

Всего за три дня выступило около 240 докладчиков из 49 вузов, исследовательских институтов, музеев и библиотек Брянска, Владимира, Воронежа, Екатеринбургa, Ижевска, Казани, Калининграда, Москвы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Твери, Тюмени, Уфы, Ярославля, из четырех белорусских учреждений, а также ученые из Венгрии, Болгарии, Сербии, Турции, Китая, Хорватии и Чехии. Вдобавок в заседаниях совещания в качестве слушателей приняли

участие несколько десятков студентов, преподавателей вузов и сотрудников исследовательских институтов. Накануне работы совещания в Исторической библиотеке была открыта тематическая выставка «Российская славистика 2013–2023». Очевидно, что запрос на подобные мероприятия среди российских славистов есть, что внушает определенный оптимизм по поводу сохранения высокого уровня российского славяноведения и дает надежды на возобновление международного славистического сотрудничества.

Информация об авторе:

Гусев Никита Сергеевич

кандидат исторических наук, ученый секретарь

Институт славяноведения

Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9573-7018

E-mail: kin@gusevns.ru

Information about the author:

Nikita S. Gusev

PhD (History), Scientific Secretary

Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9573-7018

E-mail: kin@gusevns.ru

Славяноведение, 2024, № 2, с. 151–154

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, № 2, pp. 151–154

DOI: 10.31857/S0869544X24020155, EDN: zcdxqw

Оригинальная статья / Original Article

Конференция: «Социально-политические движения в истории России и Польши»

© 2024 г. Б.В. Носов

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

bnossov@mail.ru

Ссылка для цитирования: Носов Б.В. Конференция: «Социально-политические движения в истории России и Польши» // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 151–154. DOI: 10.31857/S0869544X24020155, EDN: zcdxqw

A Session: «Socio-Political Movements in the History of Russia and Poland»

© 2024. Boris V. Nosov

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

bnossov@mail.ru

For citation: Boris V. Nosov. A Session: «Socio-Political Movements in the History of Russia and Poland» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 151–154. DOI: 10.31857/S0869544X24020155, EDN: zcdxqw

Международная научная конференция российской части Комиссии историков России и Польши прошла 26 октября 2023 г. в рамках III Всероссийского совещания славистов в Москве. В конференции приняли участие ученые России и Белоруссии, представлявшие Институт славяноведения РАН, Институт российской истории РАН, Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Гродненский (Белоруссия) государственные университеты, РГГУ, НИУ ВШЭ и Государственный музей-заповедник «Остафьево» – «Русский Парнас», (Москва). Организатором совещания выступил Институт славяноведения РАН.

III Всероссийское совещание славистов значительно превосходило предыдущие (2003 и 2013 гг.) как по числу участников и организованных секций, так и по рассмотренной фундаментальной проблематике. Кризисные процессы, охватившие практически все мировое сообщество, привели к политическому и духовному расколу славянского мира, и в этих условиях проведение Всероссийского совещания славистов имело чрезвычайно большое значение. Исторически особое положение России в славянском мире необходимо учитывать как при анализе международных отношений, так и при рассмотрении внутреннего социального и духовного развития современного российского общества, а также и «русского мира» за пределами государственных границ Российской Федерации. Все отмеченные обстоятельства не могли не сказаться на развитии славяноведения как направления мировой науки и российского славяноведения как ведущего направления мировой славистики. Разумеется, предметом обсуждения на совещании стали и внутренние проблемы

развития славяноведения в России, и актуальные задачи Института славяноведения РАН как его интегрирующего центра.

В ходе конференции российской части Комиссии историков России и Польши были заслушаны 13 докладов, в том числе чл.-корр. РАН Б.Н. Флоря, заслуженного профессора МГУ Г.Ф. Матвеева, заслуженного деятеля науки РФ И.И. Шарифжанова, директора Института российской истории РАН, председателя российской части Комиссии историков России и Польши Ю.А. Петрова. Три доклада были сделаны молодыми учеными, и высокий научный уровень этих докладов был отмечен в дискуссии. Члены Комиссии историков Б.Н. Флоря, М.В. Лескиннен, Л.П. Марней, Б.В. Носов, А.Ф. Носкова также выступили с докладами на пленарном заседании и на секциях.

Открывая конференцию российской части Комиссии историков России и Польши, сопредседатель Комиссии профессор Ю.А. Петров (директор ИРИ РАН) отметил, что «для российской исторической науки, для традиций Российской академии наук характерно теснейшее соединение научных исследований в области отечественной истории, истории Польши и истории славянских народов», что «опыт начавшегося XXI столетия вновь ставит перед нами классический вопрос о соотношении исторической общности славянских народов — идеи славянской взаимности и научного славяноведения». В связи с этим он привел высказывание своего предшественника во главе Комиссии историков России и Польши — чл.-корр. РАН В.К. Волкова: «славяноведение — это наука о национально-государственных интересах России».

В ходе конференции были рассмотрены проблемы общих тенденций и особенностей социально-политического развития России и Польши, начиная с раннего Нового времени и до наших дней. Начало их обсуждения было положено еще на пленарном заседании совещания в докладе Б.Н. Флоря (ИСЛ РАН) «Восточная и Центральная Европа в эпоху раннего и в начале развитого средневековья». Исходным тезисом референта стало классическое для историографии региона положение о характере и специфике феодализма на востоке Европейского континента, который одни исследователи определяли формально-юридически, а другие — по характеру социальных земельных отношений и их обусловленности обязательной государственной службой господствующих сословий. Б.Н. Флоря, опираясь на достижения польской и отечественной историографии, подчеркнул, что развитие феодализма в Польше и в Центральной Европе в целом характеризовалось процессом внутрисословной индивидуализации и постепенным развитием системы феодальных иммунитетов. Напротив, на востоке Европы, по его мнению, преобладала тенденция формирования служилых сословных корпораций и централизованная система феодального землевладения, юридически оформленная в виде верховных прав государства.

Особо Б.Н. Флоря отметил характерную для Восточной Европы роль городских феодальных корпораций на примере Новгорода и Пскова. Однако аналогичная роль городов (как боярских корпораций) проявлялась и в других феодальных центрах средневековой Восточной Европы: в Киеве, во Владимире и даже в Москве XIV в. Тему средневекового города Восточной Европы Б.Н. Флоря продолжил на конференции Комиссии в докладе о сравнительном социальном и правовом статусе «городовых» дворянских и посадских корпораций XVII в. Он указал на обособление в России дворянских элит от основной массы служилого дворянства и на сближение на земских соборах середины столетия требований горожан и дворян о расширении своих прав в области самоуправления и суда. Однако эта тенденция, как показал Б.Н. Флоря, не получила дальнейшего развития. В ходе дискуссии было отмечено, что, вероятно, это было связано с расширением прав дворянства на землю и крестьян, что в следующем столетии реализовалось в форме сословной диктатуры дворянства. Здесь наблюдается известная общность сословного статуса дворянства в России и польской шляхты.

Эволюция русской политики в Польше XVIII — первой половины XIX в. была рассмотрена в докладах К.А. Кочегарова (ИСЛ РАН, ВШЭ), и Б.В. Носова (ИСЛ РАН). Каждый референт на своем материале показывал, что тенденция к взаимодействию между двумя странами в этот период основывалась на общих интересах господствующих дворянских сословий России и Речи Посполитой, направленных на охрану системы феодального землевладения, крепостничества и дворянских привилегий. Решающую роль в обострении противоречий между Россией и Польшей играло вмешательство в отношения между двумя странами иностранных великих держав, а также фактор развития европейского революционного движения.

Проблеме развития революционного движения в России и в Польше в эпоху великих реформ в 1860-е годы был посвящен доклад В.Е. Туманина и И.И. Шарифжанова (Казанский ун-т) о связях русских и польских революционеров в Казани. Центральным тезисом доклада стало положение о переходе русского и польского революционного движения от дворянского этапа к революционной демократии и об особенностях этого процесса в целом и применительно к Поволжью.

Весьма важное место в работе конференции заняли проблемы идеологии и общественной мысли в русском и польском обществе XVII — начала XX в., в частности, униатская полемика в Польше второй половины XVII в., задачей которой было опровержение «греческих претензий» на вселенскую роль православия (доклад *К.М. Медведева* — СПбГУ). В дискуссии по докладу отмечались связи этой полемики с переходом Киевской метрополии под юрисдикцию Московской патриархии и со стремлением Московского царства выступить преемником византийского великодержавия и патроном восточных патриархов и православия в целом.

Большой интерес участников конференции вызвал доклад *Т.А. Егеревой* (Государственный музей-заповедник «Остафьево» — «Русский Парнас») «Европейская мысль как источник для конструирования дискурса ранних русских консерваторов». В нем была поставлена важнейшая проблема преемственности и взаимного проникновения в истории и культуре России и Польши эпох Просвещения и романтизма. В докладе на примере представителей общественной мысли круга Н.М. Карамзина было показано, что идеология неабсолютизма основывалась на трудах французских просветителей-классиков и на просветительской мысли Германии (вплоть до прямых текстуальных заимствований). В ходе дискуссии участники конференции развили этот тезис на примере польских конституционалистов периода 1814—1815 гг. и отметили, что идеология Просвещения в Центральной и Восточной Европе сохраняла свою актуальность вплоть до революционного кризиса в Европе 1820-х годов, а в России — до восстания декабристов 1825 г.

Либеральной русской общественной мысли второй половины XIX — начала XX в. по так называемому польскому вопросу был посвящен доклад *Т.Т. Кручковского* (Гродненский ун-т) «Проблема западного цивилизационного выбора Польши в период формирования ее государственности в оценке русской либеральной историографии». Автор показал, что русские историки либерального направления, в частности, преподававшие в русском императорском Варшавском университете (например, Н.И. Кареев), выработали концепцию закономерного и естественного цивилизационного развития Древней Польши в противовес, с одной стороны, польской концепции мессианства, а с другой — российским правоконсервативным воззрениям о якобы погубившем Польшу «католическом выборе».

Проблеме идеологической интерпретации русско-украинско-польского культурного взаимодействия был посвящен доклад члена Комиссии *М.В. Лескинен* (ИСл РАН): «Этно- и топонимика Украины в учебных книгах по истории (1870—1910-е годы). Сюжет о «присоединении Малороссии в 1654 г.» на секции «Проблемы восточнославянской этнонимии в XVII—XX веках». В докладе было показано, как этнонимы и топонимы, с одной стороны, играют большую роль в исторической памяти народа, отражают глубинные процессы становления и эволюции этнических общностей и их взаимодействие с соседями, а с другой — как они функционируют в разного рода идеологических системах.

Оживленную дискуссию на конференции российской части Комиссии вызвал доклад *В.И. Короневского* (СПбГУ) «Формирование сонмов местных православных святых в контексте трансформации региональных идентичностей в белорусско-литовских губерниях Российской империи (последняя треть XIX — начало XX в.)». Поставленная проблема, казалось бы, довольно частная, позволила в докладе и в дискуссии поднять вопросы регионального и национального сознания населения Белоруссии исследуемого периода, специфики распространения национальной идеологии не только в среде правящих классов и в верхах национальной интеллигенции, но и в среде демократических слоев города и деревни, в первую очередь — крестьянства.

Значительное внимание в ходе работы конференции было посвящено периоду Новейшей истории. *Г.Ф. Матвеев* (МГУ) проанализировал партийно-политическую структуру рабочих и крестьянских партий зарубежных славянских стран 1920—1930-х годов, показав связь особенностей их идеологии и организационного строения со спецификой социально-политического развития Центральной и Восточной Европы в межвоенный период. Особое внимание докладчик уделил идеологии аграризма. В обсуждении доклада были затронуты важные вопросы влияния экономических кризисов рубежа 1920—1930-х и середины 1930-х годов на идеологию и тактику партий, а также влияния на них официальной внешней политики СССР, с одной стороны, и курса Коминтерна — с другой.

Политика «коренизации», проводимая большевиками в Белоруссии в 1920—1930-е годы была рассмотрена в докладе *Ю.А. Борисенка* (МГУ). Референт обосновал тезис о ее внутренней противоречивости, поскольку тенденция создания национальных форм советской организации вступала в заметное противоречие с бытованием на территории Белоруссии в рассматриваемый период польских национальных элементов.

А.Ф. Носкова (ИСл РАН) проанализировала опыт реализации одного из важнейших проектов публикации исторических источников «Советский Союз и польское военно-политическое подполье

1943–1945», осуществляемый Росархивом и Институтом славяноведения РАН с середины 2010-х годов, однако ее доклад вышел далеко за рамки объявленной темы. И в докладе, и в дискуссии были фактически рассмотрены фундаментальные вопросы истории Второй мировой войны, в первую очередь — истории Польши в годы гитлеровской оккупации, истории польского движения Сопротивления, а также отношения СССР с эмигрантским правительством в Лондоне. На основе историографии и исторических источников был обоснован вывод о в целом антифашистских позициях Польши в период Второй мировой войны, несмотря на имевшие место отдельные коллаборационистские и антисоветские тенденции.

Реферат А.Ф. Носковой хронологически и по проблематике был тесно связан с другим ее докладом, «Проблема восточной границы Польши в международном контексте (1939–1945)», прочитанным на секции «История Восточной Европы после Второй мировой войны». Здесь в центре внимания была фундаментальная проблема становления потсдамско-ялтинской системы международных отношений после Второй мировой войны, одним из ключевых элементов которой был вопрос о территории и границах воссозданного польского государства как основного союзника СССР в послевоенной Европе.

Хронологически периоду после Второй мировой войны был посвящен подготовленный в соавторстве доклад Л.П. Марней и Б.В. Носова (ИСл РАН) «К истории отечественного славяноведения: создание Института славяноведения РАН (по архивным документам 1946 года)», представленный в секции «История славяноведения и историография». В докладе были введены в научный оборот новые документы, отразившие развитие АН СССР в первые послевоенные годы и создание Института славяноведения, формирование его исследовательской программы и организационной структуры, роль в создании института выдающихся ученых Н.С. Державина и Б.Д. Грекова. В докладе отмечено, что «создатели института и объединенные вокруг него славяноведы ведущих научных центров СССР и разных стран, преимущественно славянских, исходили из того, что славянская общность народов и наций имеет объективный фундамент, нашедший воплощение в типологической близости исторического процесса, социальной жизни, общественного сознания и культуры славянских народов. Это обстоятельство обусловило развитие мирового славяноведения как комплексной научной дисциплины. Оно же послужило основанием для определения комплексного характера исследовательской работы и организационной структуры Института славяноведения при известном преобладании в его научной программе исторических исследований, что связано, среди прочего, с традициями российского славяноведения и с его непосредственной связью с историей России как научного направления».

Доклад Л.Е. Горизонтова (РГГУ) на конференции российской части Комиссии был посвящен современной истории Польши, самому последнему ее периоду, завершившемуся выборами в Сейм в октябре 2023 г. Докладчик сразу отметил, что, не будучи политологом, он не станет прогнозировать развития политической ситуации в дальнейшем и остановился на социальном анализе расстановки партийно-политических сил накануне выборов, уделив главное внимание тенденциям возрождения в современной Польше идеологии национальных демократов 1920-х годов.

В ходе итоговой дискуссии ее участники отметили, во-первых, непреходящее значение в современных исследованиях достижений предшествующих поколений отечественных и польских историков второй половины XX в., в том числе и трудов Института славяноведения РАН, которые зачастую замалчиваются, а иногда безосновательно отвергаются. Было также отмечено, что нередко возрождаемый в новейшей публицистике тезис о некой экзистенциальной враждебности Польши по отношению к России, тем более об их цивилизационном противостоянии несостоятелен по существу и носит антинаучный характер. Участники конференции выразили общее убеждение в необходимости бережного отношения к более чем 200-летнему опыту научного сотрудничества России и Польши, в общей заинтересованности в его продолжении и развитии с обеих сторон и сегодня, и в будущем.

Информация об авторе:

Носов Борис Владимирович

доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4253-1259
E-mail: bnossov@mail.ru

Information about the author:

Boris V. Nosov

DSc. (History), Head of the Department
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4253-1259
E-mail: bnossov@mail.ru

Памяти Михаила Николаевича Кузьмина (1931–2023)

Ссылка для цитирования: Памяти Михаила Николаевича Кузьмина (1931–2023) // *Славяноведение*. 2024. № 2. С. 155–156. DOI: 10.31857/S0869544X24020167, EDN: zcdvku

Mikhail N. Kuzmin (1931–2023)

For citation: Mikhail N. Kuzmin (1931–2023) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2024. No. 2. P. 155–156. DOI: 10.31857/S0869544X24020167, EDN: zcdvku

4 ноября 2023 г. на 93-м году жизни скончался Михаил Николаевич Кузьмин, многолетний сотрудник Института славяноведения, член-корреспондент Российской академии образования, известный специалист по проблемам истории школы и народного образования в странах Центральной и Восточной Европы.

М.Н. Кузьмин родился 29 сентября 1931 г. в Москве в семье известного художника-графика Николая Васильевича Кузьмина (1890–1987), выдающегося иллюстратора произведений русской и зарубежной классической литературы. Будучи прекрасным знатоком творческого наследия отца, М.Н. Кузьмин подготовил и опубликовал после его кончины книгу, занявшую свое место в отечественной пушкинистике: «Во сне я видел Пушкина...»: А.С. Пушкин в рисунках и эссе Н.В. Кузьмина. М., 1999.

После окончания в 1954 г. исторического факультета МГУ М.Н. Кузьмин работал учителем истории в белорусском городе Полоцке, затем поступил в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, а в 1958 г. стал штатным сотрудником института, включившись в работу над трехтомной «Историей Чехословакии». Затем он приступил к изучению круга проблем, ранее не привлекавших внимания отечественной историографии — создание национальных школ разных ступеней в чешских и словацких землях монархии Габсбургов, повышение образовательного уровня населения этих земель в контексте процессов модернизации общества, реформ просвещенного абсолютизма Марии Терезии и Иосифа II (70–80-е годы XVIII в.), национальной политики венского двора (а после преобразования Австрийской империи в Австро-Венгерскую монархию в 1867 г. также и венгерского правительства) в XIX — начале XX в., процессов чешского национального Возрождения, развития чешской и словацкой культуры в Новое время. Несколько позже М.Н. Кузьмин обратился также к исследованию школьной политики в межвоенной демократической Чехословакии, где властями в соответствии с представлениями Т.Г. Масарика проводилась идея создания единой чехословацкой нации, оказавшаяся в конечном итоге несостоятельной. Статьи ученого публиковались в изданиях Института славяноведения, а на основе кандидатской диссертации была подготовлена и вышла в свет в 1971 г. его монография «Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII — 30-е годы XX в.)», удостоенная премии имени К.Д. Ушинского решением Президиума Академии педагогических наук СССР. Работы М.Н. Кузьмина по этому кругу проблем публиковались и в Чехословакии в переводе на чешский язык.

В 1970 г. М.Н. Кузьмина пригласили в штат НИИ общей педагогики АПН СССР, где он возглавил сектор школы и педагогики социалистических стран. В 1976 г. под его редакцией было опубликовано коллективное исследование «Школа европейских стран социализма: послевоенное развитие и современные проблемы».

В том же 1976 г. М.Н. Кузьмин возвратился в Институт славяноведения и балканистики АН СССР, где проработал до 1991 г., руководил рядом научных проектов, в 1980-е годы возглавлял

сектор и отдел. В круг его научных интересов в этот период вошли история педагогической мысли и школьного дела, проблемы культурно-образовательной политики, формирование интеллигенции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в Новое, но особенно в Новейшее время. При этом М.Н. Кузьмина всегда отличало стремление к выработке более совершенной методологии анализа социокультурных процессов в условиях смены экономических и политических систем. За вклад в изучение педагогического наследия Яна Амоса Коменского М.Н. Кузьмин был удостоен премии правительства Чехословакии. Его работы по проблемам развития грамотности в Европе опубликованы и в западных изданиях. За заслуги в укреплении международного научного сотрудничества он был награжден также медалью Йозефа Главки Чехословацкой академии наук.

Начиная с 1990 г. М.Н. Кузьмина привлекало в качестве консультанта Министерство образования России при проведении школьных реформ, а в 1991 г. он стал директором НИИ национальных проблем образования, куда по его инициативе были приглашены видные этнологи, социологи, культурологи, теоретики педагогики и где под его руководством велась разработка принципов построения системы национальных школ разного уровня в Российской Федерации. Эти принципы нашли отражение в его труде «Полиэтничность российского общества и задачи системы образования как инструмент модернизации России» (М., 1998). На новом месте в полной мере оказались востребованы глубокие знания М.Н. Кузьмина и его профессиональный исследовательский опыт, приобретенный в стенах Института славяноведения и балканистики при изучении культурно-образовательной политики и становления национальных школ в условиях полиэтничных государственных образований (монархии Габсбургов, межвоенной Чехословакии). М.Н. Кузьмин возглавлял Институт национальных проблем образования до 2005 г., когда произошла коренная реорганизация этой структуры, и позже продолжал заниматься научной работой. Не прерывал он связей и с Институтом славяноведения РАН.

М.Н. Кузьмин состоял членом редколлегии журнала «Советское славяноведение», на страницах нашего журнала был опубликован ряд его статей, в том числе о творчестве Я.А. Коменского в контексте развития европейской общественной мысли XVII в., об изучении его наследия в дореволюционной России.

Михаил Николаевич Кузьмин, высокоинтеллигентный человек и историк культуры с широким кругозором, останется в памяти всех, кто с ним работал.

Коллеги-слависты